

Международная защита прав человека

Выпуск 3

**Право на свободу
и личную неприкосновенность:
европейские стандарты
и российская практика**

СЕРИЯ «МЕЖДУНАРОДНАЯ ЗАЩИТА
ПРАВ ЧЕЛОВЕКА»

ВЫПУСК 3

Екатеринбург
Издательство Уральского университета
2005

ББК Х911.3
П 685

Под общей редакцией *А. В. Деменевой*,
юриста Уральского центра конституционной и международной
защиты прав человека, магистра международного права

Право на свободу и личную неприкосновенность: европей-
П 685 ские стандарты и российская практика / Под общ. ред. А. В. Де-
меневой. — Екатеринбург: Изд-во Урал ун-та, 2005. — 198 с. (Меж-
дународ. защита прав человека; Вып. 3).

ISBN 5-7525-1353-7

Данное издание является третьей книгой серии «Международная защита прав человека». В нем рассматриваются стандарты защиты права на свободу и личную неприкосновенность, гарантированные статьей 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод и получившие свое развитие в практике Европейского суда по правам человека; проводится анализ соответствия российского законодательства и практики указанным стандартам; дается обзор дел, рассмотренных Европейским судом в отношении Российской Федерации и других государств, ратифицировавших Европейскую конвенцию, о нарушении статьи 5 Конвенции.

Адресовано юристам неправительственных организаций, адвокатам, судьям, преподавателям и студентам юридических вузов и факультетов, а также всем тем, кто интересуется вопросами применения международных норм по защите прав человека в российских судах и Европейском суде по правам человека.

ББК Х911.3

**Издание книги стало возможным благодаря поддержке
общественного объединения «Сутяжник» Фондом
Джона Д. и Кэтрин Т. Макартуров**

© Коллектив авторов, 2005
© ОО «Сутяжник», составление, перевод, 2005
© Л. А. Резниченко, перевод, 2005
© А. Л. Бурков, фото на обложке, 2005
© Издательство Уральского университета, 2005

ISBN 5-7525-1353-7

ОГЛАВЛЕНИЕ

Учиться на чужих ошибках. <i>Мерзлякова Т. Г.</i>	5
Предисловие	6
<i>Глава 1.</i> Реализация права личности на свободу: статья 5 Европейской конвенции о защите прав человека. <i>Мак-Брайд Дж.</i>	7
<i>Глава 2.</i> Защита права на свободу и личную неприкосновенность в российском законодательстве и судебной практике. <i>Деменева А. В.</i>	36
2.1. Основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность в российском законодательстве: общие понятия	36
2.2. Требования пункта «а» части 1 статьи 5 Конвенции: законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом, и соответствующие положения российского законодательства	38
2.3. Требования пункта «b» части 1 статьи 5 Конвенции: законный арест или задержание лица за невыполнение законного решения суда или с целью обеспечения любого обязательства, предписанного законом	42
2.4. Требования пункта «с» части 1 статьи 5 Конвенции: законный арест или задержание лица, произведенные с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения	43
2.5. Пункт «d» части 1 статьи 5 Конвенции: задержание несовершеннолетнего на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное задержание с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом	56
2.6. Пункт «е» части 1 статьи 5 Конвенции: законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг	57
2.7. Пункт «f» части 1 статьи 5 Конвенции: законный арест или задержание лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче	58
2.8. Принципы части 2 статьи 5 Конвенции: каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке	

причины его ареста и любое предъявленное обвинение	58
2.9. Часть 3 статьи 5 Конвенции: требование незамедлительного доставления к судье как процессуальная гарантия законности	59
2.10. Часть 4 статьи 5 Конвенции: право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности заключения под стражу и на освобождение, если заключение под стражу признано судом незаконным	64
2.11. Часть 5 статьи 5 Конвенции: каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию	65
<i>Глава 3. Принудительная госпитализация душевнобольных в Российской Федерации в соответствии со статьей 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. Бурков А. Л.</i>	<i>67</i>
3.1. Заключение под стражу душевнобольных в соответствии со статьей 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод	68
3.2. Принудительная госпитализация душевнобольных лиц в правовой системе Российской Федерации	78
<i>Приложение 1. Постановление Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 10 октября 2003 г. № 5 «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации»</i>	<i>92</i>
<i>Приложение 2. Обзор прецедентов Европейского суда по правам человека по статье 5 Европейской конвенции</i>	<i>104</i>
<i>Приложение 3. Решения Европейского суда по правам человека (дела «Ракевич против России», «Гусинский против России»)</i>	<i>136</i>
<i>Приложение 4. Постановление Конституционного Суда РФ от 3 мая 1995 г. № 4-П «По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. А. Аветяна»</i>	<i>174</i>
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 13 июня 1996 г. № 14-П «По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина»	180
Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 июня 2000 г. № 11-П «По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова»	189

Учиться на чужих ошибках

Международные механизмы защиты прав человека уже стали реальностью для любого жителя нашей области. Благодаря деятельности правозащитников, юристов-международников, нашему коллективу о доступности Европейского суда можно говорить смелее, чем о любом другом международном органе.

Свердловская область активна в написании обращений, правда, очень мал процент приемлемых жалоб. Конечно, не хочется загружать столь уважаемый суд. Но это издержки нашего времени, когда мы ищем правду на стороне. Я бы очень хотела, чтобы брошюру изучили внимательно те, на кого жалуются граждане. Мне доводилось не раз бывать в Европейском суде по правам человека, встречаться с его юристами в Москве и Екатеринбурге, и все в один голос говорят: нам нужно учиться работать с людьми. Чиновник, отмахнувшийся от человека. Судья, не ставший дожидаться адвоката. Судебный пристав, решивший, что все пути исполнения судебного решения исчерпаны. Милиционер, посчитавший, что прав тот, у кого больше прав. Все эти ниточки ведут, к сожалению, в Страсбург. А там выносятся неприятные для нас решения. Лучше бы, если бы мы решали свои проблемы дома.

Страсбургу трудно нас понять. Существует стереотип России как страны, где нет ни свободы слова, ни свободы мысли. Противостоять стереотипу трудно, но необходимо. Не европейцы же виноваты, что мы не стали пока цивилизованной страной.

И противостоять мы можем, если будем соблюдать все процессуальные моменты. Все. От получения обращения, заявления, жалобы от человека до исполнения решения как в досудебном, так и судебном порядке.

Так работают в Скандинавии. Так должны работать мы. Чтобы не было надобности нашему человеку обращаться в Страсбург.

*Татьяна Георгиевна Мерзлякова,
Уполномоченный по правам человека
Свердловской области*

Предисловие

Издание продолжает серию книг «Международная защита прав человека», учрежденную ОО «Сутяжник» в 2001 г., и является третьим после книг «Европейский суд по правам человека: правила обращения и судопроизводства» (Екатеринбург, 2001) и «Европейские стандарты права на справедливое судебное разбирательство и российская практика» (Екатеринбург, 2003).

Настоящая книга посвящена защите права на свободу и личную неприкосновенность. Основой для написания послужила практика Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека общественного объединения «Сутяжник».

Книга открывается главой Джереми МакБрайда, посвященной общим требованиям защиты права на свободу и личную неприкосновенность, видам гарантий, обеспечивающих эти права, и минимальным стандартам защиты, выработанным практикой Европейского суда по правам человека. Во второй главе рассматриваются вопросы соответствия российского законодательства европейским правовым стандартам в области права на свободу и личную неприкосновенность. Издание примечательно тем, что в нем представлен первый успешный опыт юристов организации по защите в Европейском суде прав заявителя, нарушенных Российской Федерацией, что привело к установлению Европейским судом факта нарушения статьи 5 Конвенции в отношении российской гражданки. защите права на свободу и личную неприкосновенность лиц, недобровольно помещаемых в психиатрические учреждения, соответствию российской практики в этой сфере Европейской конвенции и прецедентному праву Суда посвящена отдельная глава книги.

В приложении представлены Постановление Пленума Верховного Суда РФ «О применении судами общей юрисдикции общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров РФ» № 5 от 10.10.2003 г., обзор решений Европейского суда по статье 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод в авторском переводе на русский язык, постановления Конституционного суда РФ по вопросам защиты права на свободу и личную неприкосновенность.

Авторскому коллективу и сотрудникам ОО «Сутяжник» удалось подготовить издание, которое поможет российским юристам в понимании и применении международных норм и механизмов при защите одного их важнейших прав человека – права на свободу.

Сергей Иванович Беляев,
президент общественного объединения «Сутяжник»
(Россия, Екатеринбург)

Глава 1

Реализация права личности на свободу: статья 5 Европейской конвенции о защите прав человека¹

*Джереми Мак-Брайд**

Статья 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод (далее — Конвенция) устанавливает:

1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

а) законное содержание под стражей лица, осужденного компетентным судом;

б) законное задержание или заключение под стражу (арест) лица за неисполнение вынесенного в соответствии с законом решения суда или с целью обеспечения исполнения любого обязательства, предписанного законом;

в) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение или правонарушения или помешать ему скраться после его совершения;

д) заключение под стражу несовершеннолетнего лица на основании законного постановления для воспитательного надзора или его законное заключение под стражу, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом;

е) законное заключение под стражу лиц с целью предотвращения

¹ Лекция, подготовленная для тренинга в рамках совместного проекта общественного объединения «Сутяжник» (Екатеринбург) и Международного центра юридической защиты прав человека «ИНТЕРАЙТС» (Великобритания, Лондон), проводившегося в Екатеринбурге в апреле 2000 г. Перевод с английского Л. А. Резниченко.

*Джереми Мак-Брайд — старший преподаватель Бирмингемского университета, вице-президент Международного центра юридической защиты прав человека «ИНТЕРАЙТС».

распространения инфекционных заболеваний, а также законное заключение под стражу душевнобольных, алкоголиков, наркоманов или бродяг;

f) законное задержание или заключение под стражу лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче.

2. Каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявляемое ему обвинение.

3. Каждый задержанный или заключенный под стражу в соответствии с подпунктом «с» пункта 1 настоящей статьи незамедлительно доставляется к судье или иному должностному лицу, наделенному, согласно закону, судебной властью, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда. Освобождение может быть обусловлено предоставлением гарантий явки в суд.

4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным.

5. Каждый, кто стал жертвой ареста или заключения под стражу в нарушение положений настоящей статьи, имеет право на компенсацию.

В статье 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод закреплена ключевая элемент всего комплекса прав человека и их защиты. И дело не только в том, что личная свобода — это состояние, на которое, в принципе, имеет право каждый, и право это является одним из основных. Лишение свободы способно прямо воспрепятствовать осуществлению многих других гарантированных Конвенцией прав — от права на уважение семейной и частной жизни до права на свободу выражения своего мнения. Кроме того, лицо, подвергнутое лишению свободы, попадает в крайне уязвимое положение: ему может угрожать применение пыток и бесчеловечное или унижающее достоинство обращение, противоречащее статье 3 Конвенции. Необходимо иметь в виду, что всякое лишение свободы должно быть мерой исключительной, объективно обоснованной и не должно длиться дольше, чем это абсолютно необходимо. Именно эти требования ставятся перед государствами, принявшими Конвенцию, в статье 5, конкретное же их содержание раскрывается в весьма об-

ширной судебной практике Европейского суда по правам человека (далее — Суд). Охватить в одной статье все аспекты этих требований во всей их сложности невозможно, и мы здесь остановимся прежде всего на основаниях для лишения свободы в рамках уголовного процесса и на роли судов в соблюдении стандартов, установленных Конвенцией.

Согласно Конвенции лишение свободы возможно лишь по законным основаниям и допустимо только для достижения целей, перечисленных в статье 5. Ниже будут рассмотрены условия применения этих требований.

Во-первых, лишение свободы должно не только соответствовать внутреннему законодательству, но и удовлетворять потенциально более широкому толкованию понятия «законность», которое предусматривает Конвенция. Так, если существует условие, что любое лишение свободы возможно лишь после выполнения некоторой процедуры, то отсутствие необходимой процедуры будет автоматически означать нарушение статьи 5, даже если мотивы для ареста или заключения под стражу подпадают под одно из оснований, перечисленных в статье 5. Например, в деле *Lukanov v. Bulgaria*² бывший премьер-министр был лишен свободы в связи с передачей государственных средств развивающимся странам. Статья 5(1) «с» Конвенции допускает лишение свободы в связи с уголовными преступлениями, однако в данном деле не было установлено ни то, что действия, которые привели к лишению свободы, действительно носили преступный характер, ни то, что какой-либо факт или информация давали основание для подозрения в том, что Луканов добивался при этом личных выгод.

Но даже формальное соответствие нормам внутреннего законодательства само по себе еще не означает полного соблюдения критерия законности, как он формулируется в Конвенции. В более широком смысле, в каком понятие законности употребляется в Конвенции, произвольным и незаконным может быть признано использование законных полномочий в обстоятельствах, когда лишение свободы не было действительно необходимым — к примеру, для установления личности в ситуации, когда данное лицо уже известно полицейскому. Аналогично Конвенцией не допускается и использование

² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Lukanov v. Bulgaria* от 20 марта 1997 г.

законных полномочий для достижения незаконной цели. Например, по нормам Конвенции ни в коем случае не будет признано законным задержание, произведенное якобы для депортации, а на самом деле для того, чтобы обойти ограничения на экстрадицию, даже если подобное применение норм внутреннего законодательства внутри страны считается допустимым.

Содержащийся в первом параграфе статьи 5 Конвенции перечень обстоятельств, при которых лицо может быть взято под стражу, полагается исчерпывающим. Это означает, что если лишение свободы нельзя объяснить ссылкой на какое-то из обстоятельств, включенных в перечень обстоятельств, лишение свободы осуществлено в нарушение Конвенции. Разумеется, содержащиеся в статье 5(1) формулировки оснований для лишения свободы открыты для толкования, однако границы такого толкования теперь достаточно полно определены прецедентами судебной практики, и не следует полагать, что любое лишение свободы можно оправдать простой ссылкой на тот или иной пункт. Это следствие того обстоятельства, что данные нормы толкуются с отсылкой к имеющему преимущественную силу требованию, в соответствии с которым нормальным полагается пребывание на свободе. Так, статья 5(1) «b», предоставляющая, по-видимому, наиболее широкие основания для ареста или задержания — возможность лишения свободы с целью обеспечения выполнения любого обязательства, предписанного законом, — толкуется в соответствии с рассматривавшимися выше условиями законности. Следовательно, обязательство, для выполнения которого лицо берется под стражу, должно быть определено в высшей степени конкретно; и хотя данный пункт может служить основанием для задержания с целью установления личности (при уже отмеченных условиях) или для допроса как части контрольной процедуры на границе, на него нельзя ссылаться как на основание для задержания с целью допроса по менее определенным мотивам, не говоря уже о таком мотиве, как предотвращение совершения данным лицом преступления в отсутствие намерения предать его суду. Последний момент прояснен Судом при рассмотрении дела *Lawless v. Ireland*³, где он определил, что административное или превентивное заключение не подпадает ни под какие мотивы, признаваемые статьей 5 в качестве правомерных оснований для лишения свободы.

³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Lawless v. Ireland* от 1 июля 1965 г.

Обращаясь к уголовному процессу, стоит упомянуть о терминологии, принятой в Конвенции, в частности об использовании слов «арест» и «задержание». В национальном законодательстве они могут иметь специфическое толкование, и часто эти слова действительно трактуются по-разному. Однако, как и в случае со многими другими аспектами Конвенции, термины, употребляемые в ней, имеют автономное значение, и, применяя нормы статьи 5, их следует использовать и понимать именно в этом значении, а не в том, в каком они употребляются внутри страны, иначе можно прийти к ошибочным представлениям о степени соответствия принятым обязательствам. «Арест» трактуется в Конвенции как первоначальный акт задержания кого-то по подозрению в причастности к преступлению, а не как более формальная мера, которая обычно предпринимается на более поздней фазе расследования, зачастую когда данное лицо уже не находится на свободе. Это особенно важно, если речь идет о судебном контроле за лишением свободы. «Задержание» — это любая предусмотренная законом мера лишения кого-то свободы; применение этого термина не привязано к каким-то конкретным процедурам, применяемым в конкретных странах.

Непосредственное отношение к лишению свободы в ходе уголовного судопроизводства до осуждения имеет пункт «с» статьи 5(1). После осуждения применяется пункт «а» статьи 5(1). Как видно из текста, лишение свободы может происходить либо до, либо после совершения правонарушения. Как мы видели на примере дела *Lukanov*, для того, чтобы лишение свободы было законным, должно быть действительно совершено правонарушение, однако одного этого еще недостаточно. Предъявляются и дополнительные требования: лицо, подвергнутое лишению свободы, должно быть доставлено в компетентный судебный орган, чем подчеркивается, что цель лишения свободы связана с уголовным судопроизводством, и, кроме того, обеспечиваются гарантии, к которым мы еще вернемся, и в отношении данного лица должно существовать обоснованное подозрение в совершении им правонарушения. Это возможно лишь при условии, что подозрение обосновано фактами или информацией, объективно связывающими данное лицо с предполагаемым преступлением. Таким образом, должны существовать доказательства, прямо указывающие на данное лицо, либо аналогичные по своему смыслу документальные свидетельства или судебно-медицинские данные. Поэтому недопустимы задержания на основании ощущений, интуиции, ассоциа-

ций либо предубеждения (независимо от его характера — этического, религиозного или любого другого). Одного лишь факта, что то или иное лицо совершило какое-то правонарушение — даже аналогичное — в прошлом, недостаточно для обоснованного подозрения, что и дал понять Суд в деле *Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom*⁴. Важно, чтобы подозрение было связано с поведением человека в данный момент. Обоснованность подозрения может, конечно, впоследствии и ослабнуть, если определенные действия найдут свое объяснение или станут известны новые факты. Но это не делает лишение свободы до того момента незаконным, поскольку о допустимости содержания под стражей до суда следует решать на основании улик, доступных в рассматриваемый момент времени.

Все эти требования существенно ограничивают возможности для произвольного лишения свободы, однако необходимы эффективные средства, которые гарантировали бы их постоянное соблюдение. Отсюда особая роль специального комплекса мер, которые должно принимать государство. Цель таких мер — гарантировать тщательное рассмотрение любого случая лишения свободы и, что особенно важно, предотвращать ситуации, когда последнее слово при вынесении такого рода решений принадлежало бы органам исполнительной власти. Именно по этой причине в Конвенции особо выделяются две связанные, хотя и не совпадающие функции суда. К первой относится требование, сформулированное в части 3 статьи 5 Конвенции, в соответствии с которым арестованное или задержанное лицо должно незамедлительно доставляться к судье или другому должностному лицу, уполномоченному законом исполнять судебные полномочия. Вторая функция связана со специально предусмотренным в части 4 статьи 5 правом каждого лишенного свободы лица на судебное разбирательство, в ходе которого должно быть безотлагательно вынесено решение на предмет законности лишения его свободы. Цель обоих требований — обеспечить освобождение данного лица, если его задержание не обосновано. Первое требование действует автоматически, если задержание осуществляется в ходе уголовного расследования, тогда как право, о котором идет речь во втором положении, должно осуществляться по выбору задержанного лица, но отказ от его осуществления не допускается. При этом указанные процеду-

⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Fox, Campbell and Hartley v. United Kingdom* от 26 июня 1990 г.

ры судебного контроля за законностью лишения свободы не заменяют друг друга.

В отношении субъекта, осуществляющего судебный контроль за законностью лишения свободы, формулировки обоих положений, как мы увидим, различаются: часть 4 статьи 5 недвусмысленно требует, чтобы это был суд, в то время как часть 3 статьи 5, на первый взгляд, допускает осуществление данной функции и иным лицом. Однако, как мы убедимся ниже, если лицо, осуществляющее надзор за задержанием, не является судьей, то удовлетворить это требование на практике чаще всего будет невозможно. Другое предварительное соображение, которое следует принимать во внимание при толковании понятий, состоит в том, что понятия «арест» и «задержание» употребляются в Конвенции безотносительно к какой бы то ни было конкретной правовой системе. Иными словами, Суд не связан определением значения данных терминов в национальных правовых системах.

Главное, что нужно здесь понимать, это то, что требование, касающееся обеих форм судебного надзора, вступает в силу сразу же с того момента, когда некто, подозреваемый в совершении преступления, теряет возможность по своему желанию покинуть место задержания. Как только подобная возможность утрачивается, как бы ни называли лишение свободы, дальнейшее сохранение данного положения должно становиться объектом тщательного судебного рассмотрения.

Предусмотренная частью 3 статьи 5 обязанность государства обеспечивать соответствующий судебный контроль определяет три элемента: статус должностного лица, осуществляющего контроль; орган, полномочный прекращать содержание под стражей или, иными словами, освободить задержанного; предельный срок, в течение которого должен быть осуществлен судебный контроль.

Как уже отмечалось, в тексте части 3 статьи 5 в явном виде содержится ссылка на возможность осуществления контроля за законностью задержания иными лицами помимо судьи. Сразу после принятия Конвенции многие полагали, что решение о заключении под стражу после первоначального ареста могут без всяких проблем принимать прокуроры. Такова в конце концов и была практика во многих государствах — членах Совета Европы. Однако встал вопрос о том, соответствует ли статус прокурора критерию, сформулированному в части 3 статьи 5: можно ли считать его лицом, «уполномоченным законом осуществлять судебные функции»? Особый акцент был сделан

на то, чтобы гарантировать прокурорам такую же должностную независимость от исполнительной власти, какая предоставлена судьям.

Такой подход вполне понятен, и ничего принципиально неверного в нем нет, однако на практике исполнять эту функцию, не вступая в противоречие с требованиями Конвенции, для прокуроров оказалось невозможным. Дело в том, что независимость от исполнительной власти, на которой было сконцентрировано все внимание, это лишь один из признаков «лица, уполномоченного осуществлять судебные функции». Данное условие, несомненно, важное, но недостаточное, в чем легко убедиться, обратившись к более полной формулировке гарантии справедливого судебного разбирательства, данной в статье 6 Конвенции. В статье 6 Конвенции содержится требование, чтобы судьи были не только независимыми, но и беспристрастными. Поэтому в ряде дел Европейский суд признал, что предоставление прокурору полномочий решать вопрос о продолжении содержания подозреваемого под стражей в любой момент, предшествовавший суду, было при имевшихся обстоятельствах несовместимо с частью 3 статьи 5. Во всех случаях проблема возникала в связи с возможностью участия прокурора, решающего вопрос о задержании, в обвинении рассматриваемого лица в ходе судебного процесса.

По мнению Европейского суда, одно и то же лицо не может осуществлять как расследование, так и обвинение; основная проблема здесь в том, что прокурор является стороной в судебном процессе, и нельзя ожидать, чтобы принявшее эту роль лицо могло быть беспристрастным, исполняя в том же деле судебную функцию. Вначале Суд касался только ситуаций, когда прокурор, осуществляющий контроль за законностью задержания, действительно участвовал в дальнейшем в судебном процессе, как это было в деле *Schiesser v. Switzerland*⁵, однако позже, развивая концепцию беспристрастности, Суд пришел к более строгому критерию. Необходимо принимать во внимание и то, существует ли в принципе возможность участия данного прокурора в судебном разбирательстве дела. Наличие подобной возможности оказалось достаточным основанием, чтобы в деле *Huber v. Switzerland*⁶ Суд принял решение, что применительно к окружному прокурору

⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Schiesser v. Switzerland* от 26 октября 1979 г.

⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Huber v. Switzerland* от 25 сентября 1990 г.

Цюриха требования части 3 статьи 5 не были выполнены. Аналогичное нарушение части 3 статьи 5 было признано в деле *Brincat v. Italy*⁷, где задержание обвиняемого утвердил прокурор, который в дальнейшем пришел к выводу об отсутствии у него территориальной юрисдикции по этому делу, так что дело было передано прокурору другого округа. Суд подчеркнул, что когда первый прокурор утвердил задержание, объективно существовала вероятность его последующего участия в разбирательствах дела и тогда объективно оправдывались бы сомнения в его беспристрастности. То, что, как выяснилось в дальнейшем, он не обладал юрисдикцией по данному делу, значения не имело. Обстоятельство же, что прокурор не стал одной из сторон процесса, оказалось чисто случайным, вынесенное же Европейским судом решение по данному делу привело к изъятию из итальянского процессуального кодекса нормы о полномочии прокуроров издавать или утверждать ордера на задержание.

Следует подчеркнуть, что проблема беспристрастности может затрагивать и положение судей: вопрос о том, было ли участие судьи в вынесении досудебных решений столь значительным, чтобы объективно повлиять на его беспристрастность и соответственно не позволить ему председательствовать на судебных слушаниях, составляет предмет уже весьма обширной судебной практики. А если судья, ранее санкционировавший задержание подсудимого, впоследствии участвует в принятии решения о его виновности или невиновности, то ответ на этот вопрос будет, безусловно, положительным. Однако проблема объективной беспристрастности встает гораздо острее при существующей структуре систем прокуратуры и обвинения (следует подчеркнуть, что речь идет именно об объективной беспристрастности: в рассматриваемых делах вовсе не предполагалось, что конкретные прокуроры действительно были предубеждены против подвергнутых задержанию лиц). Поэтому нет ничего удивительного в том, что примеру Италии последовали многие страны, поскольку трудно заранее гарантировать, что лицо, принявшее решение о задержании, впоследствии не примет участия в судебном процессе. Если же есть уверенность, что подобной проблемы не возникнет, тогда понадобятся также гарантии того, что прокурор действительно независим в своих решениях, причем не только от политического давления, но и

⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Brincat v. Italy* от 26 ноября 1992 г.

от своих начальников. Потенциальная трудность в этом отношении усматривалась в деле *Huber*, однако в качестве достаточной гарантии здесь выступал тот факт, что вмешательство вышестоящих должностных лиц в дела подчиненных им прокуроров на практике никогда не наблюдалось. Бывают, однако, обстоятельства, когда можно ожидать, что подчиненные станут выполнять указания своих начальников в отношении того или иного конкретного дела и потому необходимой независимостью обладать не будут.

Таким образом, ответственность за решение о продлении срока задержания (с учетом требования, что законность и обоснованность задержания должны проверяться в течение «разумного срока») или о его прекращении возложена на судью, к которому это лицо должно доставляться. Любое распоряжение судьи по данному вопросу должно иметь обязывающую силу.

Часть 3 статьи 5 устанавливает альтернативу между освобождением задержанного лица или преданием его суду в течение разумного срока, но даже с учетом этого обстоятельства продление задержания будет обоснованным лишь до тех пор, пока для этого сохраняются существенные и достаточные причины (такие, например, как опасность побега, воспрепятствование отправлению правосудия, повторное правонарушение или нарушение общественного порядка). Хотя одна или несколько подобных причин могли существовать при первоначальном задержании, они со временем могут становиться менее актуальными, и тогда задержанного следует освободить, что не было сделано в случаях, ставших предметом дел *Letellier v. France*⁸ и *Tomasi v. France*⁹. К тому же даже при наличии правомерной причины для продления задержания данного лица остается в силе требование, чтобы общая продолжительность содержания под стражей до суда не была чрезмерной. Судить об этом следует с учетом сложности разбирательств, но также и активности, проявленной при подготовке дела к слушаниям. Продолжительное бездействие, как это происходило в деле *Toth v. Austria*¹⁰, неизбежно приводит к выводу о нарушении, и в

⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Letellier v. France* от 26 июня 1991 г.

⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Tomasi v. France* от 27 августа 1992 г.

¹⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Toth v. Austria* от 12 декабря 1991 г.

решении по данному делу подчеркивается ответственность властных органов за безотлагательную передачу дела в суд.

Оба аспекта этого требования связывает между собой одна общая идея: судебные власти призваны гарантировать, что никто не будет лишен свободы на более длительный срок, чем это необходимо. Это неотъемлемый компонент презумпции пребывания на свободе. Следовательно, чтобы выполнить эту задачу, судья должен быть готов внимательно оценить как основания для первоначального задержания, так и представленные мотивы для его продления. Опасения, связанные с освобождением лица, зачастую основываются на ошибочном мнении, что обвиняемый уничтожит доказательства, скроется от следствия или совершит новые преступления. Роль судьи состоит в проверке доводов в пользу задержания и в санкционировании задержания, если эти доводы допустимы и обоснованны. Недостаточно утверждать, что существует опасность побега или давления на свидетелей, следует получить доказательства такой опасности и, как и в случае с любыми другими доказательствами, проверить их обоснованность. Так, вряд ли является правдоподобной возможность давления на свидетелей, когда они уже дали показания под присягой. К тому же судья должен представить реальные доводы, а не просто формулировку нормы, как в деле *Mansur v. Turkey*¹¹, в котором ходатайство об освобождении не рассматривалось по существу.

Решающий момент в требовании к судебному контролю за законностью лишения свободы состоит в том, что его осуществление должно начинаться «незамедлительно». Вторым важным условием является длительность срока задержания.

В ряде дел задержание продолжалось намного дольше, чем можно считать допустимым, если руководствоваться разумными основаниями. Так, Европейский суд без всяких колебаний признал нарушение в деле *McGoff v. Sweden*¹², когда между задержанием обвиняемого и его первым доставлением в суд прошло пятнадцать суток, не говоря уже о промежутке времени в три месяца, прошедшем до начала судебного надзора в деле *Assenov and Others v. Bulgaria*¹³. Нарушение

¹¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Mansur v. Turkey* от 8 июня 1995 г.

¹² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *McGoff v. Sweden* от 29 сентября 1984 г.

¹³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Assenov and Others v. Bulgaria* от 28 октября 1998 г.

также установлено в деле *Van der Sluijs, Zuiderveld and Klappe v. The Netherlands*¹⁴, где задержка достигала девятнадцати суток (дело касалось нарушения военных приказов, причем были учтены сложности воинской службы и военной юстиции), а также в деле *Sargin and Yagci v. Turkey*¹⁵, последовавшем после жалоб по поводу нарушения сроков судебного контроля, где задержка достигала девятнадцати суток. Однако нарушения рассматриваемого обязательства могут возникать и в случаях, когда промежутки времени вовсе не чрезмерны. Правительству не удалось, например, убедить Европейский суд, что допустимы нарушения сроков судебного контроля на пять–шесть суток (*Koster v. The Netherlands*¹⁶ и *De Jong, Baljet and Van den Brink v. The Netherlands*¹⁷), причем интересно, что после жалобы по поводу шестидневного срока нарушения доставления лица в суд (*Skoogström v. Sweden*¹⁸) стороны пришли к мировому соглашению. Комитет министров никак не мог добиться большинства в две трети, которое требовалось для утверждения решения Европейской комиссии о нарушении части 3 статьи 5 Конвенции в деле *Dobbertin v. France*¹⁹ в связи с нарушением срока доставления в суд на пять дней. Это, несомненно, свидетельствует не о признании такого рода нарушения сроков допустимыми, а о проблемах, связанных с возложением подобных решений на политический орган. (Это обстоятельство было признано к моменту прекращения соответствующих полномочий Комитета после вступления в силу Протокола № 11 к Конвенции.)

Однако прецедентным для установления предельного срока проведения судебного надзора является решение по делу *Brogan v. United Kingdom*²⁰, в котором помимо признания слишком продолжительным

¹⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Van der Sluijs, Zuiderveld and Klappe v. The Netherlands* от 4 мая 1984 г.

¹⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Sargin and Yagci v. Turkey* от 14 декабря 1993 г.

¹⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Koster v. The Netherlands* от 28 ноября 1991 г.

¹⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *De Jong, Baljet and Van den Brink v. The Netherlands* от 4 мая 1984 г.

¹⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Skoogström v. Sweden* от 28 сентября 1984 г.

¹⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Dobbertin v. France* от 28 января 1993 г.

²⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Brogan v. United Kingdom* от 28 октября 1988 г.

срока в четверо суток и шесть часов в определенной степени поясняются предмет и цель обязанности обеспечить доставление лица в суд после первоначального задержания. Аресту в названном деле подвергалось лицо, подозреваемое в терроризме, и хотя этот арест был связан с событиями в Северной Ирландии, отсутствие какого-либо отступления от обязательств, заявленного на основании статьи 15 Конвенции, означало, что Соединенное Королевство не могло сослаться на менее строгие стандарты, которые могут применяться в чрезвычайных обстоятельствах. Тем не менее Суд признал, что особые обстоятельства борьбы с терроризмом способны повлиять на продолжительность задержания до момента осуществления судебного надзора, но это его мнение послужило важным составным элементом вывода Суда о том, что суждение относительно «незамедлительности» всегда должно выноситься с учетом конкретных обстоятельств дела.

В своих заявлениях по делу *Brogan* власти Соединенного Королевства подчеркивали проблемы, с которыми приходилось сталкиваться при сборе приемлемых и допустимых доказательств; затраты времени, необходимые для проведения судебных экспертиз; конфиденциальный характер информации в такого рода делах. Суд проявил определенное понимание этих проблем, однако лишь в весьма ограниченных пределах, что было обусловлено его толкованием как смысла понятия «незамедлительность», так и важности этого требования. Поэтому Суд отметил, что «придание особенностям данного дела такого значения, которое оправдывало бы столь длительный период задержания без доставления к судье или другому должностному лицу, осуществляющему судебные функции, означало бы недопустимо широкое толкование самого смысла слова “незамедлительно”». Такого рода толкование серьезно ослабило бы предусмотренную частью 3 статьи 5 процессуальную гарантию против нанесения ущерба личности и привело бы к последствиям, подрывающим само существо права, защищаемого этой нормой». Поэтому нет ничего удивительного, что в другом деле, *Sakik and Others v. Turkey*²¹, где фигурировали связанные с терроризмом проблемы, а отступление от обязательств не действовало, Суд признал недопустимым задержание без судебного надзора в течение двенадцати — четырнадцати суток.

²¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Sakik and Others v. Turkey* от 26 ноября 1997 г.

В деле *Brogan* Суд признал слишком продолжительным срок доставки лица в суд, длившийся четверо суток и шесть часов. Однако никаких конкретных указаний на то, каков допустимый срок между задержанием и осуществлением судебного надзора за его законностью, Суд не дал. Тем не менее его мнение, что рассматриваемый промежуток времени должен был быть намного короче, явно подтверждается тем значением, которое Суд, стремясь прояснить смысл понятия «незамедлительно», придал французскому тексту Конвенции. На французском языке соответствующий термин звучит как *aussitôt*, и, по мнению Суда, «употребление этого термина, имеющего более узкое значение немедленности», подтверждает «безотлагательность в ограничительном смысле» и свидетельствует, что «степень гибкости, допустимая при толковании понятия “незамедлительность”, ограничена, даже если при оценке ситуации с точки зрения части 3 статьи 5 нельзя не учитывать сопутствующие обстоятельства». Признавая, что определенные факторы способны привести к продлению срока между задержанием и осуществлением судебного надзора, Суд не мог примириться со столь коренным подрывом самого существа гарантируемого права — права на незамедлительное освобождение или незамедлительное доставление в судебный орган (§ 59 указанного решения). По мнению Суда, цель судебного контроля за вмешательством исполнительной власти в право личности на свободу состоит «в сведении к минимуму опасности произвола», что перекликается с тем важным значением, которое Суд придал части 3 статьи 5 в самом первом деле, когда он отверг, как мы видели выше, мысль, что задержание, обоснованное одним лишь решением исполнительной власти, может быть совместимо с фундаментальными принципами Конвенции (*Lawless v. Ireland*). Отсюда следует вывод, что лишение свободы до судебной санкции на продление этой меры не должно длиться дольше, чем это действительно необходимо для производства первичных процессуальных действий в отношении подозреваемого.

Основные элементы этих действий — доставление лица в полицейский участок, если оно было задержано в другом месте; получение от него относящихся к делу показаний; проведение опроса с целью установления личности и выяснения, нет ли оснований для устранения первоначальных подозрений, а также выявление местонахождения доказательств, если есть опасения, что они могут быть уничтожены; предотвращение возможности предупредить других подозреваемых, которых предполагается задержать, и тем самым дать им возможность

скрыться; доставление задержанного из полицейского участка в суд. Хотя необходимое для таких предварительных действий (в отличие от полного расследования) время будет зависеть от конкретных обстоятельств, при обычном ведении дел всегда можно уложиться в один–два дня. Эта оценка отражена в виде предельного срока в уголовно-процессуальных кодексах, а также признана Европейской комиссией по правам человека, которая сочла, что доставление задержанного в суд в течение такого срока не связана ни с какими сложностями²².

Сам факт превышения в каком-то конкретном деле указанного выше срока между задержанием и осуществлением судебного надзора не означает автоматического признания нарушения международной нормы (в отличие от нормы внутреннего законодательства, если та не предусматривает возможности отступления от сроков). Однако, чтобы это нарушение сроков было признано допустимым, необходимо доказывать, что оно стало следствием определенных неизбежных обстоятельств. Такие обстоятельства могут возникнуть, когда задержание произошло в таком месте, что доставление в ближайший полицейский участок требовало более суток, или при особо сложной обстановке ареста, связанной с наличием многих подозреваемых, или когда изъятие существенных вещественных доказательств у подозреваемого занимает значительное время (если, допустим, вещественное доказательство проглочено).

Тем не менее ясно, что в подавляющем большинстве случаев принцип незамедлительности, признанный Европейским судом в качестве основного, утратит смысл, если нарушение срока доставки лица в суд более чем на несколько часов превысит двое суток. Этот вывод неизбежно ставит под сомнение те решения Европейской комиссии о приемлемости, в которых в качестве приемлемых признаны промежутки времени, достигающие четырех суток (дела *X v. The Netherlands*²³, *Kamma v. The Netherlands*²⁴, *Egue v. France*²⁵ и *C. v. The Netherlands*²⁶).

²² См. решение Европейской комиссии по правам человека по жалобе *X v. United Kingdom* от 24 октября 1981 г.

²³ См. решение Европейской комиссии по правам человека о снятии с рассмотрения жалобы *X v. The Netherlands* от 24 марта 1972 г.

²⁴ См. решение Европейской комиссии по правам человека по жалобе *Kamma v. The Netherlands* от 13 марта 1975 г.

²⁵ См. решение Европейской комиссии по правам человека о приемлемости жалобы *Egue v. France* от 5 сентября 1988 г.

²⁶ См. решение Европейской комиссии по правам человека о приемлемости жалобы *C. v. The Netherlands* от 30 марта 1992 г.

Решения по всем этим делам, за исключением последнего, были приняты до вынесения решения по делу *Brogan*. Однако едва ли можно себе представить, чтобы в первом деле сокращение времени между задержанием и доставлением в суд на шесть–девять часов (как в деле *C. v. The Netherlands*) дало бы Суду достаточное основание считать выполненным требование о незамедлительном осуществлении судебного надзора, которое, по его мнению, столь важно для задержанного. К тому же в ранее принятых решениях о приемлемости жалоб при оценке степени незамедлительности за отдельными странами признавали в определенных пределах право на усмотрение, что в деле *Brogan* Суд посчитал неприемлемым.

Конечно, ситуация в деле *Brogan* отличалась от расследования обыкновенного преступления, и можно допустить, что с учетом ее особого характера вдвое большую, чем обычно, длительность предварительных процессуальных действий могли признать приемлемой. Это относится и к другим делам особого характера, например с участием военных. Тем не менее сомнительно, чтобы в отсутствие специальной оговорки об отступлении от обязательств было признано допустимым еще большее нарушение срока: по истечении столь длительного времени осуществление судебного надзора нельзя было бы считать «незамедлительным» при сколь угодно широком толковании этого понятия.

Важно иметь в виду, что никакие препятствия институционального или процедурного характера, которые можно преодолеть рациональным планированием и мерами организационного порядка, не являются оправдывающими обстоятельствами для продления срока предварительных процессуальных действий. Так, в деле *Koster v. The Netherlands*²⁷ признано нарушение части 3 статьи 5, хотя, как утверждалось, доставлению задержанного в военный суд пять дней препятствовали военные маневры. Особенности армейских условий были приняты во внимание, однако Суд настаивал, что маневры нельзя считать неожиданными, они проводятся через «периодические промежутки времени и, следовательно, предсказуемы и ни в коем случае не могут помешать военным властям принять меры, чтобы Военный суд мог проводить свои заседания в сроки, соответствующие требованиям Конвенции, если это необходимо — в субботу или воскресенье». Несомненно, такой же отклик встретит и ссылка на нехватку судей.

²⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Koster v. The Netherlands* от 28 ноября 1991 г.

Не может служить поводом для продления времени доставления задержанного в суд и официальный нерабочий день; недвусмысленная ссылка Суда на возможность проведения судебных слушаний по выходным дням достаточно ясно указывает государствам, что они обязаны обеспечить возможность обращения к судье для осуществления надзора за задержанием, в противном случае из-за закрытия всех судов о неотложности судебного надзора не пришлось бы и говорить. Эта же логика применима и к ссылкам на время задержания: то обстоятельство, что оно начинается после завершения нормального рабочего дня судов, само по себе не может служить основанием для того, чтобы откладывать доставку задержанного до следующего рабочего дня. Для таких случаев необходимо иметь судей, которые могут осуществлять надзор за задержанием в течение вечера и ночи. Даже бюджетные соображения ни в коей мере не могут служить оправданием отсутствия судей в количестве, необходимым для осуществления надзора за задержанием. Комитет ООН по правам человека, безусловно, не признал это уважительной причиной при применении аналогичного положения Пакта о гражданских и политических правах в деле *Fillastre v. Bolivia*²⁸, в котором задержанный провел в заключении десять суток, прежде чем его доставили в суд.

Хотя обязанность доставлять задержанного к судье предусмотрена для того, чтобы предотвратить произвол при лишении лица свободы, ее следует также считать важной гарантией против других возможных нарушений прав человека. Именно так это истолковывал Межамериканский суд по правам человека в связи с действием *habeas corpus* (издания судебных предписаний о доставлении задержанного в суд для установления законности задержания) в условиях чрезвычайного положения. Указывая на недопустимость приостановки этого права, Межамериканский суд ссылался на практику исчезновений, пыток и убийств, которую пришлось пережить некоторым народам Западного полушария, и констатировал, что «право на издание судебного приказа о доставлении арестованного в суд играет важнейшую роль, гарантируя сохранение жизни и физической неприкосновенности человека, предотвращение его исчезновения или сокрытия его местонахождения, защиту от пыток или иного жестокого, бесчеловеч-

²⁸ См. рекомендации Комитета ООН по правам человека по делу *Fillastre v. Bolivia* от 5 ноября 1991 г.

ного или унижающего достоинства наказания или обращения. Эта практика еще раз убедительно свидетельствует, что право на жизнь и право не подвергаться бесчеловечному обращению всегда оказываются под угрозой, когда право на издание названного судебного приказа приостанавливается частично или полностью»²⁹.

Хотя это утверждение относится конкретно к возможности издания приказа о доставлении арестованного в суд и к условиям чрезвычайного положения, оно в равной мере применимо и к другим формам судебного надзора над законностью задержания и к нормальным ситуациям. Опасность жестокого обращения и других злоупотреблений в отсутствие условий чрезвычайного положения, возможно, несколько меньше, но она тем не менее существует, поскольку человек под стражей наиболее уязвим для действий полиции. Дело *Tomasi v. France*³⁰ — хорошая иллюстрация того, насколько трудно в таких ситуациях обеспечить контроль и ответственность виновных. К тому же обязанность доставить задержанного в суд — это дополнительная гарантия по отношению к праву *habeas corpus*; последнее представляет собой исключительное средство правовой защиты, призванное гарантировать задержанному лицу, что по отношению к нему не будет допущен произвол, тогда как сама по себе обязанность доставить данное лицо в суд должна служить нормальной гарантией против всякого злоупотребления. Это, по существу, косвенно признал Европейский суд, излагая цель части 3 статьи 5 Европейской конвенции как предоставление гарантии «незамедлительного и автоматического судебного контроля над полицейским и административным задержанием». Суд констатировал, что недостаточно располагать доступом к судебному органу, так как «именно *судья* либо *должностное лицо, исполняющее судебские функции*, должны действительно выслушать задержанного и вынести соответствующее решение» (дело *Duinhof and Duijf v. The Netherlands*³¹). Если в отсутствие чрезвычайной ситуации соблюдение требования о доставлении в суд способно защитить другие важные права личности помимо права на

²⁹ См. статьи 27(2), 25(1) и 7(t) Американской конвенции по правам человека (Международные акты о правах человека: Сб. документов. М.: Норма-ИНФРА-М, 1998. С. 720–736).

³⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Tomasi v. France* от 27 августа 1992 г.

³¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Duinhof and Duijf v. The Netherlands* от 4 мая 1984 г.

свободу, то тем более важно, чтобы промежуток времени между задержанием и осуществлением судебного надзора был кратким.

Ситуация, в которой производилось задержание, послужившее поводом к возбуждению дела *Brogan*, представляла собой состояние необъявленного чрезвычайного положения; и поэтому не было никакого повода утверждать, что несоблюдение требований части 3 статьи 5 как-то оправдывалось ссылкой на отступление от обязательств, предусмотренное статьей 15 Европейской конвенции. Зато неблагоприятное решение по данному делу побудило власти Соединенного Королевства заявить о таком отступлении, а его юридическая сила в данном отношении подверглась детальному исследованию Европейским судом в деле *Brannigan and McBride v. United Kingdom*³². Промежутки времени между задержанием и осуществлением судебного контроля в этом деле варьировали от четырех суток шести часов и двадцати пяти минут до шести суток четырнадцати с половиной часов, и власти Соединенного Королевства признали, что эти промежутки времени не соответствуют нормальному требованию о незамедлительности. Однако Суд признал и то, что имела место подлинная чрезвычайная ситуация и что задержание на срок до семи суток без судебного надзора укладывается в пределы, допустимые в условиях отступления от обязательств. На это решение особенно повлияли опасения британских властей по поводу секретного характера информации, которая могла оказаться раскрытой при осуществлении какой-либо формы судебного контроля над задержанием, и реальная опасность того, что участие судебного органа в каком бы то ни было продлении задержания может подорвать веру общества в независимость судейского корпуса, не в последнюю очередь из-за его малочисленности и уязвимости для нападений террористов. В данном деле признанию допустимости отступления от обязательств способствовала и предусмотренная внутренним правом возможность издать судебный приказ о доставлении задержанного лица в суд (что не требует раскрытия в полном объеме всех деталей, которые мотивируют задержание того или иного лица) и абсолютное право обращения к адвокату по истечении 24 часов после задержания. Хотя четверо судей из состава Суда выступили с энергичными возражениями против этого решения, оно показывает, что бывают обстоятельства, когда автомати-

³² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Brannigan and McBride v. United Kingdom* от 26 мая 1993 г.

ческое осуществление судебного надзора за задержанием может откладываться на столь значительный промежуток времени, что принцип незамедлительности теряет всякий смысл.

Тем не менее исключительный характер такого шага подчеркивается как потребностью доказывать, что чрезвычайная ситуация действительно существует — и это само по себе должно быть предметом судебного надзора, — так и тем важным значением, которое придается наличию других гарантий против возможного злоупотребления при задержании.

К тому же данное решение не санкционировало неограниченное нарушение сроков судебного контроля: допустимый максимум составлял семь суток. Важное значение этого предела продемонстрировано в последующих делах, в которых характер и размах угрозы терроризма, несмотря на формальное отступление от обязательств в соответствии со статьей 15 Конвенции, не были признаны достаточными основаниями, оправдывающими задержание без судебного контроля на срок от четырнадцати до двадцати трех суток (дела *Aksoy v. Turkey*³³ и *Demir and Others v. Turkey*³⁴). В отношении обоих дел признавалось, что расследование действий террористов ставит перед властями особые проблемы, однако Суд установил, что не было предложено никакого реального объяснения, каким именно образом тщательная судебная проверка рассматриваемых задержаний нанесла бы ущерб какому бы то ни было расследованию.

Важно понимать, что чем дольше задержанный не доставляется в суд, тем более высокие требования предъявляются к обоснованию задержки даже в условиях чрезвычайного положения. Другим основанием, по которому в обоих делах отклонялись ссылки турецких властей на заявленное отступление от обязательств как на оправдание нарушения положений части 3 статьи 5 Конвенции, было отсутствие достаточных альтернативных гарантий: задержанные были лишены доступа к адвокатам и врачам (за исключением дела *Demir*, в котором такой доступ предоставлялся с большими ограничениями), возможности общения с родственниками и друзьями; не было также никакой реальной возможности оспорить законность задер-

³³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Aksoy v. Turkey* от 18 декабря 1996 г.

³⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Demir and Others v. Turkey* от 28 сентября 1998 г.

жания в судах. Хотя в деле *Demir* у заявителей имелась возможность подать жалобу через своего адвоката, но это с полным основанием не признавалось гарантией против произвола по отношению к ним, ведь задержанные, будучи отрезанными от внешнего мира, не имели никакой связи с адвокатом. Но в любом случае весьма сомнительно, чтобы даже наличие таких гарантий, какие были предоставлены в деле *Brannigan and McBride*, могло бы оправдать столь длительный срок задержания без судебного надзора, как в этих двух делах: чем дольше отсутствует контроль, тем выше опасность произвола и тем меньше вероятность того, что само это задержание будет сочтено необходимым следствием сколь угодно серьезной чрезвычайной ситуации.

Во всех случаях, когда оспаривалось лишение свободы, не сопровождавшееся незамедлительным судебным надзором, основная проблема была связана исключительно с установлением допустимого предельного срока доставления задержанного в суд. В этом нет ничего удивительного, если учесть, что многие дела, поступавшие в международные судебные органы, относились к случаям, когда задержанные либо вообще не доставлялись в суд, либо доставлялись лишь по прошествии весьма длительного времени. По-видимому, лишь в одном деле жалоба касалась не общей продолжительности срока между моментом задержания и доставлением в суд, а промедления в конкретном элементе процессуальных действий, проводившихся во время содержания под стражей. Речь идет о деле *X v. The Netherlands*, в котором жалоба относилась не к нарушению требования о доставлении в суд или к допущенному промедлению с доставлением. В ней выдвигалось возражение против того обстоятельства, что задержанный в течение трех суток не подвергался допросу. Европейская комиссия признала это дело неприемлемым для рассмотрения, постановив, что часть 3 статьи 5 никому не предоставляет права быть допрошенным в течение определенного срока. Это, конечно, верное, буквальное прочтение текста, ведь о допросе там вообще не упоминается. Тем не менее отказ в жалобе мог бы показаться чересчур категоричным, если бы (о чем при изложении обстоятельств дела ничего не говорилось) это как-то повлияло на общий промежуток времени, прошедший до доставления задержанного в суд. Причина — в уже отмечавшейся важной роли детального судебного исследования обстоятельств, призванного свести к минимуму риск произвольного задержания. Произвольность — неотъемлемая характеристика любого

содержания под стражей, которое нельзя объективно обосновать. А если власти, осуществляющие задержание, полностью выполнили все необходимые предварительные процессуальные действия и могли передать дело для продолжения его производства судье, но в течение какого-то времени этого не сделали, объективно обосновать содержание под стражей после завершения процессуальных действий невозможно. Такой вывод в равной мере применим к случаям, когда власти явно не спешили с производством необходимых действий по делу и поэтому время, затраченное на подготовку дела для передачи в суд, оказалось значительно большим, чем требовалось в аналогичных делах, по которым предварительные процессуальные действия велись должным образом.

Этот взгляд Европейский суд подтвердил, признав, что необходимость в судебном контроле за задержанием возникает лишь в том случае, когда у властей есть желание продлить задержание. Как видно из решения Суда по делу *De Jong, Baljet and Van den Brink v. The Netherlands*³⁵, нарушение части 3 статьи 5 не будет признано, если задержанное лицо «освобождено "незамедлительно" еще до того, как стали осуществляться какие-либо действия по судебному контролю» (§ 52 указанного решения). Аналогично в деле *Brogan v. United Kingdom* Суд подчеркнул, что на государство возложена обязанность «обеспечивать незамедлительное освобождение или незамедлительную доставку в судебный орган» (§ 59 решения); для освобождения никакой судебной санкции не требуется. Это, в сущности, означает, что на осуществляющие задержание власти возложена обязанность постоянно, в течение всего периода содержания под стражей оценивать, есть ли реальные основания для продолжения задержания, и если их нет, тут же освободить задержанного. Никакой объективной необходимости в содержании кого-либо под стражей не будет, к примеру, когда подозрение, послужившее поводом для его первоначально ареста, явно устранено или же стало очевидным, что инкриминируемые действия вовсе не образуют состава преступления. Действительно, если изменившаяся оценка ситуации больше не обосновывает первоначальный арест, освобождению ничто не препятствует (дело *X v. United Kingdom*). Как мы уже убедились, продление задержания до суда оправдывается лишь до тех пор, пока для этого имеются су-

³⁵ См. решение по делу *De Jong, Baljet and Van den Brink v. The Netherlands* от 22 мая 1984 г.

ществленные и достаточные причины. Таким образом, поскольку главное требование — предотвратить произвольное содержание под стражей, то четко определенная обязанность «незамедлительно» доставлять задержанное лицо в суд будет нарушаться всякий раз, когда из-за действий властей, осуществляющих задержание, это требование будет выполняться позже, чем допускают конкретные обстоятельства дела.

Соблюдение требования «незамедлительности» остается важнейшей гарантией против задержания, которое либо было произвольным с самого начала, либо стало таковым с течением времени и изменением обстоятельств. Без этого осуществление судебного контроля рискует из средства предотвращения несправедливости превратиться в простую констатацию факта ее совершения. От властей, осуществляющих задержание, не требуют поспешности при осуществлении предварительных процессуальных действий, но их бесспорный долг — действовать с необходимой тщательностью и гарантировать, что все действия будут проведены настолько быстро, насколько это позволяют существующие обстоятельства, и уж, конечно, не дольше того предельного срока, о котором говорилось выше.

Завершая обсуждение данного аспекта судебного надзора, отметим, что хотя основное внимание мы уделяли незамедлительности осуществления надзора на первоначальном этапе, т. е. сразу после лишения лица свободы, необходим также и аналогичный регулярный судебный пересмотр решения о содержании его под стражей, при котором судья каждый раз вновь принимает решение об обоснованности дальнейшего задержания. Это необходимо, поскольку, как уже подчеркивалось, обстоятельства нередко меняются, и если на начальных этапах расследования задержание могло быть вполне оправданным, то на более поздних стадиях мотивы для его продолжения могут оказаться уже не столь настоятельными. Таким образом, на осуществляющих задержание властях лежит обязанность через регулярные промежутки времени представлять имеющиеся основания для содержания под стражей для оценки в судебные органы, причем эти интервалы не должны превышать одного–двух месяцев. Без такого постоянного надзора — обязательно столь же тщательного, что и при первоначальном изучении обстоятельств дела, — содержание под стражей может оказаться несовместимым с Конвенцией.

Инициатива в проведении судебного контроля за задержанием должна исходить от осуществляющих задержание властей, однако и

само задержанное лицо должно иметь возможность обращаться в суд. Часть 4 статьи 5 Конвенции требует наличия средства, сравнимого с *habeas corpus*, чтобы можно было проверять законность содержания под стражей. Решающие элементы накладываемой этим положением обязанности заключаются в том, что надзор осуществляется судом, предусматривается устное слушание при участии адвоката, предметом разбирательства служит законность задержания в самом широком смысле и проводится оно без промедления.

Явная ссылка в части 4 статьи 5 Конвенции на рассмотрение правомерности лишения свободы именно судом неизбежно исключает всякий спор о возможности решения этого вопроса прокуратурой. Существенно, чтобы разбирательство проводилось судьей с соблюдением всех требований статьи 6 Конвенции о справедливости судебного разбирательства, но в особенности тех требований, которые касаются независимости и беспристрастности. Первое явно не будет соблюдаться, если надзор осуществляется органом, в той или иной степени подчиненным исполнительной власти; соблюдение же последнего сомнительно, если судья был в какой-то степени ранее причастен к рассмотрению данного дела, например санкционировал пребывание лица под стражей после первоначального распоряжения о лишении его свободы. Это, однако, не заставило Европейский суд признать недопустимым выполнение данной функции судьей, ведущим следствие, хотя здесь и можно усмотреть противоречие между заинтересованностью такого судьи в эффективном проведении следствия и возможностью для него с пониманием отнестись к требованию об освобождении обвиняемого. Поскольку смысл и следствия критерия объективной беспристрастности становятся все яснее, возможно, что выводы и решения по делам вроде дела *Bezicheri v. Italy*³⁶ подвергнутся пересмотру. Во всяком случае, каков бы ни был характер суда, он должен обладать полномочиями выносить распоряжения об освобождении лица; если его полномочия ограничены вынесением рекомендаций или применением других мер правовой защиты против незаконного задержания, это не будет соответствовать требованиям части 4 статьи 5 Конвенции. Вся суть положений этой статьи заключается именно в гарантиях освобождения задержанного в случае, если задержание признается незаконным.

³⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Bezicheri v. Italy* от 25 октября 1989 г.

Как уже отмечалось, одно из достоинств судебного контроля за правомерностью задержания состоит в том, что он позволяет выявить и другие злоупотребления и нарушения, помимо незаконного задержания. Эта возможность вытекает прежде всего из требования, чтобы задержанное лицо, как правило, доставлялось в суд для установления законности задержания. Так, в деле *Kampanis v. Greece*³⁷ было установлено нарушение части 4 статьи 5 в связи с тем, что лицу, заключенному под стражу в связи с предполагаемым мошенничеством, не позволили лично предстать перед судом, хотя Уголовно-процессуальным кодексом это допускалось. Суд подчеркнул важное значение возможности для задержанного возразить на доводы прокурора относительно задержания, и не в последнюю очередь потому, что обвиняемый хотел выступить с утверждением, что его задержание несовместимо ни с Конституцией, ни с Европейской конвенцией. Хотя Суд ссылаясь на продолжительность содержания Кампаниса под стражей, составлявшую свыше двух лет, этот факт следовало считать скорее отягчающим обстоятельством, нежели предварительным условием разрешения на личную явку. Не исключено, что имела место попытка воспрепятствовать такой явке в ситуации, где имелось весьма очевидное основание для оспаривания законности содержания под стражей. Однако такое утверждение представляется уже менее достоверным, поскольку Суд мог лучше оценить возможность злоупотреблений в связи с содержанием под стражей.

При заявлении ходатайства об освобождении почти наверняка возникнут сложные правовые вопросы, связанные с обоснованием неправомочности заключения под стражу, и, вероятно, мало кто из задержанных сможет самостоятельно подобрать все необходимые аргументы. Поэтому наверняка придется разрешить задержанному обратиться за юридической помощью для оформления ходатайства, а если средства не позволяют ему нанять защитника, брать на себя расходы должно государство. К тому же юридическая помощь скорее всего потребует не только при подготовке заявления: придется также предусмотреть представительство на самих судебных разбирательствах. В ходе этих разбирательств должны также соблюдаться требования о равенстве сторон, выработанные Судом при применении положений статьи 6: лицо, добывающееся освобожде-

³⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kampanis v. Greece* от 13 июля 1995 г.

ния, должно быть ознакомлено с аргументами в пользу задержания и иметь соответствующую возможность ответить на них. Совершенно недопустимо, чтобы суд выслушивал только обвинительный орган в отсутствие задержанного, как это имело место в деле *Toth v. Austria*³⁸. Аналогично нарушение части 4 статьи 5 Конвенции было признано в деле *Lamy v. Belgium*³⁹ в связи с тем, что при подготовке слушания дела юрист, представлявший государство, имел доступ к официальным документам дела, а задержанный — нет.

Справедливые условия подготовки защиты задержанного подразумевают также, что задержанный должен располагать необходимым временем для подготовки ходатайства; если возможность оспорить задержание в суде действует в чрезвычайно короткие сроки, то данное средство правовой защиты может оказаться не реальным, а скорее мнимым. Точно так же задержанному должен предоставляться доступ к средствам для подготовки своего дела; сюда могут относиться доступ к законодательству, книгам по юриспруденции, условия для подготовки аргументов (что может повлиять на характер режима содержания) и, несомненно, условия для обсуждения дела со своим защитником вне пределов слышимости представителей тюремных властей.

Судебный контроль за правомерностью задержания в части 4 статьи 5 Конвенции толкуется иначе, чем в части 3 статьи 5. В части 3 статьи 5 Конвенции речь идет о том, было ли обоснованным задержание вообще и остается ли оно обоснованным; в части 4 статьи 5 также возникают вопросы, связанные с законностью задержания, однако основная проблема заключается обычно не в том, имеются ли полномочия на задержание, а в том, следует ли его осуществлять или продолжать. Ясно, что если задержание продолжалось и тогда, когда необходимость в нем уже отпала, то с точки зрения Конвенции оно будет считаться произвольным. Поэтому стоит иметь в виду, что когда выносятся определения о выполнении или невыполнении требований части 4 статьи 5, законность всегда будет трактоваться как совместимость с нормами Конвенции. Проверять, имеется ли во внутреннем законодательстве норма, санкционирующая данное задержание, следует во всех случаях. Однако этого недостаточно: Суд обязан

³⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Toth v. Austria* от 12 декабря 1991 г.

³⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Lamy v. Belgium* от 30 марта 1989 г.

выяснить, совместимо ли задержание с Конвенцией во всех ее аспектах. Так, если некто задерживается за утверждение, объявляемое преступной клеветой, всегда следует допускать, что данный состав преступления может, в свою очередь, быть объявленным несовместимым с определяемым Конвенцией правом на свободное выражение мнений. Поэтому досудебное задержание за такое правонарушение не может быть правомерным. Таким образом, здесь мы выходим далеко за рамки суждения об отсутствии полномочия на задержание или о неправомерном способе осуществления этого полномочия. Кроме того, необходимо, чтобы предусмотренная процедура позволяла задержанному оспорить правомерность всяких подозрений в совершении им правонарушения; иными словами, должно иметься не только полномочие на задержание, но и обстоятельства, оправдывающие применение задержания.

Если принять во внимание уже рассмотренную презумпцию пребывания на свободе, то не вызовет удивления, что часть 4 статьи 5 требует также, чтобы всякое выяснение законности задержания осуществлялось «безотлагательно». Это условие, несомненно, не столь категорично, как требование части 3 статьи 5 Конвенции о незамедлительности, и в этом нет ничего удивительного, так как правовые вопросы, возникающие при обращении к части 4 статьи 5, могут оказаться сложнее. Так, вряд ли вызовет сомнение, что в отношении многих дел промежуток времени в одну — две недели между подачей ходатайства и вынесением по нему решения будет признан допустимым. Однако если законность оспаривалась уже в начале задержания и было допущено отклонение от требования части 3 статьи 5 о незамедлительности, продолжительность данного промежутка времени скорее всего привлечет особое внимание, хотя при оценке допустимости промежутка времени между первоначальным задержанием и осуществлением судебного надзора в соответствии с частью 4 статьи 5 предельные допустимые сроки могут отличаться гораздо больше. Однако промежутки времени свыше месяца неоднократно признавались недопустимыми: например в делах *Bezicheri v. Italy*⁴⁰ и *Sanchez-Reisse v. Switzerland*⁴¹. В любом случае, как свидетельствует судебная прак-

⁴⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Bezicheri v. Italy* от 25 октября 1989 г.

⁴¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Sanchez-Reisse v. Switzerland* 19 сентября 1986 г.

тика по применению части 3 статьи 5, нарушение сроков из-за того, что судья был в отпуске или был чрезмерно загружен, допустимыми не признаются. С другой стороны, промедления по вине самого задержанного лица не включались в счет времени, например, в деле *Navarra v. France*⁴², когда задержанный тратил время на подачу апелляции, и в деле *Luberti v. Italy*⁴³, когда тот попросту исчез.

Важно также отметить, что если необходимо вынести решение о предоставлении задержанному, нуждающемуся в услугах адвоката, бесплатной юридической помощи, то и в этом случае следует действовать безотлагательно. Срок в семь недель, фигурирующий в деле *Zamir v. United Kingdom*⁴⁴, был, естественно, признан чересчур продолжительным.

Как мы видели, требования части 4 статьи 5 строже, нежели предъявляемые частью 3 статьи 5, особенно в отношении юридического представительства и состязательного процесса, но если по собственной инициативе государства судебный контроль, осуществляемый им в рамках требований части 3 статьи 5, оказывается достаточно строгим для того, чтобы удовлетворить и требованиям части 4 статьи 5 — хотя Конвенция не обязывает государство осуществлять столь строгий контроль, — будет признано, что государство, по крайней мере на данный момент времени, выполняет и обязанности, налагаемые частью 4 статьи 5. Мы специально подчеркиваем этот момент потому, что однократная возможность оспорить законность задержания не способна гарантировать эту законность на все время пребывания под стражей: с изменением обстоятельств может оказаться, что содержание под стражей, которое прежде признавалось законным, стало неправомерным. Отсюда следует, что возможность оспорить задержание должна существовать постоянно до тех пор, пока человек пребывает под стражей. Однако это вовсе не означает, что задержанный вправе обращаться в суд, когда ему заблагорассудится, поскольку ясно, что такое положение способно парализовать систему уголовного судопроизводства. Поэтому Суд пришел к выво-

⁴² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Navarra v. France* от 23 ноября 1994 г.

⁴³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Luberti v. Italy* от 27 января 1984 г.

⁴⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Zamir v. United Kingdom* от 25 января 1985 г.

ду, что возможность обращения в суд должна предоставляться через разумные промежутки времени. Разумеется, в толковании подобного требования возможны варианты. В случаях, когда человек содержался под стражей из-за душевной болезни, приемлемыми признавались промежутки времени до года, однако подобный срок не может служить ориентиром для тех случаев, когда человек содержится под стражей в ожидании суда; как показывают судебные прецеденты, такой ситуации соответствуют гораздо меньшие интервалы. Так, в деле *Bezicheri* не вызвал возражения срок в один месяц, и ясно, что более короткие промежутки времени будут признаны допустимыми. Решающую роль играет то обстоятельство, что в случаях, когда у задержанного могут быть основания оспорить правомерность задержания, суды имеют полномочия проверить эту правомерность. А в случае досудебного содержания под стражей вероятность появления подобных оснований возрастает с каждой неделей.

Обе формы судебного контроля за законностью лишения свободы взаимно дополняют друг друга и обе они реализуют фундаментальные требования Конвенции о гарантиях свободы личности, а их отсутствие открывает простор для разного рода злоупотреблений. При этом подобный надзор отнюдь не вредит эффективности системы уголовного судопроизводства: эта система лучше всего действует в условиях верховенства закона.

В заключение отметим необходимость еще одного механизма, гарантирующего строгое соблюдение норм при всяком лишении свободы: любое нарушение требований статьи 5 должно создавать право на компенсацию. Суды должны иметь полномочия присуждать подобную компенсацию в случаях, когда они устанавливают нарушение статьи 5, и должны быть готовы осуществлять эти полномочия; всякое упущение с их стороны способно лишь усугублять допущенное нарушение статьи 5.

Глава 2

Защита права на свободу и личную неприкосновенность в российском законодательстве и судебной практике

*Анна Валентиновна Деменева**

В данной главе будут рассмотрены положения российского законодательства с точки зрения их соответствия отдельным требованиям статьи 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, наиболее распространенные в российской практике нарушения европейских стандартов защиты свободы и личной неприкосновенности; особое внимание будет уделено анализу решений Европейского суда по делам, рассмотренным в отношении России, в которых установлено нарушение статьи 5 Конвенции.

2.1. Основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность в российском законодательстве: общие понятия

Часть 1 статьи 22 Конституции Российской Федерации сформулирована аналогично первому абзацу части 1 статьи 5 Конвенции: «Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность».

Статья 10 Уголовно-процессуального кодекса РФ содержит норму, гарантирующую неприкосновенность личности:

1. Никто не может быть задержан по подозрению в совершении преступления или заключен под стражу при отсутствии на то законных оснований, предусмотренных настоящим Кодексом. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов.

2. Суд, прокурор, следователь, орган дознания и дознаватель обязаны немедленно освободить всякого незаконно задержанного, или

* Анна Валентиновна Деменева — юрист Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека общественного объединения «Сутяжник», магистр международного права, аспирант Уральской государственной юридической академии.

лишенного свободы, или незаконно помещенного в медицинский или психиатрический стационар, или содержащегося под стражей свыше срока, предусмотренного настоящим Кодексом¹.

Часть 2 статьи 22 Конституции содержит указание на ограничение свободы, связанное с задержанием или арестом: «*Арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению. До судебного решения лицо не может быть подвергнуто задержанию на срок более 48 часов*». Между тем уголовное и уголовно-процессуальное законодательство содержит и иные понятия, обозначающие лишение или ограничение свободы.

Уголовно-процессуальный кодекс РФ называет следующие меры, связанные с ограничением свободы лица: задержание подозреваемого, заключение под стражу в качестве меры пресечения, содержание под стражей подозреваемого или обвиняемого.

В соответствии с пунктом 11 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ *задержание подозреваемого* — мера процессуального принуждения, применяемая органом дознания, дознавателем, следователем или прокурором на срок не более 48 часов с момента фактического задержания лица по подозрению в совершении преступления. В соответствии с пунктом 42 статьи 5 Уголовно-процессуального кодекса РФ *содержание под стражей* — пребывание лица, задержанного по подозрению в совершении преступления, либо обвиняемого, к которому применена мера пресечения в виде заключения под стражу, в следственном изоляторе либо ином месте, определяемом федеральным законом².

Кроме того, российское процессуальное законодательство содержит и иные основания, связанные с ограничением свободы и не обозначенные в Конвенции: привод, т. е. принудительное доставление обвиняемого (подсудимого), потерпевшего, свидетеля к месту следствия или в суд, когда эти лица уклоняются от явки или не являются без уважительных причин, в порядке статьи 113 УПК РФ; запреще-

¹ См. Уголовно-процессуальный кодекс Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 29 мая, 24, 25 июля, 31 октября 2002 г.; 30 июня, 4, 7 июля, 8 декабря 2003 г.; 22 апреля, 29 июня, 2, 28 декабря 2004 г.). Первоначальный текст документа опубликован в «Российской газете» (2001. 22 дек. № 249).

² См. статью 5 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 29 мая, 24, 25 июля, 31 октября 2002 г.; 30 июня, 4, 7 июля, 8 декабря 2003 г.; 22 апреля, 29 июня, 2, 28 декабря 2004 г.). Первоначальный текст документа опубликован в «Российской газете» (2001. 22 дек. № 249).

ние лицам, находящимся в помещении или месте, где производится обыск, покидать его до окончания обыска в порядке части 8 статьи 182 УПК РФ; помещение подозреваемого или обвиняемого в психиатрическое или иное медицинское учреждение для решения вопроса, страдает ли он каким-либо психическим или иным заболеванием, отдаст ли отчет в своих действиях и может ли руководить ими, либо для соматического обследования — в порядке статьи 203 УПК Российской Федерации. Основные сомнения по поводу соответствия статье 5 Конвенции вызывают меры по запрещению лицам, находящимся в помещении, где проводится обыск, покидать его. Основания ограничения свободы лиц в данном случае не согласуются с требованиями Конвенции. В случае наличия оснований полагать, что у находящихся в помещении граждан имеются отыскиваемые предметы, их можно было бы подвергнуть личному обыску, после чего освободить; таким образом, удержание таких лиц в помещении и ограничение их прав не является единственно возможным способом соблюдения общественного интереса и не подпадает под основания ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, предусмотренные статьей 5 Конвенции.

**2.2. Требования пункта «а» части 1 статьи 5 Конвенции:
законное содержание под стражей лица, осужденного
компетентным судом, и соответствующее положение
российского законодательства**

Пункт «а» части 1 статьи 5 Конвенции относится к допустимым случаям лишения свободы, которые имеют место после завершения уголовного преследования в отношении лица, т. е. после признания его виновным в совершении преступления. Таким образом, в данном пункте статьи 5 Конвенции имеется в виду содержание под стражей осужденного к лишению свободы в результате вынесения судом обвинительного приговора. В российском уголовном законодательстве предусмотрено несколько форм ограничения права на свободу в связи с исполнением приговора, вступившего в законную силу: 1) ограничение свободы, т. е. содержание осужденного, достигшего восемнадцатилетнего возраста, в специальном учреждении без изоляции от общества в условиях осуществления над ним надзора в соответствии со статьей 53 Уголовного кодекса РФ; 2) арест, т. е. содержание осужденного в условиях строгой изоляции от общества сроком

до шести месяцев в соответствии со статьей 54 Уголовного кодекса РФ; 3) содержание осужденного военнослужащего в дисциплинарной воинской части на срок до двух лет в соответствии со статьей 55 Уголовного кодекса РФ; 4) лишение свободы на определенный срок, т. е. изоляция осужденного от общества путем направления его в исправительное учреждение сроком до 30 лет в соответствии со статьей 56 Уголовного кодекса РФ; 5) пожизненное лишение свободы в соответствии со статьей 57 Уголовного кодекса РФ³.

Все перечисленные виды наказания применяются не иначе, как в результате исполнения вступившего в силу приговора суда, что соответствует требованиям Конвенции. Статья 390 Уголовно-процессуального кодекса РФ устанавливает, что если приговор апелляционной или кассационной инстанцией оставлен в силе или не обжалован, он подлежит исполнению⁴.

Лишение свободы в качестве наказания за административное правонарушение предусмотрено Кодексом об административных правонарушениях, и срок такого лишения свободы (административного ареста) составляет максимум 15 суток, а за нарушение требований режима чрезвычайного положения или режима в зоне проведения контртеррористической операции — до тридцати суток⁵.

Между тем при рассмотрении данного пункта также может возникнуть вопрос, применяется ли он как законное основание лишения лица свободы только после вступления приговора в законную силу или является основанием законного ограничения права лица на свободу и в случае апелляционного и кассационного обжалования. Поскольку в соответствии с российским законодательством лицам, осужденным к лишению свободы, в случае обжалования приговора мера пресечения о заключении под стражу остается прежней, следует предположить,

³ См. Уголовный кодекс РФ от 13 июня 1996 г. № 63-ФЗ (с изм. от 27 мая, 25 июня 1998 г.; 9 февраля, 15, 18 марта, 9 июля 1999 г.; 9, 20 марта, 19 июня, 7 августа, 17 ноября, 29 декабря 2001 г.; 4, 14 марта, 7 мая, 25 июня, 24, 25 июля, 31 октября 2002 г.; 11 марта, 8 апреля, 4, 7 июля, 8 декабря 2003 г.; 21, 26 июля, 28 декабря 2004 г.). Первоначальный текст документа опубликован в изданиях «Собрание законодательства РФ» (1996. 17 июня. № 25. Ст. 2954), «Российская газета» (1996. 18 июня. № 113; 19 июня. № 114; 20 июня. № 115; 25 июня. № 118).

⁴ См. статью 390 Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 29 мая, 24, 25 июля, 31 октября 2002 г.; 30 июня, 4, 7 июля, 8 декабря 2003 г.; 22 апреля, 29 июня, 2, 28 декабря 2004 г.). Первоначальный текст документа опубликован в «Российской газете» (2001. 22 дек. № 249).

⁵ См. статью 3.9 Кодекса об административных правонарушениях РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Опубликован в «Российской газете» (2001. 31 дек. № 256).

что до вступления приговора в законную силу такие лица будут содержаться под стражей в порядке избранной меры пресечения, т. е. в соответствии с пунктом «с» части 1 статьи 5 Конвенции, а пункт «а» части 1 статьи 5 Конвенции будет применяться лишь после вступления приговора в силу. Также следует учитывать положение российского законодательства о том, что весь период нахождения под стражей, в том числе и период с момента обжалования приговора до рассмотрения апелляционной или кассационной жалобы вышестоящим судом, засчитывается в срок уголовного наказания в виде лишения свободы.

Как известно, пункт «а» части 1 статьи 5 Конвенции содержит определенные требования к суду, который признает лицо виновным: суд должен быть компетентным. Данное требование нуждается в дальнейших пояснениях. Исходя из прецедентной практики Европейского суда по правам человека, оно означает не только то, что компетенция национального суда должна быть четко определена в законе и соблюдаться, но и то, что требования компетентного суда также тесно связаны с требованиями статьи 6 Конвенции о праве на рассмотрение дела судом, созданным на основании закона. Явно в тексте Конвенции данное требование не содержится, однако прецедентная практика Суда показывает, что вопрос законного состава национального суда также будет исследоваться в случае постановки вопроса о нарушении пункта «а» части 1 статьи 5 Конвенции.

Так, в деле *Ilascu and Others v. Moldova and Russia*⁶ заявители считали, что их заключение под стражу не было законным и что осудивший их суд не был компетентным и законным судом. Они ссылались на нарушение статьи 5 Конвенции, которая устанавливает, что «1. Каждый имеет право на свободу и неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы в порядке и в случаях, предусмотренных законом: (а) лишение свободы в результате осуждения компетентным судом...» Заявители указывали, что они были осуждены Приднестровским судом, который не имел соответствующих полномочий. Как было установлено при рассмотрении дела Европейским судом, Верховный суд Республики Приднестровье, перед которым предстали заявители, был чрезвычайным судом, т. е. судом, созданным не на основании закона, он не был предусмотрен Конституцией Молдовы;

⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ilascu and Others v. Moldova and Russia* от 8 июля 2004 г. Перевод на русский язык А. В. Деменевой см. на сайте ОО «Сутяжник» http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/ilascu_rus.htm

состав суда также вызывал сомнения: судьи были назначены не в порядке, установленном законом: это госпожа Иванова, бывшая судья Верховного суда Молдовы; господин Мязин, которому ко времени рассмотрения дела было 28 лет и он год работал в прокуратуре, после чего был назначен судьей Верховного суда Приднестровья, и господин Зенин. В данном деле у Европейского суда отсутствовала юрисдикция для рассмотрения жалобы по статье 6 Конвенции, однако, поскольку заключение заявителей продолжилось и после ратификации Конвенции, Суд сделал вывод, что может решать вопрос, было ли это заключение законным и в соответствии с национальной процедурой, предписанной законом, «после осуждения компетентным судом» в смысле статьи 5 § 1 «а» Конвенции.

В данной части решения Европейский суд указал следующее:

Как это уже было неоднократно установлено прецедентным правом Суда, слово «tribunal», используемое во французском тексте Конвенции — статье 5 и статье 6 Конвенции, отсылает прежде всего к органу, созданному на основании закона и удовлетворяющему ряду требований, таких, как независимость, беспристрастность, срок полномочий, гарантии в рамках процесса (De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium, решение от 28 May 1970, Series A no. 12, p. 41, § 78). Требование законности лишения свободы, установленное статьей 5 § 1 (а) («законное помещение лица под стражу в соответствии с процедурой, предписанной законом») не выполнено в связи с несоблюдением национального права; национальное право должно отвечать принципам Конвенции, в частности, принципу верховенства права, указанному в преамбуле к Конвенции. Выражение «в соответствии с процедурой, предусмотренной законом» означает, что любая мера по лишению лица свободы должна осуществляться компетентными властными органами и не быть произвольной (Winterwerp v. the Netherlands, решение от 24 октября 1979, Series A no. 33, § 45). Кроме того, цель статьи 5 — защитить лицо от произвольного лишения свободы (см. Stafford v. the United Kingdom [GC], no. 46295/99, § 63, ECHR 2002-IV). Суд соответственно делает вывод, что ни один из заявителей не был осужден «судом» в смысле требований Конвенции и что приговоры о наказании в виде лишения свободы не могут рассматриваться как «законное лишение свободы», сопоставимое с требованиями статьи 5 Конвенции⁷.

⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ilascu and Others v. Moldova and Russia* пункты 460–462.

Таким образом, следует считать, что требования к компетенции национального суда, содержащиеся в пункте «а» части 1 статьи 5 Конвенции, достаточно широки и распространяются в том числе и на законность состава суда. В связи с этим закономерно возникает вопрос относительно нарушения данного пункта в отношении лиц, которые были осуждены судами Российской Федерации с участием народных заседателей, которые были в подавляющем своем большинстве назначены с нарушением процедуры, предусмотренной законом, и незаконно осуществляли свои полномочия, как это было установлено в деле *Posokhov v. Russia*⁸.

Рассматривая возможность направления в Суд жалобы на нарушение пункта «а» части 1 статьи 5 Конвенции, необходимо понимать, что требования законности содержания под стражей лица в соответствии с данной нормой Конвенции имеют строго определенные пределы, связанные с законностью процедуры содержания под стражей после приговора суда и наличием у суда компетенции выносить такие приговоры. Данный пункт не устанавливает требования к законности самого приговора по его сути и содержанию и не может быть основанием обращения в Европейский суд с жалобой, если потенциальный заявитель не согласен с оценкой доказательств, данной национальным судом, примененными национальным судом нормами и назначенным наказанием. Указанные нарушения не входят в сферу действия данного пункта, не защищаются Конвенцией и не могут быть предметом рассмотрения в Европейском суде.

2.3. Требования пункта «b» части 1 статьи 5 Конвенции: законный арест или задержание лица за невыполнение законного решения суда или с целью обеспечения любого обязательства, предписанного законом

В данном случае, исходя из текста Конвенции и практики ее толкования, также следует различать законность в двух аспектах: соблюдение предусмотренной законом процедуры ограничения права на свободу и законность оснований такого ограничения. В российском законодательстве к основаниям ограничения права на свободу, соот-

⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Posokhov v. Russia* от 4 марта 2003 г. Перевод на русский язык А. В. Деменева см. на сайте ОО «Сутяжник» <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/posohov.htm>

ветствующим пункту «b» части 1 статьи 5 Конвенции, могут быть отнесены случаи замены видов наказания, не связанных с лишением свободы, на вид наказания в виде лишения свободы в связи с грубым нарушением порядка исполнения приговора. Так, в соответствии с частью 3 статьи 50 Уголовного кодекса Российской Федерации в случае злостного уклонения от отбывания наказания лицом, осужденным к исправительным работам, суд может заменить неотбытое наказание арестом или лишением свободы из расчета один день ареста за два дня исправительных работ или один день лишения свободы за три дня исправительных работ. Важной гарантией защиты от произвольного лишения свободы в данном случае является то, что вопрос замены вида наказания также рассматривается в судебном порядке⁹, что, в свою очередь, отвечает иным аспектам статьи 5 относительно «процедурной» законности лишения свободы.

2. 4. Требования пункта «с» части 1 статьи 5 Конвенции: законный арест или задержание лица, произведенные с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения или помешать ему скрыться после его совершения

Данный пункт статьи 5 является самым структурно сложным основанием лишения свободы, применение которого требует соблюдения целого ряда элементов, составляющих единое требование законности в соответствии с пунктом «с» части 1 статьи 5 Конвенции.

Согласно практике Европейского суда по правам человека пункт «с» части 1 статьи 5 Конвенции содержит три основания для задержания или ареста: совершение правонарушения, необходимость предотвращения новых правонарушений, необходимость предотвращения побега.

Если Конвенция содержит понятия «законный арест или задержание лица», то Уголовно-процессуальный кодекс предусматривает за-

⁹ См. статьи 396–399 Уголовно-процессуального кодекса РФ от 18 декабря 2001 г. № 174-ФЗ (с изм. от 29 мая, 24, 25 июля, 31 октября 2002 г.; 30 июня, 4, 7 июля, 8 декабря 2003 г.; 22 апреля, 29 июня, 2, 28 декабря 2004 г.). Первоначальный текст документа опубликован в «Российской газете» (2001. 22 дек. № 249).

держание как меру процессуального принуждения и «заключение под стражу» в качестве меры пресечения.

Рассмотрим такую форму ограничения права на свободу и личную неприкосновенность, как задержание.

Статья 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ¹⁰ предусматривает основания задержания подозреваемого:

1. Орган дознания, дознаватель, следователь или прокурор вправе задержать лицо по подозрению в совершении преступления, за которое может быть назначено наказание в виде лишения свободы, при наличии одного из следующих оснований:

- 1) когда это лицо застигнуто при совершении преступления или непосредственно после его совершения;
- 2) когда потерпевшие или очевидцы укажут на данное лицо как на совершившее преступление;
- 3) когда на этом лице или его одежде, при нем или в его жилище будут обнаружены явные следы преступления.

В части 1 статьи 91 содержатся так называемые «безусловные» основания задержания подозреваемого, поскольку для задержания лица достаточно только их наличия без каких-либо иных условий. Часть 2 статьи 91 содержит неисчерпывающий, по сути, перечень оснований — «при наличии иных данных, дающих основание подозревать лицо в совершении преступления, оно может быть задержано...», однако устанавливает исчерпывающий перечень условий, при наличии которых указанные «иные данные» будут законным основанием для задержания:

- если это лицо пыталось скрыться,
- либо не имеет постоянного места жительства,
- либо не установлена его личность,
- либо если прокурором, а также следователем или дознавателем с согласия прокурора в суд направлено ходатайство об избрании в отношении указанного лица меры пресечения в виде заключения под стражу.

Между тем как в практике применения аналогичной статьи в ранее действующем Уголовно-процессуальном кодексе, так и в практике применения статьи 91 действующего Уголовно-процессуального кодекса РФ нередко встречаются нарушения применения оснований

¹⁰ См. статью 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

для задержания, несоответствие обстоятельств дела указанным требованиям нормы.

«Процедурный» аспект законности задержания, т. е. требования закона к порядку задержания, также являющиеся составной частью общей законности, гарантированной пунктом «с» части 1 статьи 5 Конвенции, содержится в статьях 92 и 96 Уголовно-процессуального кодекса РФ:

1. После доставления подозреваемого в орган дознания, к следователю или прокурору в срок не более 3 часов должен быть составлен протокол задержания, в котором делается отметка о том, что подозреваемому разъяснены права, предусмотренные статьей 46 настоящего Кодекса.

2. В протоколе указываются дата и время составления протокола, дата, время, место, основания и мотивы задержания подозреваемого, результаты его личного обыска и другие обстоятельства его задержания. Протокол задержания подписывается лицом, его составившим, и подозреваемым.

3. О произведенном задержании орган дознания, дознаватель или следователь обязан сообщить прокурору в письменном виде в течение 12 часов с момента задержания подозреваемого.

4. Подозреваемый должен быть допрошен в соответствии с требованиями части второй статьи 46, статей 189 и 190 настоящего Кодекса. До начала допроса подозреваемому по его просьбе обеспечивается свидание с защитником наедине и конфиденциально. В случае необходимости производства процессуальных действий с участием подозреваемого продолжительность свидания свыше 2 часов может быть ограничена дознавателем, следователем, прокурором с обязательным предварительным уведомлением об этом подозреваемого и его защитника. В любом случае продолжительность свидания не может быть менее 2 часов.

Статья 96 УПК предусматривает обязанность властных органов уведомить о задержании:

1. Дознаватель, следователь или прокурор не позднее 12 часов с момента задержания подозреваемого уведомляет кого-либо из близких родственников, а при их отсутствии — других родственников или представляет возможность такого уведомления самому подозреваемому.

Уведомление может не производиться при применении части 4 данной статьи, которая устанавливает, что «при необходимости со-

хранения в интересах предварительного расследования в тайне факта задержания уведомление с санкции прокурора может не производиться, за исключением случаев, когда подозреваемый является несовершеннолетним».

Важной гарантией защиты от произвольного задержания является статья 94 УПК РФ, которая предусматривает основания освобождения подозреваемого:

1. Подозреваемый подлежит освобождению по постановлению дознавателя, следователя или прокурора, если:

- 1) не подтвердилось подозрение в совершении преступления;
- 2) отсутствуют основания применения к нему меры пресечения в виде заключения под стражу;
- 3) задержание было произведено с нарушением требований статьи 91 настоящего Кодекса.

2. По истечении 48 часов с момента задержания подозреваемый подлежит освобождению, если в отношении него не была избрана мера пресечения в виде заключения под стражу либо суд не продлил срок задержания в порядке, установленном пунктом 3 части седьмой статьи 108 настоящего Кодекса.

3. Если постановление судьи о применении к подозреваемому меры пресечения в виде заключения под стражу либо продлении срока задержания не поступит в течение 48 часов с момента задержания, то подозреваемый немедленно освобождается, о чем начальник места содержания подозреваемого уведомляет орган дознания или следователя, в производстве которого находится уголовное дело, и прокурора.

Итак, задержание как мера процессуального принуждения является по российскому законодательству мерой, ограничивающей право на свободу без судебного решения. По истечении 48 часов, как установлено УПК, лицу должна быть избрана мера пресечения в виде заключения под стражу или он должен быть освобожден.

Законный арест — второе основание ограничения права на свободу, названное в пункте «с» части 1 статьи 5 Конвенции. В российском законодательстве этому термину соответствует избрание меры пресечения в виде заключения под стражу, которое также должно отвечать как «содержательным», так и «процедурным» критериям законности. Прежде всего рассмотрим основания, содержащиеся в российском законодательстве, для избрания меры пресечения в виде заключения под стражу. Статья 97 УПК РФ предусматривает общие осно-

вания для избрания меры пресечения: мера пресечения избирается «при наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый, подозреваемый:

- 1) скроется от дознания, предварительного следствия или суда;
- 2) может продолжать заниматься преступной деятельностью;
- 3) может угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу.

2. Мера пресечения может избираться также для обеспечения исполнения приговора».

Статья 108 УПК РФ предусматривает специальные основания и условия применения меры пресечения в виде заключения под стражу:

1. Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется по судебному решению в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступлений, за которые уголовным законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет при невозможности применения иной, более мягкой, меры пресечения. При избрании меры пресечения в виде заключения под стражу в постановлении судьи должны быть указаны конкретные, фактические обстоятельства, на основании которых судья принял такое решение. В исключительных случаях эта мера пресечения может быть избрана в отношении подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок до двух лет, при наличии одного из следующих обстоятельств:

- 1) подозреваемый или обвиняемый не имеет постоянного места жительства на территории Российской Федерации;
- 2) его личность не установлена;
- 3) им нарушена ранее избранная мера пресечения;
- 4) он скрылся от органов предварительного расследования или от суда.

Новый УПК РФ устранил возможность применения заключения под стражу по мотивам одной лишь опасности совершенного преступления при отсутствии оснований избрания мер пресечения, указанных в статье 97 УПК РФ.

Процедурные требования связаны прежде всего с тем, что Конвенция требует, что избрание меры пресечения должно осуществляться именно в судебном порядке (часть 3 статьи 5 Конвенции). Европейский суд во многих своих решениях подчеркивает взаимосвязь требо-

вания пункта «с» части 1 статьи 5 Конвенции и части 3 статьи 5 Конвенции, поскольку часть 3 статьи 5 выступает в качестве процедурной гарантии для соблюдения законности в части 1 статьи 5 Конвенции.

В Конституции РФ¹¹ изначально установлено, что арест, заключение под стражу и содержание под стражей допускаются только по судебному решению, однако в соответствии с переходными положениями пункта 6 раздела 2 Конституции сохранялся прежний порядок ареста, содержания под стражей и задержания (с санкции прокурора). В результате ратификационная грамота Российской Федерации от 5 мая 1998 г. содержит следующие оговорки, установленные также в Федеральном законе «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод»:

в соответствии со ст. 64 Конвенции Российская Федерация заявляет, что положения статьи 5 параграф 3 и 4 не препятствуют применению нижеследующих положений законодательства Российской Федерации: санкционированного абзацем 2 п. 6 раздела второго Конституции РФ 1993 года временного применения установленного ч. 1 ст. 11, ч. 1 ст. 89, ст. 90, 92, 96, 96.1, 96.2, 97, 101 и 122 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г., с последующими изменениями и дополнениями порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления¹².

В Федеральном законе «О введении в действие Уголовно-процессуального кодекса Российской Федерации»¹³ было установлено, что меры пресечения в виде заключения под стражу и домашнего ареста, а также продление срока содержания под стражей будут применяться судами начиная с 1 января 2004 г. Однако в своем Постановлении о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР Конституционный суд РФ указал, что порядок, установленный УПК РСФСР, является отступлением не только от провозглашенных Конституцией гарантий прав на свободу и личную неприкосновенность, но и закрепленных в статьях 17 и 18 Конституции РФ принципов непосредственного действия прав и свобод человека и гражданина в их

¹¹ Конституция РФ принята 12 декабря 1993 г. всенародным голосованием.

¹² См. Федеральный закон «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод» от 30 марта 1998 г. Опубликован в «Российской газете» (1998. 7 апр. № 67).

¹³ См. Федеральный закон «О введении в действие уголовно-процессуального кодекса РФ» от 18 декабря 2001 г. Опубликован в «Российской газете» (2001. 22 дек. № 249).

согласованности с общепризнанными принципами и нормами международного права, что является несовместимым с принятыми на себя Россией обязательствами в связи с ратификацией ею Конвенции о защите прав человека и основных свобод. Федеральному Собранию РФ было предложено незамедлительно внести в законодательство изменения с тем, чтобы обеспечить введение в действие норм, предусматривающих судебный порядок применения ареста (заключения под стражу), содержания под стражей и задержания подозреваемого на срок более 48 часов, одновременно с УПК РФ, т. е. с 1 июля 2002 г.¹⁴

Таким образом, со вступлением в силу УПК РФ 2002 г. данная проблема устранена: за исключением стадии задержания длительностью не более 48 часов, лишение свободы производится в результате рассмотрения этого вопроса судом.

Важной гарантией является и то, что продление сроков содержания под стражей также происходит в судебном порядке. Судебный порядок продления сроков содержания под стражей предусматривает, что срок два месяца может быть продлен судьей районного суда до шести месяцев, затем по ходатайству прокурора субъекта РФ судьей того же уровня — до двенадцати месяцев, а затем судьей вышестоящей инстанции по представлению Генерального прокурора — до восемнадцати месяцев. Если это условие соблюдено, то суд субъекта РФ по ходатайству прокуратуры может вынести решение о продлении срока содержания под стражей до окончания ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела. Такое положение может привести к значительному увеличению фактического срока нахождения лица под стражей.

Статья 255 УПК РФ предусматривает, что срок содержания под стражей в процедуре рассмотрения дела судом не может превышать шести месяцев, но по их истечении срок содержания под стражей может неоднократно продлеваться через каждые три месяца судьей, рассматривающим дело о тяжком или особо тяжком преступлении. Проблема состоит в том, что предельный срок содержания подсудимого под стражей зависит от усмотрения судьи, который рассматривает дело.

¹⁴ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 14 марта 2002 г. по делу о проверке конституционности статей 90, 96, 122 и 216 УПК РСФСР в связи с жалобами граждан С. С. Маленкина, Р. Н. Мартынова и С. В. Пустовалова. Опубликовано в «Российской газете» (2002. 21 марта. № 50).

Однако самой распространенной проблемой нарушения права на свободу при избрании меры пресечения является то, что суд в постановлении о заключении под стражу просто перечисляет пункты соответствующих статей УПК РФ, при этом не указывая, в чем состоят фактические обстоятельства данного дела, позволяющие применять именно эту меру пресечения, и какие доказательства имеются в деле, свидетельствующие о том, что *лицо скроется от дознания, предварительного следствия или суда, будет продолжать заниматься преступной деятельностью или будет угрожать свидетелю, иным участникам уголовного судопроизводства, уничтожить доказательства либо иным путем воспрепятствовать производству по уголовному делу*. В практике нередко встречаются постановления об избрании меры пресечения, в которых указаны все три основания без каких-либо ссылок на обстоятельства рассматриваемого дела.

Европейским судом по правам человека в отношении Российской Федерации был рассмотрен ряд дел о нарушении пункта «с» части 1 статьи 5 Конвенции. Так, в деле *Smirnova v. Russia*¹⁵ заявительницы утверждали, что не было достаточно причин, оправдывающих их неоднократное заключение под стражу. Во-первых, не было никакого риска, что они скроются. Они имели только одну квартиру, и их единственный доход они получали, работая в Москве. Так как заявительницы получали много корреспонденции от российских властей и международных организаций, им приходилось находиться дома большую часть времени. Заявительницы были законопослушными гражданами, потому что работали юристами и ценили свою репутацию. Моральное состояние заявительниц было подорвано годами уголовного преследования, арестами и допросами. Кроме того, одна из заявительниц страдала серьезным заболеванием. Заявительницы очень хотели, чтобы их дело было расследовано как можно скорее. Они никогда не имели конфликтов с правосудием, и их аресты производились либо по их постоянному месту жительства или в суде, куда они являлись на слушание дела. Во-вторых, не имелось никакого риска, что заявительницы будут препятствовать отправлению правосудия. Они не уничтожали документы или какие-либо другие доказательства, а также не оказывали давление на жертв предполагаемого

¹⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Smirnova v. Russia* от 24 июля 2003 г. Перевод на русский язык Л. Чуркиной см. на сайте ОО «Сутяжник» <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/smirnova.htm>

преступления. В-третьих, содержание под стражей не было необходимой мерой для предотвращения дальнейших преступлений. Личности заявительниц и отсутствие судимости в прошлом никоим образом не давали повода предполагать, что они могут совершать преступные деяния. Наконец, не имелось никаких оснований подозревать, что освобождение заявительниц может привести к нарушению общественного порядка. Все эти основания были указаны заявительницами в качестве аргументов незаконности и необоснованности их содержания под стражей.

Европейский суд в тексте решения по данному делу обозначил общие принципы рассмотрения дел о нарушении пункта «с» части 1 статьи 5. Суд акцентировал внимание на том, что положения пункта «с» статьи 5 Конвенции должны рассматриваться в совокупности с положениями пункта 3 статьи 5 (см. *Ciulla v. Италия*, решение от 22 февраля 1989). *При оценке продолжительности содержания под стражей после даты вступления Конвенции в силу Суд принимает во внимание стадию, которой достигло к этому времени производство по делу. Следовательно, это может относиться к предыдущему задержанию (см. *Ventura v. Италия*, решение Комиссии от 9 марта 1978). Лицо, обвиняемое в совершении преступления, должно быть освобождено до суда, если государство не сможет доказать, что имеются «существенные и достаточные» причины для продления срока задержания (см. *Wemhoff v. Германия*, решение от 27 июня 1968; *Yagci и Sargin v. Турция*, решение от 8 июня 1995). Прецедентное право Конвенции разработало четыре основные причины отказа освободить лицо под залог:*

— *если есть риск, что обвиняемый не явится на судебное заседание (см. *Stogmuller v. Австрия*, решение от 10 ноября 1969);*

— *если есть риск, что обвиняемый, находясь на свободе, воспрепятствует отправлению правосудия (см. *Wemhoff v. Германия*) или продолжит преступную деятельность (см. *Matznetter v. Австрия*, решение от 10 ноября 1969) или его действия приведут к общественному беспорядку (см. *Letellier v. Франция*, решение от 26 июня 1991).*

Суд также указал, что риск того, что обвиняемое лицо скроется, не может быть оценен исключительно на основе тяжести возможного приговора; он должен быть оценен с учетом ряда других факторов, касающихся дела, которые могут либо подтвердить существование риска, либо указать на столь малую вероятность существования риска, что не сможет оправдать предварительное заключение. В этом

контексте необходимо учитывать, в частности, личность обвиняемого, его моральный облик, его достоинства, его связи с государством, в котором против него возбуждено уголовное дело, и его международные контакты (см. *W. v. Швейцария*, решение от 26 января 1993).

По мнению Суда, в первую очередь именно национальные судебные власти должны гарантировать, чтобы в каждом случае предварительное заключение обвиняемого не превышало разумный срок. В связи с этим они обязаны исследовать все существующие доводы в пользу или против существования реальной потребности общественного интереса, с должным вниманием учесть принцип презумпции невиновности, уклонение от принципа свободы личности и только на основании вышеизложенного выносить решения по заявлениям об освобождении. Сроки содержания заявительниц под стражей, относящиеся к юрисдикции Суда, составляли два года и пятнадцать дней — первая заявительница и один год шесть месяцев и шестнадцать дней — вторая заявительница. Период содержания под стражей заявительниц не является коротким в абсолютных условиях. Тем не менее Суд не может исключить возможность, что это может быть оправданным в сложившейся ситуации. Но, чтобы прийти к такому выводу, Суд сначала должен оценить причины, указанные национальными властями, в обоснование арестов. И именно эти причины кажутся недостаточными.

Суд указал следующее: *«действительно, решения, которые Суд имеет в своем распоряжении, отличаются краткостью и не описывают подробно ситуацию по делу заявительниц. В решении Тверского суда от 31 марта 1999 упомянута только серьезность обвинений, выдвинутых против Е. С., ставшая причиной ее содержания под стражей. В решении от 10 ноября 1999 упомянута “характерная особенность” заявительниц без объяснений, в чем проявляется эта особенность и почему она является причиной содержания под стражей. Аналогично 28 августа 2000 Тверской суд вынес определение о заключении под стражу заявителей, просто потому что они постоянно не являлись на судебные заседания без указания определенных деталей или рассмотрения альтернативных мер пресечения. Другими словами, неоднократное заключение под стражу заявительниц в ходе расследования одного уголовного дела на основании недостаточно аргументированных решений является нарушением п. 1, п. 3 статьи 5»¹⁶.*

¹⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Smirnova v. Russia* от 24 июля 2003 г.

В деле *Gusinskiy v. Russia*¹⁷ заявитель жаловался на нарушение в отношении него пункта «с» части 1 статьи 5 Конвенции, поскольку его заключение под стражу было произведено в отсутствие обоснованного подозрения в совершении преступления, не соответствовало процедуре, установленной национальным законодательством и было применено без учета постановления об амнистии. Во-первых, заявитель указывал, что оба уголовных дела были возбуждены против него без каких-либо юридических оснований. Правительство оспаривало данное заявление. Представители Правительства заявляли, что заключение под стражу заявителя 13 июня 2000 г. было мотивировано обоснованным подозрением, что он совершил мошенничество в крупном размере, предусмотренное пунктом «б» части 3 статьи 159 Уголовного кодекса РФ. Заявитель утверждал, что ни дело «Русского видео», ни дело «Медиа-Моста» не имели в качестве основы «обоснованного подозрения».

Суд в данном решении указал на выработанные в его практике принципы, что для того, чтобы задержание лица по обоснованному подозрению было оправданным в смысле § 1 (с) статьи 5, не обязательно, чтобы полиция располагала достаточными доказательствами вины на момент задержания или содержания под стражей (см. *Brogan and Others v. the United Kingdom*, решение от 29 ноября 1999, Series A no. 145-B, § 53). Также не требуется, чтобы задержанному было обязательно предъявлено обвинение или он предстал перед судом. Цель задержания — продолжить расследование и подтвердить или опровергнуть подозрения, которые стали основанием для задержания (см. *Murray v. the United Kingdom*, решение от 28 октября 1994 года, Series A no. 300-A, § 55). Однако требование того, что подозрение должно строиться на разумных основаниях, является существенным аспектом защиты от произвольного задержания и заключения под стражу. Одного только факта, что подозрение добросовестное, недостаточно. Слова «обоснованное подозрение» подразумевают существование фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя, что данное лицо могло совершить правонарушение (см. *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom*, решение от 30 августа 1990 года, Series A no. 182, § 32).

¹⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Gusinskiy v. Russia* от 19 мая 2004 г. (см. прил. 2). Перевод на русский язык А. Деменевой см. на сайте ОО «Сутяжник» http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/gusinskiy_rus_dem.htm

Заявитель указывал далее, что его заключение под стражу не было «законным», поскольку не была соблюдена процедура, предусмотренная национальным законодательством. В частности, не имелось «исключительных обстоятельств», установленных статьей 90 Уголовного процессуального кодекса РСФСР, чтобы заключение было оправданным до предъявления обвинения. Более того, в нарушение требований статьи 89 Уголовного процессуального кодекса РСФСР отсутствовали доказательства, подтверждающие, что он может скрыться от следствия или вмешаться в установление истины по делу, если останется на свободе.

Заявитель также жаловался, что его заключение под стражу не было законным, поскольку актом об амнистии он был освобожден от уголовного преследования.

Суд в решении по данному делу напомнил, что когда оспаривается законность заключения под стражу, в том числе рассматривается вопрос, был ли соблюден «порядок, установленный законом», Конвенция отсылает непосредственно к национальному праву и соблюдению материального и процессуального национального законодательства, но также требуется, чтобы любое лишение свободы было совершено в целях статьи 5, в частности чтобы защитить индивида от произвольного задержания. Устанавливая, что любое лишение свободы должно быть в строгом соответствии с законом, статья 5 § 1 Конвенции прежде всего требует, чтобы любой арест или задержание имели правовые основания в национальном праве. Подобно фразам «в соответствии с законом» и «предусмотрено законом» во вторых частях статей 8 и 11 такие требования также связаны с качеством закона, который должен отвечать принципу верховенства права, концепции, вытекающей из всех статей Конвенции. Качество в этом смысле подразумевает, что там, где национальное право позволяет лишение свободы, это должно быть ясно и предсказуемо, чтобы избежать любого риска произвольного задержания (см. *Amuur v. France*, judgment of 25 June 1996, Reports of Judgments and Decisions 1996-III, § 50).

В данном деле заявитель был помещен под стражу до предъявления обвинения. Такое помещение под стражу являлось исключением из общего правила, установленного статьей 89 Уголовного процессуального кодекса РСФСР, согласно которой мера пресечения должна применяться после предъявления обвинения. Данное исключение было предусмотрено статьей 90 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР «при исключительных обстоятельствах». Стороны согласи-

лись с тем, что Уголовно-процессуальный кодекс не раскрывал значение данного выражения. Правительство не представило никаких примеров дел — подтвержденных решениями суда или не подтвержденных — в которых раскрывалось понятие «исключительные обстоятельства».

Не представляется, что данная норма, на основании которой лицо может быть лишено свободы, отвечает требованиям «качества закона», установленным статьей 5. В отношении амнистии Суд отметил, что «законность» существенно зависит от соблюдения национального законодательства (см. *Amuur*, указ. выше, § 50). Прежде всего национальные органы, в частности суды, толкуют и применяют национальное право. Однако, поскольку согласно статье 5 § 1 Конвенции несоблюдение национального законодательства влечет за собой нарушение Конвенции, Суд должен воспользоваться определенными полномочиями по проверке, было ли данное законодательство соблюдено (см., например, *Benham v. the United Kingdom*, решение от 10 июня 1996, Reports 1996-III, § 41). Суд согласен с заявителем, что было бы нелогично толковать постановление об амнистии как позволяющее заключать под стражу лиц, дела которых будут прекращены. Таким образом, Суд установил, что имело место нарушение национального законодательства, соответственно нарушена часть 1 статьи 5 Конвенции.

Данное дело является особенным в практике Европейского суда по правам человека в связи с тем, что в данном деле Суд установил нарушение статьи 5, взятое вместе со статьей 18 Конвенции, которая устанавливает, что «ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они предусмотрены».

«Суд, ранее установив что свобода заявителя была ограничена “в целях, чтобы лицо предстало перед компетентным судом по обоснованному подозрению в совершении преступления”, однако должен определить, применялось ли заключение под стражу в нарушение статьи 18 для иных целей, помимо установленных в статье 5 § 1 (с). По мнению Суда, целью публичного обвинения в уголовных делах не является использование предварительного заключения как коммерческой стратегии по совершению сделок. Тот факт, что Газпром требовал от заявителя подписания “июльского соглашения”, когда тот находился под стражей, то, что под этим соглашением подписался министр государства и что впоследствии следователь исполнил его,

снимая обвинения, приводит суд к мнению, что уголовное преследование использовалось с целью давления на заявителя. В таких обстоятельствах Суд не может не установить, что ограничение свободы заявителя, допустимое в соответствии с пунктом «с» части 1 статьи 5 Конвенции, было применено не только для того, чтобы лицо предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении преступления, но также и для иных целей. Таким образом, имело место нарушение статьи 18 Конвенции, взятой вместе со статьей 5»¹⁸.

**2.5. Пункт «d» части 1 статьи 5 Конвенции:
задержание несовершеннолетнего на основании
законного постановления для воспитательного надзора
или его законное задержание с тем, чтобы оно предстало
перед компетентным судебным органом**

Задержание несовершеннолетних в соответствии с российским законодательством осуществляется на основании общих норм статьи 91 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Что же касается меры пресечения в виде заключения под стражу, то круг оснований для ее применения в отношении несовершеннолетних значительно уже: она может применяться только к несовершеннолетним, подозреваемым в совершении ими тяжкого или особо тяжкого преступления (что является не самостоятельным основанием, а дополнительным условием), и только в исключительных случаях — за преступление, относящееся к категории средней тяжести¹⁹.

Обязательной целью задержания несовершеннолетнего в соответствии с данным пунктом статьи 5 является то, что несовершеннолетний должен предстать перед компетентным судебным органом, иными словами, основанием применения пункта является совершение несовершеннолетним правонарушения.

Особой мерой пресечения в отношении несовершеннолетних, соответствующей указанному в статье 5 «воспитательному надзору», является *присмотр*, предусмотренный статьей 105 УПК:

1. Присмотр за несовершеннолетним подозреваемым, обвиняемым

¹⁸ См. пункты 75–78 решения Европейского суда по правам человека по делу *Gusinskiy v. Russia* от 19 мая 2004 г.

¹⁹ См. часть 2 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

состоит в обеспечении его надлежащего поведения, предусмотренного статьей 102 настоящего Кодекса, родителями, опекунами, попечителями или другими заслуживающими доверия лицами, а также должностными лицами специализированного детского учреждения, в котором он находится, о чем эти лица дают письменное обязательство.

Административный арест к несовершеннолетним не применяется²⁰.

**2.6. Пункт «е» части 1 статьи 5 Конвенции:
законное заключение под стражу лиц с целью
предотвращения распространения инфекционных заболеваний,
а также законное заключение под стражу душевнобольных,
алкоголиков, наркоманов или бродяг**

Основы законодательства РФ об охране здоровья граждан допускают принудительное освидетельствование, госпитализацию, наблюдение и изоляцию лиц, страдающих любыми заболеваниями, представляющими опасность для окружающих²¹.

Закон Российской Федерации «О милиции» предусматривает обязанность милиции осуществлять привод в учреждения здравоохранения по их представлениям, санкционированным судом, лиц, страдающих заболеваниями, представляющих опасность для себя и окружающих, если они уклоняются от явки по вызову в медицинское учреждение²².

Вопросы лишения свободы в связи с недобровольной госпитализацией в психиатрический стационар регулируются главой 35 Гражданского процессуального кодекса РФ и Федеральным законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее ока-

²⁰ См. статью 3.9 Кодекса об административных правонарушениях РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Опубликован в «Российской газете» (2001. 31 дек. № 256).

²¹ См. статью 34 Основ законодательства об охране здоровья граждан от 22 июля 1993 г. (в ред. Федеральных законов от 2 марта 1998 № 30-ФЗ, от 20 декабря 1999 № 214-ФЗ, от 2 декабря 2000 № 139-ФЗ, от 10 января 2003 № 15-ФЗ, от 27 февраля 2003 № 29-ФЗ, от 30 июня 2003 № 86-ФЗ, от 29 июня 2004 № 58-ФЗ, от 22 августа 2004 № 122-ФЗ, с изм., внесенными Указом Президента РФ от 24 декабря 1993 № 2288). Первоначальный текст документа опубликован в издании «Ведомости СНД и ВС РФ» (1993. 19 авг. № 33. Ст. 1318).

²² См. Федеральный закон «О милиции» от 18 апреля 1991 г. Первоначальный текст документа опубликован в издании «Ведомости СНД и ВС РСФСР» (1991. 18 апр. № 16. Ст. 503).

зании». Вопросы правомерности недобровольной госпитализации будут подробно рассмотрены в главе 3 данной книги.

2.7. Пункт «f» части 1 статьи 5 Конвенции: законный арест или задержание лица с целью предотвращения его незаконного въезда в страну или лица, против которого принимаются меры по его высылке или выдаче

Требования законного ареста или задержания лица по основанию применения данного пункта вновь отсылают нас к положениям национального законодательства. Законом должны быть предусмотрены основания, а также должна соблюдаться установленная процедура. Основания, по которым возможно заключение под стражу иностранных граждан в смысле указанного пункта, предусмотрены Кодексом об административных правонарушениях РФ: нарушение режима Государственной границы РФ, нарушение режима в пунктах пропуска через Государственную границу РФ, нарушение режима пребывания в Российской Федерации, нарушение иммиграционных правил²³.

2.8. Принципы части 2 статьи 5 Конвенции: каждому арестованному незамедлительно сообщаются на понятном ему языке причины его ареста и любое предъявленное обвинение

Данная норма направлена на обеспечение защиты от произвольного задержания. Основной вопрос, который возникает в связи с применением данного пункта: когда данная гарантия начинает действовать и что понимается под словом «незамедлительно»?

В соответствии со статьей 92 Уголовно-процессуального кодекса РФ не позже чем через три часа после доставления задержанного в милицию должен быть составлен протокол задержания, в котором должны быть указаны мотивы задержания. На первом же допросе подозреваемому должно быть сообщено, в совершении какого преступления он подозревается. Первый допрос производится не позднее, чем через 24 часа с момента доставления задержанного в орган мили-

²³ См. статьи 18.1, 18.4, 18.8, 18.11 Кодекса об административных правонарушениях РФ от 30 декабря 2001 г. № 195-ФЗ. Опубликовано в «Российской газете» (2001. 31 дек. № 256).

ции. На практике этот срок не всегда соблюдается, более того, возникает вопрос, отвечает ли требованиям незамедлительности срок 24 часа.

Момент, когда лицо фактически задержано, и момент составления протокола не совпадают по времени. В Постановлении по делу о проверке конституционности статьи 51 УПК РСФСР Конституционный суд РФ указывает, что лицо приобретает статус подозреваемого и право пользоваться услугами адвоката с момента фактического удержания его в служебном помещении органа дознания, еще до составления протокола²⁴.

Кроме того, на практике нередко возникают ситуации, когда лицо приглашается «на беседу» к следователю и его процессуальное положение никак не оформляется; между тем вряд ли лицо, находящееся у следователя в кабинете и дающее объяснения (даже если считается, что допрос не проводится), может считать себя полностью свободным и что его свобода не ограничена властным органом. Нередко в правозащитные организации поступают обращения, содержащие жалобы на действия сотрудников милиции, фактически задерживающих граждан. Так, М. вечером была увезена из своего дома сотрудниками милиции якобы на допрос в качестве подозреваемой. Ее продержали в запертом кабинете в течение 3 часов, после чего проводилась «беседа» со следователем; на вопросы М., почему не ведется протокол, ей ответили, что это не допрос, а беседа. При этом на просьбы отпустить ее домой ей отвечали отказом. Жалобы в прокуратуру на нарушение права на свободу и личную неприкосновенность впоследствии не дали никакого результата: в ответе прокуратуры указывалось, что гражданка «не задерживалась, поскольку протокол задержания в деле отсутствует», «указанные ею факты о незаконных действиях сотрудников милиции подтверждения не нашли».

2.9. Часть 3 статьи 5 Конвенции: требование незамедлительного доставления к судье как процессуальная гарантия законности

Как уже отмечалось, существует тесная связь между требованиями законности части 1 статьи 5 Конвенции и части 3 статьи 5. Подозрение в отношении лица о совершении им правонарушения, необхо-

²⁴ См. прил. 4

димось предотвратить совершение правонарушения или возможность того, что подозреваемый скроется от следствия и суда, являются основаниями лишения лица свободы, однако данная мера будет считаться законной и соответствующей требованиям статьи 5 Конвенции, только если она будет принята с целью возбуждения уголовного дела против этого лица. Отсюда требование части 3 статьи 5 Конвенции, согласно которому лицо, лишенное свободы, имеет право на то, чтобы быть доставленным к судье или иному должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции, и имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

В соответствии с выводами Европейского суда, сделанными в решении по делу *Brogan*, «незамедлительно» в применении к данному пункту означает не более четырех дней. Общий срок задержания по российскому уголовно-процессуальному законодательству составляет 48 часов, и данное положение соответствует Конвенции. Однако необходимо учитывать предусмотренную законодательством возможность его продления на 72 часа для представления обвинителем дополнительных доказательств обоснованности задержания²⁵. Исходя из такого положения, можно предположить, что срок пять суток не соответствует требованиям Конвенции.

В деле *Kalashnikov v. Russia*²⁶, рассмотренном Европейским судом в 2002 г., заявитель жаловался на то, что длительность содержания под стражей до суда не соответствовала положениям части 3 статьи 5 Конвенции. Правительство в своих предварительных возражениях указывало, что жалоба заявителя должна быть рассмотрена в свете оговорки Российской Федерации (оговорка относится как к периоду предварительного расследования, так и к судебному процессу). Правительство ссылалось на текст оговорки и содержание статей Уголовно-процессуального кодекса, указанных в ней. В частности, в соответствии с оговоркой статьи 11, 89, 92 и 101 Кодекса позволяют судам применять меры предварительного заключения до вынесения судебного решения. Заявитель же указывал, что российские оговорки неприменимы в настоящем деле, поскольку оговорка не касается

²⁵ См. пункт 3 части 6 статьи 108 Уголовно-процессуального кодекса РФ.

²⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kalashnikov v. Russia* от 15 июля 2002 г. Перевод на русский язык см. на сайте ОО «Сутяжник» <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/kalashnikov.htm>

длительности заключения самого по себе. Было также указано, что целью оговорки является сохранение полномочий прокурора санкционировать применение мер пресечения в виде заключения под стражу и полномочия продлять это заключение, когда необходимо.

Европейский суд указал, что оговорка ограничена исключением из сферы действия части 3 статьи 5 Конвенции временным применением определенных положений Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, указанных в тексте оговорки и касающихся процедуры ареста, заключения под стражу лиц, подозреваемых и обвиняемых в совершении преступления. Положения устанавливают условия и случаи применения мер пресечения, включая заключение под стражу, и список лиц, которые могут принимать решения о применении таких мер. Суд отметил, что оговорка содержит статью 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, согласно которой лицо может быть заключено под стражу до 18 месяцев в течение следствия по уголовному делу с санкции прокурора. Несмотря на ссылку относительно сроков задержания на стадии предварительного следствия, Суд признает, что оговорка касается процедуры применения меры пресечения в виде заключения под стражу, в то время как жалоба заявителя относится к длительности задержания, а не оспаривает его обоснованность. В связи с этим Суд пришел к выводу, что оговорка неприменима в данном деле.

Суд напомнил, что в данном деле при определении длительности задержания по части 3 статьи 5 Конвенции период, который должен приниматься во внимание, начинается с даты, когда обвиняемый был взят под стражу, и заканчивается днем, когда лицо было признано виновным, хотя бы только судом первой инстанции (см. решение по делу *Wemhoff v. Germany* от 27 июня 1968. Сер. А. № 7, р. 23, п. 9 и *Labita v. Italy*). Таким образом, в данном деле задержание началось 29 июня 1995 г. и закончилось 3 августа 1999 г., когда лицо было осуждено Магаданским городским судом.

Далее Суд рассматривал вопрос обоснованности содержания под стражей в течение данного периода. Заявитель считал, что его дело не было особенно сложным, как это утверждал Магаданский городской суд 15 марта 1999 г. 3 из 9 томов материалов уголовного дела состояли полностью из его жалоб в различные инстанции. Следствие по делу включало допрос 29 свидетелей, и в деле фигурировало 2 гражданских истца. Длительность его заключения была также обусловлена ненадлежащими действиями следствия, их попытками увеличить

количество пунктов обвинения и отсутствием необходимого контроля за следствием со стороны контролирующих органов.

Суд, рассматривая вопрос обоснованности содержания под стражей, руководствовался следующими принципами. Продление заключения может быть оправдано в данном деле, только если были определенные элементы общественного интереса, которые, несмотря на презумпцию невиновности, превосходят принцип свободы личности, предусмотренный статьей 5 Конвенции (см. дело *Kudla v. Poland*). В первую очередь национальные власти должны следить за тем, чтобы длительность предварительного следствия не превышала обоснованного и разумного периода. К концу предварительного следствия они должны, уделяя должное внимание принципу презумпции невиновности, исследовать все факты за и против наличия указанного общественного интереса и положить их в основу решений по жалобам об освобождении из-под стражи. Основываясь на причинах, приведенных властями в решениях по жалобам, и достаточно хорошо доказанных документально утверждениях заявителя, Суд должен был решить вопрос, имело ли место нарушение части 3 статьи 5. Убеждение в обоснованности подозрения, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является неперенным условием для законности длительного содержания под стражей, но по прошествии определенного периода времени оно перестает иметь решающее значение. Суд тогда должен установить, есть ли другие основания, представленные властями, оправдывающие длительность заключения. Там, где такие основания являются надлежащими и существенными, Суд также может быть удовлетворен тем, что национальные власти демонстрировали «особую осмотрительность, осторожность» в проведении следствия. Сложность и специфика следствия — это факторы, которые должны приниматься во внимание (см., например, решение по делу *Scott v. Spain* от 18 декабря 1996 г. и *I. A. v. France* от 23 сентября 1998).

В рассматриваемом деле в период, относящийся к юрисдикции Европейского суда по правам человека, Магаданский суд, отказываясь освободить заявителя из-под стражи, указывал в качестве основания тяжесть обвинения, предъявленного заявителю, и опасность того, что он может помешать установлению истины по делу. Суд установил, что аналогичные обстоятельства указывались городским судом и ранее — 27 декабря 1996 г. и 8 августа 1997 г. — для обоснования продления нахождения заявителя под стражей (см. пункты 43 и

46 выше). Суд далее отмечает, что основной причиной, по которой заявитель был заключен под стражу, было то, что он препятствовал следствию в установлении истины по делу, отказываясь предоставить банковские документы, необходимые следствию, оказывал давление на свидетелей и предположительно фальсифицировал доказательства. При принятии решения об отказе в освобождении из-под стражи учитывалась и тяжесть преступления.

Суд также указал, что наличие обоснованного подозрения об участии лица в преступлении хотя и может рассматриваться как надлежащий критерий, но само по себе не может быть основанием длительного заключения под стражу (см., например, дело *Scott v. Spain*). Относительно другого основания заключения под стражу, по которому Магаданский городской суд продлил срок содержания под стражей — опасность препятствования установлению истины по делу со стороны заявителя, — Суд отмечает, что в отличие от постановления о заключении под стражу от 29 июня 1995 г. городской суд не назвал никаких фактических обстоятельств, подтверждающих эти выводы, которые были аналогичны сделанным в 1996, 1997 и 1999 гг. В этих постановлениях суда нет никаких ссылок на факты, способные доказать, что эта опасность основывалась на действительных обстоятельствах, имевших место в тот период. Суд принимает аргумент, что препятствование следствию наряду с подозрением в совершении преступления, которое ему вменялось, могло на первоначальном этапе быть основанием для содержания под стражей. Однако по ходу процесса и завершению собирания доказательств такое основание неизбежно стало менее обоснованным. Таким образом, Суд находит, что основания, по которым властные органы считали содержание заявителя под стражей необходимым, хотя и было обоснованным и существенным на первоначальном этапе, со временем потеряло свое значение²⁷. На этом основании Судом было признано нарушение части 3 статьи 5 Конвенции.

²⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kalashnikov v. Russia* от 15 июля 2002 г., пункты 104–118.

**2.10. Часть 4 статьи 5 Конвенции:
право на безотлагательное рассмотрение судом
правомерности заключения под стражу и на освобождение,
если заключение под стражу признано судом незаконным**

Статья 46 Конституции РФ, гарантирующая каждому право на защиту, устанавливает право каждого на обжалование в суд действий и решений органов государственной власти и должностных лиц.

Статья 19 Уголовно-процессуального кодекса РФ предусматривает, что действия (бездействия) и решения суда, прокурора, следователя, органа дознания и дознавателя могут быть обжалованы в порядке, установленном настоящим Кодексом.

Порядок обжалования незаконных действий и решений предусмотрен статьями 123–127 Уголовно-процессуального кодекса РФ. Таким образом, жалоба может быть подана как на постановление об избрании меры пресечения в виде заключения под стражу, так и на постановление о продлении сроков содержания под стражей.

Ранее действующие статьи 220(1) и 220(2) Уголовно-процессуального кодекса РСФСР²⁸, определявшие порядок обжалования, были предметом рассмотрения Конституционного суда РФ. Конституционный суд признал неконституционным положение статьи 220(1) УПК РСФСР, которое ограничивало круг лиц, имеющих право на судебное обжалование постановления о применении к ним в качестве меры пресечения заключения под стражу только лицами, содержащимися под стражей, и положение статьи 220(2) УПК РСФСР о проверке законности и обоснованности применения заключения под стражу судом только по месту содержания лица под стражей. Конституционный суд установил, что «...различия в фактическом положении лиц, которые только должны быть арестованы или уже подвергнуты предварительному заключению, не могут влиять на решение вопроса об их праве требовать и обязанности суда проверять законность их постановления об аресте».

Одной из важнейших гарантий, соответствующих требованиям части 4 статьи 5 Конвенции, является право быть выслушанным в суде лично. В соответствии с частью 3 статьи 125 УПК РФ судья проверяет законность и обоснованность действий (бездействия) и решений дознавателя, следователя, прокурора не позднее чем через пять

²⁸ См. Уголовно-процессуальный кодекс РСФСР от 27 октября 1960 г. Первоначальный текст опубликован в издании «Свод законов РСФСР» (Т. 8. С. 613).

суток со дня поступления жалобы в судебном заседании с участием заявителя и его защитника, законного представителя или представителя. Срок рассмотрения жалобы, обозначенный в части 4 Конвенции как безотлагательный, также является процессуальной гарантией проверки правомерности заключения. Если ранее в УПК РСФСР фигурировал срок направления жалобы лица, содержащегося под стражей 24 часа, то сейчас статья 126 УПК РФ устанавливает требование немедленного направления жалобы администрацией места содержания под стражей, что предполагает более категоричное требование, нежели требование ее направления в течение 24 часов. Между тем практика показывает, что установленные законом сроки зачастую не соблюдаются, что является безусловным нарушением «процедурного» элемента законности по статье 5.

**2.11. Часть 5 статьи 5 Конвенции: каждый, кто стал жертвой
ареста или заключения под стражу в нарушение положений
настоящей статьи, имеет право на компенсацию**

Статья 53 Конституции РФ предусматривает, что каждый имеет право на возмещение государством вреда, причиненного незаконными действиями (или бездействием) органов государственной власти или их должностных лиц.

В соответствии с частью 4 статьи 11 Уголовно-процессуального кодекса РФ вред, причиненный лицу в результате нарушения его прав и свобод судом, а также должностными лицами, осуществляющими уголовное преследование, подлежит возмещению по основаниям и в порядке, которые установлены настоящим Кодексом.

Глава 18 Уголовно-процессуального кодекса РФ «Реабилитация» предусматривает право на компенсацию причиненного вреда. Данное право включает право на возмещение имущественного вреда, устранение последствий морального вреда и восстановление в трудовых, пенсионных, жилищных и иных правах.

Статья 1070 Гражданского кодекса РФ²⁹ предусматривает право физических и юридических лиц на возмещение вреда, причиненного гражданину в результате незаконного осуждения, незаконного при-

²⁹ См. Гражданский кодекс Российской Федерации. Часть вторая. № 14-ФЗ от 26 января 1996 г. (в ред. от 30 декабря 2004 г.). Первоначальный текст опубликован в издании «Собрание законодательства РФ» (1996. 29 янв. № 5. Ст. 410).

влечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного взыскания в виде ареста, в полном объеме независимо от вины должностных лиц органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда в порядке, установленном законом, а также за причинение вреда в результате незаконной деятельности этих органов, не повлекшей указанных последствий.

Компенсация морального вреда в соответствии со статьей 1100 Гражданского кодекса РФ предусмотрена независимо от вины причинителя вреда в случае, когда вред причинен гражданину в результате его незаконного осуждения, незаконного привлечения к уголовной ответственности, незаконного применения в качестве меры пресечения заключения под стражу, незаконного наложения административного ареста.

Порядок возмещения вреда регулируется Положением о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда³⁰.

Несмотря на то, что вопрос о размере присуждаемой компенсации находится в юрисдикции национального суда, приходится констатировать, что зачастую суммы, присуждаемые российскими судами, столь ничтожны, что ставятся под сомнение их компенсационная функция и выполнение требований части 5 статьи 5.

Рассматривая вопрос соответствия российского законодательства в части возможности компенсации жертвам нарушения статьи 5, необходимо заметить, что в России законом не урегулирован вопрос о компенсации ущерба лицам, незаконно помещенным в психиатрический стационар в недобровольном порядке. Представляется, что данный пробел мог бы быть восполнен путем прямого применения части 5 статьи 5 Конвенции национальными судами, поскольку аналогичной нормы российское законодательство не содержит, а неприменение международной нормы в этом случае существенно ущемило бы гарантии лица, лишеного свободы, предусмотренные Конвенцией.

³⁰ См. Положение о порядке возмещения ущерба, причиненного гражданину незаконными действиями органов дознания, предварительного следствия, прокуратуры и суда. Утверждено Указом Президиума Верховного Совета СССР от 18 мая 1981 г. Опубликовано в издании «Свод законов СССР». Т. 2. Ст. 60.

Глава 3

Принудительная госпитализация душевнобольных в Российской Федерации в соответствии со статьей 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

*Антон Леонидович Бурков**

В данной главе рассматриваются некоторые вопросы, возникающие в связи с заключением под стражу душевнобольных в Российской Федерации¹. Затрагиваются существующие проблемы соответствия российской практики и законодательства о применении принудительной госпитализации практике Европейского суда по правам человека, основывающейся на статьях 5(1) «е» и 5(4) Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод. С этой целью дается анализ регулирования прав душевнобольных в Российской Федерации, а также соответствующих положений Конвенции. Исходя из этого делается вывод о соответствии российской практики и законодательства принципам, изложенным в Конвенции.

В главе не анализируются вопросы прав душевнобольных, такие, как условия заключения или лечения, право на семейную жизнь и др., которые находятся за пределами статьи 5 Конвенции; Суд постоянен в своей практике, указывая, что статья 5(1) «е» в принципе не касается вопросов надлежащего обращения и условий содержания душевно-

* Антон Леонидович Бурков — юрист, координатор программ Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека общественного объединения «Сутяжник», магистр международного права (Эссекский Университет, Великобритания). Автор благодарен профессору Франсуас Хампсон и профессору Кевину Бойлу за оказанную помощь и ценные комментарии к работе.

¹ Сразу необходимо оговориться относительно применяемой терминологии. Как аналогичные используются словосочетание «заключение под стражу», употребляемое в статье 5(1) «е» Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод, словосочетание «принудительная госпитализация», употребляемого в главе 35 Гражданского процессуального кодекса РФ, и словосочетание «госпитализация в недобровольном порядке», употребляемое в Федеральном законе «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

нобольных², которые могут возникать, но только не в связи с нарушением статьи 5 Конвенции. Все иные вопросы, кроме вопросов заключения под стражу, не подпадают под сферу действия статьи 5 и должны рассматриваться отдельно.

3.1. Заключение под стражу душевнобольных в соответствии со статьей 5 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод

Критерии законности

Регулируя порядок заключения под стражу душевнобольных, статья 5(1) «е» Конвенции устанавливает следующее: «1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и порядке, установленном законом: (е)...законное заключение под стражу душевнобольных...»

Заключение под стражу душевнобольного является одним из пунктов исчерпывающего списка оснований заключения под стражу, закрепленных в статье 5 Конвенции. Статья 5 устанавливает, что заключение под стражу должно быть «законным» и совершаться «в порядке, установленном законом». В деле *Winterwerp v. Netherlands* термин «законность» понимается как соответствие требованиям национального законодательства, а также ограничениям, установленным в статье 5(1) «е» Конвенции³. В данном деле Суд также разграничивает «процессуальную» и «материальную» законность⁴. Процессуальная составляющая понятия «законность» пересекается с требованием к совершению заключения под стражу «в порядке, установленном в законе»⁵. Материальный компонент состоит в доказывании того факта, что заключенный является душевнобольным лицом и что имеются основания к его помещению в лечебное учреждение в недобровольном порядке.

² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands* от 24 октября 1979 г., Series A. № 33, § 51; по делу *Ashingdane v. UK* от 28 мая 1985 г., Series A. № 93, § 44.

³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, § 39.

⁴ См. там же.

⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, § 39.

Материальная составляющая понятия «законность». С целью установления «материальной законности» заключения под стражу душевнобольных Суд в деле *Winterwerp* установил так называемый «метод тройного теста» («the triple-test approach»)⁶. Согласно правовому принципу, установленному в данном деле, заключение под стражу может быть признано законным только в случае удовлетворительного ответа на все пункты теста. В деле *Johnson v. UK* данный тест был истолкован следующим образом. Лицо не может быть лишено свободы при отсутствии следующих трех условий: во-первых, оно должно быть объективно признано душевнобольным; во-вторых, психические отклонения должны быть такого характера и такой степени, которые оправдывают принудительное заключение под стражу; в-третьих, правомерность длительного заключения зависит от продолжительности психических отклонений⁷. Данный тест был разбит в последующей практике Суда.

«Лицо должно быть объективно признано душевнобольным». В деле *Winterwerp* было установлено, что определение понятия «душевнобольные» не закреплено в Конвенции. Более того, данному понятию вообще не может быть дано четкое определение⁸. Тем не менее суд установил, что «в любом случае статья 5(1) “е”, очевидно, не может рассматриваться как разрешение содержания под стражей лица только потому, что его взгляды или поведение не соответствуют нормам, преобладающим в данном обществе»⁹. Например, в одном из последних дел по статье 5(1) «е» *Rakevich v. Russia* Суд подчеркнул, что эмоциональное чтение Библии в течение ночи само по себе не является свидетельством того, что лицо нуждается в неотложной психиатрической помощи¹⁰. В связи с этим Суд указал, что единственным средством установления психиатрического расстройства явля-

⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, § 39.

⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Johnson v. UK* от 24 октября 1997 г., Reports 1997-VII, параграф 60.

⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 37.

⁹ Там же.

¹⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*, № 58973/00 от 28 октября 2003 г., параграф 29. Перевод на русский язык см. в прил. 2.

ется «объективная медицинская экспертиза»¹¹. При наличии убедительных оснований Суд может усомниться в объективности и достоверности медицинского заключения¹². В случае чрезвычайных обстоятельств медицинской экспертизы не требуется¹³. Однако при чрезвычайных обстоятельствах заключение под стражу будет соответствовать требованиям статьи 5(1) «е» только в том случае, если медицинское освидетельствование проводится непосредственно после заключения под стражу¹⁴.

«Психическое расстройство должно быть такого характера и такой степени, которые оправдывают принудительную госпитализацию». Сам факт наличия психического заболевания не должен безальтернативно приводить к заключению больного лица. Обязательно присутствие факта, удовлетворяющего требованиям второго условия теста. В области определения степени психического расстройства должны признаваться «определенная степень свободы усмотрения национальных органов власти, поскольку именно они прежде всего должны оценить приводимые в каждом конкретном случае доказательства; задачей Суда является рассмотрение решений этих властей в свете Конвенции»¹⁵. Предоставив государственным органам довольно широкое право усмотрения, Суд в деле *Litwa v. Poland* постановил, что применение заключения под стражу как очень серьезной меры может быть оправданным только в том случае, если при этом рассматривалась возможность применения других, менее строгих мер и они были признаны недостаточными для защиты частного или публичного интереса¹⁶. Иными словами, заключение должно быть абсолютно необходимым. Это условие является другим фундаментальным элементом понятия «законности» заключения под стражу, как оно понимается в ста-

¹¹ Решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 39.

¹² См. там же, параграф 42.

¹³ См. там же, параграф 39.

¹⁴ См.: *Ovey C., White R.* The European Convention on Human Rights. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 125. Это заключение может быть сделано, исходя из мотивировочной части решения по делу *Varbanov v. Bulgaria* от 5 октября 2000 г., Reports of Judgments and Decisions 2000-X, параграф 48.

¹⁵ Решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 40.

¹⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Litwa v. Poland* от 4 марта 2000 г., Reports of Judgments and Decisions 2000-III, параграф 78.

тье 5(1) «е» Конвенции, который называется обоснованностью заключения¹⁷.

Правомерность длительного заключения зависит от продолжительности психических отклонений. В деле *Johnson* Суд выразил мнение, что «из заключения эксперта о том, что психическое отклонение, которое было основанием заключения больного в психиатрическую больницу, более не проявляется, автоматически не следует, что последний должен быть немедленно и безусловно освобожден»¹⁸. Суд также признал, что «ответственное лицо вправе в свете всех относящихся к делу обстоятельств и затрагиваемых интересов осуществлять аналогичную свободу усмотрения при решении вопроса о правомерности немедленного и абсолютного освобождения лица, которое более не страдает психическим расстройством, приведшим к заключению»¹⁹. Тем не менее лицо, уполномоченное применять задержание, является ответственным за размещение бывшего пациента в так называемом общежитии для недавно освобожденных, в случае если бывший пациент был освобожден с определенными условиями²⁰. Невыполнение данного требования будет являться нарушением статьи 5(1) «е», что более подробно будет рассмотрено ниже.

Что касается границ применения статьи 5(1) «е», то в деле *Winterwerp* Суд постановил, что по смыслу статьи 5(1) «е» принцип законности заключения под стражу распространяется как в отношении санкционирования, так и в отношении применения меры лишения свободы²¹. Этот принцип был далее разъяснен Судом: «право душевнобольного на лечение, соответствующее его состоянию, само по себе не следует из статьи 5(1) “е”»²². Тем не менее в деле *Ashingdane* Суд признал, что существует «определенная связь между основанием допущенного ограничения свободы и местом, а также условиями со-

¹⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Varbanov v. Bulgaria* от 5 октября 2000 г., Reports of Judgments and Decisions 2000-X, параграф 46.

¹⁸ Решение Европейского суда по правам человека по делу *Johnson v. UK*, параграф 61.

¹⁹ Там же, параграф 63.

²⁰ См. там же, параграф 66.

²¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 39.

²² Там же, параграф 51.

держания под стражей. В принципе заключение лица, страдающего психическим расстройством, будет законным по смыслу статьи 5(1) «е» только в том случае, если оно было исполнено в больнице, клинике или ином учреждении, предназначенном для этой цели»²³.

Процессуальная составляющая понятия «законность». Не менее важным требованием законности принудительной госпитализации является процессуальная составляющая понятия «законность». Соблюдение процессуальной законности заключения под стражу возможно только при соблюдении следующих правил.

Закон государства должен быть сформулирован с достаточной степенью точности²⁴. Так, в двух делах, касающихся болгарских граждан, где принудительная госпитализация была санкционирована прокурором, Суд установил, что национальное законодательство об ограничении свободы не соответствовало требованиям Конвенции, так как оно не содержало каких-либо норм, наделяющих прокуроров полномочиями заключения лиц в психиатрическую больницу с целью прохождения психиатрической экспертизы²⁵.

Ответственное за задержание лицо должно соблюдать внутреннее законодательство. В деле *Rakevich v. Russia* суд нашел нарушение статьи 5(1) «е»: национальному суду потребовалось 39 дней на рассмотрение заявления больницы о санкционировании заключения вместо пяти дней, установленных законом²⁶. В деле *Tkacik v. Slovakia* Суд усмотрел нарушение закона, устанавливавшего несколько процессуальных требований и гарантий, целью которых было защитить граждан от произвольного заключения²⁷.

²³ Решение Европейского суда по правам человека по делу *Ashingdane v. UK*, параграф 44; по делу *Aerts v. Belgium* от 30 июля 1998 г., Reports 1998-V, параграф 46.

²⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Sunday Times v. UK* от 26 марта 1979 г., Series A. № 30, параграф 49.

²⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Varbanov v. Bulgaria*, параграфы 15, 50–53; по делу *Kepenerov v. Bulgaria*, № 39269/98 от 31 июля 2003 г., параграф 33.

²⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*, параграф 35.

²⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Tkacik v. Slovakia*, № 42472/98 от 14 октября 2003 г., параграф 34.

Судебный контроль за заключением под стражу душевнобольных лиц. Статья 5(4) Конвенции устанавливает следующее: «Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомочности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

Прежде чем начать исследование прецедентного права по статье 5(4) Конвенции, очень важно сказать несколько слов о так называемом «правило инкорпорации» («incorporation rule»)»²⁸, поскольку данный феномен существует и в российском законодательстве.

Порядок заключения под стражу в разных странах не одинаков, он зависит от процедуры, закрепленной в национальном законодательстве. В некоторых правовых системах процедура заключения под стражу считается юридически завершённой, когда выдан приказ о заключении, подписанный административным органом власти, например министром внутренних дел в Великобритании²⁹. В других странах решение о заключении принимается судом.

В качестве примеров могут служить такие страны, как Нидерланды³⁰ и Российская Федерация³¹. В последнем случае судебный контроль уже «инкорпорирован» в решение о принудительной госпитализации, что создает важную особенность: «По делам, где решение о лишении свободы принимается административным органом... статья 5 § 4 обязывает Высокие Договаривающиеся Стороны предоставлять заключенному лицу право на обращение в суд; но в статье нет ничего, что указывало бы на то, что такое же правило применяется, когда решение о заключении под стражу принимается судом в результате судебного разбирательства. В таком случае судебный контроль, необходимый в соответствии со статьей 5 § 4, уже имел место при принятии решения о госпитализации»³².

²⁸ См.: *Harris D. J., O'Boyle M., Warbrick C. Law of the European Convention on Human Rights*. L.; Dublin; Edinburgh: Butterworths, 1995. P. 151.

²⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Ashingdane v. UK*, параграфы 13, 26–29; по делу *X v. UK* от 5 ноября 1981 г., Series A. № 46, параграфы 13–14.

³⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 13.

³¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*, параграф 15.

³² Решение Европейского суда по правам человека по делу *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium* от 18 ноября 1970 г., Series A. № 12, параграф 76.

Правило инкорпорации влечет два юридических последствия. Во-первых, в тех правовых системах, где решение о заключении под стражу принимается судом, душевнобольной не имеет права на повторный судебный контроль за законностью решения о госпитализации, за исключением права на пересмотр судебного решения о госпитализации во второй судебной инстанции. Правило инкорпорации означает также определенное совпадение между гарантиями нормы статьи 5(4), которая предписывает осуществление судебного контроля, и правила статьи 5(1) «е», в соответствии с которым «порядок, установленный в законе», в зависимости от правовой системы государства может включать первоначальное решение суда о санкционировании заключения лица под стражу.

Прецедентное право Суда содержит ответы на три основных вопроса, которые встают при квалификации действий на соответствие статье 5(4) Конвенции: 1) что контролировать (предмет контроля), 2) кто и как должен контролировать (субъект и способ контроля) и 3) когда (время контроля).

Предмет контроля. Объем судебного контроля был установлен в деле *X v. UK*³³. Статья 5(4) Конвенции не предоставляет право судебного контроля такого объема, которое бы распространялось на все аспекты дела, включая вопросы исключительно безотлагательности отправления правосудия, что подменяло бы право усмотрения самого органа, принимающего решение. Контроль должен быть такого объема, которого было бы достаточно для оценки соблюдения тех гарантий, которые являются существенными для установления законности в соответствии со статьей 5(1)³⁴. Что касается дел о заключении душевнобольных, то «суд, осуществляющий контроль, должен проверить законность заключения под стражу на соответствие критериям, установленным в деле *Winterwerp*»³⁵. Поэтому должна существовать возможность оспорить заключение по процессуальным и материальным основаниям.

В условиях чрезвычайных обстоятельств, когда принудительная госпитализация допускается до получения заключения медицинской

экспертизы, объем судебного контроля будет значительно сужен в связи с тем, что лицо, ответственное за принудительную госпитализацию, должно обладать более широким правом усмотрения³⁶.

Субъект и способ контроля. Здесь прецедентное право дает нам возможность интерпретации значения понятия «суд». Существует несколько признаков органа, который может быть признан судебным.

1. В деле *X. v. UK* закреплено, что в статье 5(4) слово «суд» не должно в обязательном порядке пониматься как судебный орган в его классическом значении, закрепленном в судебной системе страны³⁷.

2. «Суд» должен обладать полномочиями (не правом давать исключительно рекомендации) на принятие решения относительно 1) законности принудительной госпитализации и 2) освобождения душевнобольного, если его заключение является незаконным³⁸.

3. Орган может считаться судебным только в том случае, если он обладает общими фундаментальными характеристиками судебного органа, такими, как 1) независимость от исполнительной власти, а также от сторон процесса; 2) гарантии судебного порядка разрешения спора, соответствующие виду лишения свободы в конкретном случае³⁹.

В прецедентном праве Европейского суда установлено несколько правил относительно гарантий судопроизводства.

1. Судопроизводство в соответствии со статьей 5(4) не обязательно должно обладать теми же признаками и предоставлять те же процессуальные гарантии, которые предусмотрены статьей 6(1) Конвенции для уголовных или гражданских дел⁴⁰. «Оно должно обладать судебными характеристиками и предоставлять гарантии, соответствующие виду лишения свободы в конкретном случае»⁴¹.

³⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *X v. UK*, параграф 58.

³⁷ См. там же, параграф 53; Решение Европейского суда по правам человека по делу *Weeks v. UK* от 2 марта 1987 г., Series A. № 114, параграф 61.

³⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Weeks v. UK*, параграф 61.

³⁹ См. там же.

⁴⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 60; по делу *Megyeri v. Germany* от 12 мая 1992 г., Series A. № 237-A, параграф 22.

⁴¹ См. Решение Европейского суда по правам человека по делу *Niedbala v. Poland*, № 27915/95, от 4 июля 2000 г., параграф 66.

³³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *X v. UK*.

³⁴ См. там же, параграф 58; решение Европейского суда по правам человека по делу *E v. Norway* от 29 августа 1990 г., Series A. № 181-A, параграф 50.

³⁵ *Ovey C., White R.* The European Convention on Human Rights. P. 133.

2. Право по собственной инициативе возбуждать дело об оспаривании принудительной госпитализации является главной гарантией статьи 5(4) Конвенции⁴². Закрепленное только за лечебным учреждением или органом государственной власти право на обращение в суд не является достаточным для соблюдения гарантии судебного контроля⁴³.

3. Судопроизводство должно обладать состязательным характером. Поэтому должен соблюдаться принцип равенства сторон⁴⁴. Данный принцип требует соблюдения нескольких гарантий. Во-первых, должно проводиться судебное заседание. Заявитель имеет право участия в судебном заседании⁴⁵, следовательно, должен быть надлежаще извещен о предстоящем слушании. В такого рода делах равенство сторон может быть гарантировано при условии проведения публичного слушания при участии заявителя лично или через представителя. В соответствии с принципом, изложенным в деле *Winterwerp*, «специальные процессуальные гарантии могут быть предоставлены с целью защиты интересов лиц, которые в связи с их болезненным состоянием не в полной мере способны выступать в защиту самих себя»⁴⁶. Более того, в некоторых случаях с тем, чтобы гарантировать соблюдение принципа равенства сторон, необходимо предоставить заявителю право предстать перед судом одновременно с прокурором, чтобы первый имел возможность возразить на аргументы последнего⁴⁷. Отсутствие возможности представить аргументы устно или письменно, лично или через представителя влечет нарушение статьи 5(4) Конвенции⁴⁸. Право на ознакомление с документами, представленными противной стороной по делу, является гарантией первостепенной

⁴² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Weeks v. UK*, параграф 65; по делу *Musial v. Poland* от 25 марта 1999 г., Reports of Judgments and Decisions 1999-II, параграф 43.

⁴³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*, параграф 43.

⁴⁴ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Nikolova v. Bulgaria* от 25 марта 1999 г., Reports of Judgments and Decisions 1999-II, параграф 59; по делу *Niedbala v. Poland*, параграф 66.

⁴⁵ Примером может служить дело *Van der Leer v. Netherlands*.

⁴⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 60.

⁴⁷ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Kampanis v. Greece* от 13 июля 1995 г., Series A. № 318-B, параграф 58.

⁴⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Sanchez-Reisse v. Switzerland* от 21 октября 1986 г., Series A., № 107, параграф 51.

важности, поскольку несоблюдение данного требования ведет к невозможности участия в слушаниях, что влечет нарушение статьи 5(4)⁴⁹.

Время осуществления судебного контроля. Во-первых, заявитель имеет право на обращение в суд с заявлением об оспаривании законности принудительной госпитализации во время первоначального заключения под стражу и впоследствии с определенной периодичностью по мере возникновения новых фактов⁵⁰. В судебной практике отсутствуют исчерпывающие критерии оценки длительности судебного разбирательства. Вопрос о своевременности рассмотрения дела решается в каждом конкретном случае в зависимости от обстоятельств дела⁵¹. Право заявителя на последующий судебный контроль является особенно важным в делах о принудительной госпитализации в связи с тем, что причины, «которые вначале оправдывали принудительное содержание, могут прекратить существование... Следовательно, толкование пункта 4 статьи 5 как исключаящего возможность проверки законности содержания под стражей только на том основании, что первоначальное решение уже принималось судом, противоречило бы целям и задачам статьи 5»⁵². Другими словами, возможное выздоровление пациента предполагает необходимость дополнительной судебной проверки соответствия состояния больного принципам принудительной госпитализации, проводимой и после первоначальной госпитализации.

Объем словосочетания «безотлагательное рассмотрение судом» может быть определен только в свете общих требований к судопроизводству. В объем данного словосочетания также включают ведение судебного разбирательства без спешки, внимательно и учитывая все возможные детали⁵³. В случае отсутствия последних трех моментов можно констатировать нарушение статьи 5(4) Конвенции в связи с несоблюдением требований, предъявляемых к судопроизводству.

⁴⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Weeks v. UK*, параграф 66.

⁵⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Varbanov v. Bulgaria*, параграфы 43–53; по делу *Hutchison Reid v. UK*, № 50272/99 от 20 февраля 2003 г., параграф 65.

⁵¹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Sanchez-Reisse v. Switzerland*, параграф 55; по делу *Hutchison Reid v. UK*, параграф 65.

⁵² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 55.

⁵³ См. *Ovey C., White R.* The European Convention on Human Rights. P. 135.

3.2. Принудительная госпитализация душевнобольных лиц в правовой системе Российской Федерации

Данный раздел состоит из двух частей: 1) вопросы законодательства и 2) вопросы практики. Такое деление на части, вместо деления, принятого в предыдущем разделе статьи, было использовано по причине существующего в соответствии с Федеральным законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании»⁵⁴ (далее — Закон) правила инкорпорации, обязательности прохождения судебного контроля решения о госпитализации для соблюдения порядка принудительной госпитализации. Таким образом, будет логично в одном разделе рассмотреть соответствие европейским стандартам судебного контроля и процедуры принудительной госпитализации (так как последняя включает в себя осуществление судебного контроля), а раздел разбить на части, посвященные законодательству и практике его применения.

Законодательство

Итак, рассмотрев принципы принудительной госпитализации, закрепленные в Конвенции, перейдем к анализу соответствующего законодательства и практики, существующих в российской правовой системе. Порядок осуществления принудительной госпитализации закреплен в Федеральном законе «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании».

Необходимо отметить, что Закон устанавливает материальные и процессуальные критерии законности принудительной госпитализации, которые соотносятся с критериями, установленными в Конвенции, точнее в прецедентном праве Европейского суда⁵⁵.

Материальные критерии законности. Статья 29 в совокупности с частью 4 статьи 23 Закона устанавливает основания принудительной госпитализации в психиатрическую больницу. Лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в психиатрический стационар без его согласия или без согласия его законного представителя до постановления судьи если:

⁵⁴ См. Ведомости СНД и ВС РФ. 1992. 20 авг. № 33. Ст. 1913.

⁵⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 39.

1) есть данные о совершении лицом действий, дающих основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства;

2) тяжелое психическое расстройство обуславливает непосредственную опасность самого лица, или окружающих его лиц, беспомощность (неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности) или если существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния может наступить в связи с оставлением лица без психиатрической помощи;

3) обследование лица или лечение возможно только в стационарных условиях.

Присутствие второго вида обстоятельств свидетельствует о наличии чрезвычайной ситуации, которая допускает госпитализацию до получения результатов медицинской экспертизы и решения суда. Таким образом, в соответствии с Законом чрезвычайные обстоятельства есть всегда, когда имеются данные о тяжелом психическом состоянии, что, в свою очередь, соответствует второму критерию теста, установленного в деле *Winterwerp*: психические отклонения должны быть такого характера и такой степени, которые бы оправдывали принудительное заключение под стражу⁵⁶. Официальная медицинская экспертиза по установлению существования психиатрического расстройства и последующее судебное рассмотрение вопроса о законности госпитализации должны быть проведены непосредственно после госпитализации. Характер судебного контроля будет проанализирован ниже.

Закон в части закрепления материальных критериев принудительной госпитализации не противоречит правоположениям, закрепленным в судебной практике Европейского суда, в частности положениям дела *Winterwerp*⁵⁷. Более того, что касается вопроса о достаточной ясности формулировок Закона, закрепляющих основания принудительной госпитализации⁵⁸, то данный вопрос был предметом рассмотрения по делу *Rakevich v. Russia*⁵⁹. Суд не согласился с доводом заявительницы о том, что «Закон “О психиатрической помощи и

⁵⁶ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 39.

⁵⁷ См. там же.

⁵⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Sunday Times v. UK*, параграф 49.

⁵⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*.

гарантиях прав граждан при ее оказании», в частности его положения о недобровольной госпитализации, не отвечает требованиям правовой определенности, вытекающим из Конвенции»⁶⁰.

Процессуальные критерии законности. Закон установил несколько процессуальных действий, которые должны совершать медицинский персонал и суд (статьи 32–35 Закона) непосредственно после госпитализации:

а) лицо, помещенное в психиатрический стационар, подлежит обязательному освидетельствованию в течение 48 часов комиссией врачей-психиатров психиатрического учреждения, которая принимает решение об обоснованности госпитализации;

б) заключение комиссии врачей-психиатров в течение 24 часов направляется в суд по месту нахождения психиатрического учреждения;

в) принимая заявление, судья одновременно дает санкцию на пребывание лица в психиатрическом стационаре на срок, необходимый для рассмотрения заявления в суде;

г) заявление о госпитализации лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке судья рассматривает в течение пяти дней с момента его принятия.

Как следует из данной нормы, в Российской Федерации решение суда является юридически обязательным для осуществления принудительной госпитализации. Закон закрепляет «правило инкорпорации», согласно которому решение суда является составной частью процессуального порядка принудительной госпитализации. Это означает, что норма статьи 5(4) Конвенции становится частично «не востребованной»⁶¹, так как «порядок, установленный в законе», которым обязано руководствоваться любое лицо, осуществляющее заключение под стражу согласно статье 5(1) «е», уже включает в себя вмешательство суда. Поэтому госпитализированное лицо не может требовать предоставления ему права дополнительного судебного контроля, за исключением пересмотра решения суда, санкционирующего госпитализацию, в суде второй инстанции либо последующей про-

⁶⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*, параграф 31.

⁶¹ См.: *Harris D. J., O'Boyle M., Warbrick C.* Law of the European Convention on Human Rights. P. 151; решение Европейского суда по правам человека по делу *De Wilde, Ooms and Versyp v. Belgium*, параграф 76.

верки законности продолжительной госпитализации. При этом требования, предъявляемые к осуществлению судебного контроля, выработанные судебной практикой по статье 5(4) Конвенции, также применяются при осуществлении судебного санкционирования госпитализации.

Статьи 33–35 Закона устанавливают процессуальные правила рассмотрения судом заявления о проведении принудительной госпитализации. Процедура содержит в себе все гарантии для сторон гражданского процесса, так как закон содержит ссылку на Гражданский процессуальный кодекс⁶². Судебное решение является юридически обязательным основанием для проведения (продления) или отказа в проведении (продлении) принудительной госпитализации⁶³.

Лицо, помещенное в психиатрический стационар в недобровольном порядке, в течение первых шести месяцев не реже одного раза в месяц подлежит освидетельствованию комиссией врачей-психиатров психиатрического учреждения для решения вопроса о продлении госпитализации. И только по истечении шести месяцев с момента помещения лица в психиатрический стационар заключение комиссии направляется в суд для решения вопроса о продлении принудительной госпитализации. При продлении госпитализации свыше шести месяцев освидетельствования комиссией врачей-психиатров проводятся не реже одного раза в шесть месяцев. В дальнейшем решение о продлении госпитализации принимается судом ежегодно⁶⁴.

Статьей 34 Закона, главой 35 Гражданского процессуального кодекса пациенту в дополнение к общим процессуальным правам предоставляются дополнительные процессуальные гарантии права на справедливое судебное разбирательство, такие, как обязательное участие прокурора, представителя психиатрического учреждения, ходатайствующего о госпитализации, и представителя лица, в отношении которого решается вопрос о госпитализации. В целом относительно процессуальных правил проведения судебной проверки можно заключить, что Закон соответствует требованиям, предъявляемым процессуальным правом Европейского суда, за исключением двух моментов.

В соответствии со статьей 33(2) Закона заявителем о проверке законности принудительной госпитализации является только админи-

⁶² См. статью 35 Закона.

⁶³ См. статью 35(1) Закона.

⁶⁴ См. статью 36 Закона.

страция психиатрического стационара. Действительно, в соответствии со статьей 47(1) Закона госпитализированное лицо вправе обжаловать в суд действия медицинских работников, иных специалистов, работников социального обеспечения и образования, врачебных комиссий, ущемляющие права и законные интересы госпитализированного лица при оказании ему психиатрической помощи. Но данных гарантий недостаточно. При таких процессуальных правилах госпитализированное лицо является пассивным подзащитным без права оспаривания законности принудительной госпитализации. Непредоставление Законом госпитализированному лицу права на судебное оспаривание законности госпитализации нарушает статью 5(4) Конвенции. Гражданам, госпитализированным принудительно, должно быть предоставлено право самостоятельно оспорить законность госпитализации, независимо от действий администрации психиатрического стационара. Отсутствие данного права в российском законодательстве уже стало предметом проверки в Европейском суде по делу *Rakevich v. Russia* и было признано противоречащим статье 5(4) Конвенции⁶⁵. К сожалению, за исключением выплаты компенсации заявителю, спустя более года после вступления решения Суда в силу Российская Федерация не предприняла «действенных мер для предотвращения новых нарушений Конвенции, подобных нарушениям, выявленным решениями Суда»⁶⁶. Иными словами, Российская Федерация не исполнила решение по делу *Rakevich v. Russia* в части приведения Закона в соответствие с европейскими стандартами права на свободу и личную неприкосновенность.

Второй спорный момент относительно соответствия существующего в России механизма судебного контроля за законностью госпитализации состоит в том, что Закон не предоставляет «эффективную» судебную защиту от незаконной госпитализации. Под словом «эффективность» понимается следующее.

Как уже говорилось выше, в соответствии с российским законодательством дела о принудительной госпитализации рассматриваются

⁶⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*, параграф 46.

⁶⁶ Статья 46 Конвенции, а также Правила применения параграфа 2 статьи 46 Европейской конвенции о правах человека (приняты Комитетом министров Совета Европы 10 января 2001 г. на 736-м заседании заместителей министров): [Электронный ресурс]. Режим доступа: www.sutyajnik.ru/rus/cases/law/rules_for_appl_of_A_46_echr_rus.htm

в порядке гражданского судопроизводства. Следовательно, обязанность доказывания незаконности принудительной госпитализации лежит на госпитализированном лице. Оно должно доказать суду факт отсутствия достаточных оснований для принудительной госпитализации. Конституционный Суд Российской Федерации установил, что дела по заявлениям граждан об оспаривании незаконных административных действий органов публичной власти и их должностных лиц должны рассматриваться в порядке административного судопроизводства⁶⁷. Данное постановление называет общие правила осуществления административного судопроизводства и подчеркивает существующие в статье 118 (пункт 3) Конституции Российской Федерации различия между гражданским, административным и уголовным судопроизводством, «обуславливаемые характером рассматриваемых дел и, следовательно, природой и значимостью применяемых санкций», которые «имеют неодинаковые правовые последствия, в том числе связанные с порядком обжалования судебных постановлений» (пункт 3 мотивировочной части Постановления).

Правовая позиция, изложенная Конституционным Судом, является очень важной для предоставления адекватных гарантий права на свободу и личную неприкосновенность душевнобольных, так как граждане обладают значительно меньшим объемом прав при осуществлении гражданского судопроизводства, чем при осуществлении административного судопроизводства. В административных делах существует «презумпция вины» и юридическая обязанность доказывания обратного лежит на органе публичной власти. Правила административного судопроизводства, которые еще должны быть закреплены в российском праве, предоставляют гражданину дополнительные процессуальные гарантии, тем самым устанавливая баланс правового положения гражданина и властного органа. Гражданское процессуальное право таких гарантий не предоставляет. Таким образом, дела о проверке законности принудительной госпитализации, такие, как дело, ставшее основой для решения *Rakevich v. Russia*, должны рассматриваться в порядке административного судопроизводства.

⁶⁷ См. Постановление Конституционного Суда РФ от 28 мая 1999 г. № 9-П «По делу о проверке конституционности части второй статьи 266 и пункта 3 части первой статьи 267 Кодекса РСФСР об административных правонарушениях в связи с жалобами граждан Е. А. Арбузовой, О. Б. Колегова, А. Д. Кутырева, Р. Т. Насибулина и В. И. Ткачука» // Собрание законодательства РФ. 1999. № 23. Ст. 2890.

Дела об оспаривании законности принудительной госпитализации по своему характеру являются административными, так как администрация психиатрического стационара, госпитализируя лицо, выполняет публичную функцию по защите общественных интересов или интересов госпитализируемого лица. В деле *Rakevich* одним из аргументов заявителя являлось то, что, разрешая дела о законности принудительной госпитализации в соответствии с гражданским процессуальным правом, Российская Федерация не предоставила заявителю судебную защиту, адекватную нарушенному праву, что противоречит статье 5(4) Конвенции. Европейский суд установил принцип, согласно которому права, предоставленные Конвенцией, должны быть эффективными, исполнимыми, а не символическими⁶⁸. Тем не менее в деле *Rakevich* Суд уклонился от рассмотрения данного вопроса, указав на отсутствие необходимости рассматривать проблему о соответствии Конвенции процессуальных правил осуществления судебного контроля, поскольку в деле уже было установлено несоответствие правил судопроизводства основным требованиям статьи 5(4) и 5(1) Конвенции (право инициировать проведение судебного контроля и длительность судебного разбирательства)⁶⁹.

Разрешение существующего несоответствия российского законодательства европейским стандартам требует внесения изменения в соответствующие законы, принятия закона об административном судопроизводстве. Госпитализированное лицо должно получить право на оспаривание решения о проведении принудительной госпитализации в соответствии с правилами административного судопроизводства.

Практика

Вопрос соответствия европейским стандартам принудительной госпитализации в Российской Федерации в большей степени возникает при рассмотрении практики применения Закона. Данная практика является примером грубейшего нарушения прав человека в Российской Федерации. Отметим, что именно вопросу прав психически больных лиц был посвящен первый специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации О. О. Миронова⁷⁰.

⁶⁸ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Airey v. Ireland* от 9 октября 1979 г., Series A. № 32, § 24.

⁶⁹ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*, параграф 47.

ва⁷⁰. Кроме того, с момента ратификации Российской Федерацией Европейской конвенции можно отметить два других важных мероприятия по оценке соответствия Закона Конвенции. Это правозащитное мониторинговое исследование психиатрических стационаров страны, проведенное в мае — июне 2003 г. Московской хельсинкской группой и Независимой психиатрической ассоциацией и сетью региональных правозащитных организаций⁷¹, а также дело *Rakevich v. Russia*⁷². Обстоятельства дела *Rakevich* являются настолько типичными для Российской Федерации⁷³, что факты, описанные в деле, нашли свое отражение в отчете Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации.

Три этих главных события — Специальный доклад Уполномоченного, мониторинг и дело *Rakevich v. Russia* — являются доказательствами, демонстрирующими нарушения прав человека психически больных и даже здоровых лиц.

Начнем со Специального доклада Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации. Все случаи нарушения прав человека психически больных лиц, указанные в нем, могут быть классифицированы на четыре группы в соответствии с требованиями статьи 5(1) «е» Конвенции:

- лицо должно быть объективно признано душевнобольным;
- психическое расстройство должно быть такого характера и такой степени, которые оправдывают принудительную госпитализацию;
- лицо должно содержаться в больнице, стационаре или ином учреждении, предназначенном для этой цели;
- лицо должно быть подвергнуто госпитализации «в порядке, установленном в законе».

⁷⁰ См.: Миронов О. О. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами». Москва, 16 июня 1999 г. Режим доступа: <http://www.ombudsman.gov.ru/docum/sppsix.htm>

⁷¹ См.: Права человека и психиатрия в Российской Федерации: Докл. по результатам мониторинга и темат. ст.: [Электронный ресурс] / [Отв. ред. А. Новикова]. М.: Моск. хельсинк. группа, 2004. С. 166. Режим доступа: <http://www.mhg.ru/publications/38073C9>

⁷² См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*.
⁷³ См.: *Savenko U. Rakevich v. Russia. A landmark case in the European Court of Human Rights has exposed the deep flaws in Russia's psychiatric system, says the head of Russia's Association of Independent Psychiatry. Worse may be to come:* [Электронный ресурс]. Р. 2. Режим доступа: http://www.soros.org/initiatives/mhi/articles_publications/publications/integrating_20031209/mdap_tol_russia.pdf

Лицо должно быть объективно признано душевнобольным. Во-первых, в соответствии со статьей 23(4) и 29 Закона решение о проведении принудительной госпитализации и последующего обследования должно быть основано на данных о совершении лицом действий, дающих основания предполагать наличие у него тяжелого психического расстройства, обуславливающего существование обстоятельств, перечисленных в пунктах «а» — «в» статьи 29:

- а) непосредственная опасность для самого душевнобольного лица, или окружающих его лиц;
- б) беспомощность душевнобольного лица (неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности);
- в) существенный вред здоровью душевнобольного лица вследствие ухудшения психического состояния.

Часто словосочетания «объективно признано», «основание полагать» интерпретируются настолько широко, что решения о госпитализации принимаются на основании информации, полученной по телефону. В Специальном докладе приводится пример, где сотрудник милиции с помощью своих коллег, выбив дверь соседа и надев на него наручники, доставил его к врачу психиатрической клиники на том лишь основании, что у них сложились неприязненные отношения. Врач, не проверив все имеющиеся факты, поставил диагноз: шизофрения⁷⁴.

В данном случае тот факт, что лицо было освидетельствовано не комиссией врачей, а одним доктором, противоречит положению, закрепленному в решении по делу *Winterwerp*, о том, что лицо должно быть объективно признано душевнобольным⁷⁵. Статья 32(1) Закона четко устанавливает, что госпитализированное лицо подлежит освидетельствованию комиссией врачей-психиатров психиатрического учреждения, иначе заключение экспертизы не будет обладать юридической силой, не может быть признано имеющим объективный характер и не может служить основанием для принудительной госпитализации.

⁷⁴ См.: Миронов О. О. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами».

⁷⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Winterwerp v. Netherlands*, параграф 39.

Психическое расстройство должно быть такого характера и такой степени, которые оправдывают принудительную госпитализацию. Необходимо, чтобы степень психического расстройства оправдывала заключение под стражу. Именно суд обязан установить высокую степень психического расстройства, оценив заключение комиссии врачей-психиатров с учетом фактических обстоятельств дела. Однако на практике это происходит редко. Ю. С. Савенко, президент Независимой психиатрической ассоциации России, описал сложившуюся ситуацию следующим образом: «Суды не исследуют все детали каждого дела о принудительной госпитализации. Вместо этого они основывают свои решения исключительно на заключениях комиссий врачей-психиатров, являющихся стороной процесса. На практике большинство судей отказывают исследовать все детали дела. “Мы не понимаем этого; мы будем доверять докторам” — так звучит их оправдание»⁷⁶.

Представляется, что именно в связи с этим судьи, как правило, не вызывают свидетелей на стороне госпитализированного и «рутинно выносят решения в отсутствие представителя госпитализированного или даже иногда в отсутствие самого госпитализированного»⁷⁷. В нарушение нормы статьи 34(3) Закона, устанавливающей обязательное участие сторон процесса, практика вынесения заочных решений приобрела регулярный характер во многих регионах Российской Федерации⁷⁸. В результате суд не устанавливает ни материальной, ни процессуальной законности принудительной госпитализации. Это, в свою очередь, заставляет говорить о доступности судебного контроля в соответствии со статьей 5(4) Конвенции, что будет проанализировано отдельно.

Лицо должно содержаться в больнице, стационаре или ином учреждении, предназначенном для этой цели. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации в Специальном докладе, сославшись на источники из Министерства юстиции РФ, приводит примеры содержания душевнобольных в учреждениях, не предназначенных

⁷⁶ *Savenko U. Rakevich vs. Russia.*

⁷⁷ *Ibid.* P. 2.

⁷⁸ См.: Миронов О. О. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами».

для лечения душевнобольных лиц. В соответствии с нормами уголовно-процессуального права лицо, совершившее преступление и впоследствии признанное страдающим от психического расстройства, по постановлению суда должно быть помещено в психиатрическую больницу. В действительности же эти лица остаются в местах предварительного заключения на долгое время после вынесения постановления суда. По официальной информации Министерства юстиции РФ в июне 1999 г. число таких заключенных достигало 600 человек. Большинство из них являются лицами без гражданства и лицами без определенного места жительства, не имеют паспорта или иного документа, его заменяющего. Отсутствие документов не позволяет помещать их в больницу. С другой стороны, они не могут быть освобождены, потому, что, несмотря на тот факт, что они не были приговорены судом к лишению свободы, они обязаны пройти обязательное принудительное лечение. Другой причиной существования такой ситуации было названо отсутствие бюджетного финансирования⁷⁹. Тем не менее данные факты влекут нарушение статьи 5(1) «е», так как обязанность обеспечить таких людей местом в психиатрической больнице лежит на государстве⁸⁰.

Лицо должно быть подвергнуто госпитализации «в порядке, установленном в законе». Как было указано выше, процедура принудительной госпитализации («порядок, установленный в законе») включает в себя судебную проверку обоснованности решения о госпитализации. Поэтому вопрос соблюдения порядка, установленного в российском законодательстве, будет рассматриваться вместе с вопросом осуществления судебного контроля.

Существуют примеры непроведения освидетельствования лица, помещенного в психиатрическую больницу. Уполномоченный по правам человека в Российской Федерации со ссылкой на Генеральную прокуратуру РФ доложил о случаях, когда врачи вместо проведения освидетельствования в течение 48 часов непосредственно обращались в суд для получения решения о дальнейшем содержании лица в психиатри-

⁷⁹ См.: Миронов О. О. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами».

⁸⁰ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Johnson v. UK*, параграф 66.

ческой больнице. Такие обращения в суд делаются без осмотра лица, не говоря уже о его освидетельствовании комиссией, и могут быть основаны на информации, полученной по телефону или в письме и т. п.

Проведение освидетельствования одним врачом является очередным примером нарушения порядка осуществления принудительной госпитализации. Проведение освидетельствования без участия комиссии влечет ничтожность заключения. В связи с этим оно не может быть положено в основу решения суда о санкционировании госпитализации. Более того, в некоторых случаях заключение, принятое комиссией, в нарушение Закона не направляется в суд в течение 24 часов⁸¹.

Следующая проблема связана с предыдущей и касается сложившейся практики неприобщения медицинских документов, содержащих результаты освидетельствования, к материалам судебного дела. Не удивительно, что правозащитники, проводившие мониторинг психиатрических больниц, установили, что «все медицинские документы хранятся в тайне от пациентов по крайней мере в 70 процентах всех психиатрических больниц; история болезни становится доступной пациенту только по запросу суда, прокуратуры или ассоциации медицинских работников⁸².

Более того, недобровольно госпитализированным не предоставляются копии судебных решений по их делам, в связи с чем они не имеют возможности обратиться в суд кассационной инстанции. Например, в деле *Rakevich v. Russia* заявитель был лишен возможности подать подробную кассационную жалобу на решение о принудительной госпитализации, поскольку ей не было выдано окончательное судебное решение и не были предоставлены какие-либо иные документы по делу⁸³. Поэтому не кажется странным, что «только 1–2 процента всех дел когда-либо были отменены в кассационном порядке»⁸⁴.

Особое внимание должно быть уделено «безотлагательности» рассмотрения судом правомерности заключения, так как Европейский

⁸¹ См.: Миронов О. О. Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами».

⁸² См.: Savenko U. *Rakevich vs. Russia*.

⁸³ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*, параграфы 16, 17.

⁸⁴ Savenko U. *Rakevich vs. Russia*. P. 2.

суд в деле против России уже выявил нарушение статьи 5(1) «е» из-за чрезмерной продолжительности судопроизводства. Судебное решение о принудительной госпитализации заявителя было вынесено спустя 39 дней с момента госпитализации, вместо 5 дней, установленных в законе⁸⁵. Имеются основания полагать, что данное нарушение не является единственным. Согласно Специальному докладу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации почти во всех регионах России были установлены нарушения статьи 34(1) Закона, которая закрепляет, что «заявление о госпитализации лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке рассматривается судьей в течение пяти дней с момента его принятия в помещении суда или психиатрическом учреждении». Обычно длительность судебного рассмотрения превышает месяц⁸⁶. Судьи, желая избежать частых посещений больниц, стремятся рассматривать все накопившиеся заявления за один день⁸⁷. А. Деменова, представитель заявителя по делу *Rakevich v. Russia*, юрист Уральского центра конституционной и международной защиты прав человека общественного объединения «Сутяжник», приводит пример судьи, которая, находясь в помещении психиатрической больницы, рассмотрела 10 дел в течение 25 минут. Ни один из представителей принудительно госпитализированных не присутствовал при рассмотрении дел⁸⁸.

Ситуация с правами психически больных в Российской Федерации является примером грубого и систематического нарушения основных прав человека. Все нарушения прав душевнобольных взаимосвязаны: одно нарушение может повлечь ряд других. Поэтому представляется невозможным устранить данные нарушения по отдельности, поскольку они составляют систему. И в существовании данных нарушений виновны не только представители судебной власти. Причины многих нарушений кроются в медицинской системе. Некоторые нарушения, рассматриваемые в настоящей главе, уже стали пред-

⁸⁵ См. решение Европейского суда по правам человека по делу *Rakevich v. Russia*, параграфы 35, 47.

⁸⁶ См.: *Мионов О. О.* Специальный доклад Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации «О соблюдении прав граждан, страдающих психическими расстройствами».

⁸⁷ См.: *Деменова А. В.* Психиатры не злодеи, но даже смиренная рубашка не должна лишать человека его прав: [Электронный ресурс] // Юрид. вестн. 2002. Сент. Режим доступа: http://www.sutyajnik.ru/rus/library/articles/2004/psihiatri_ne_zlodei.html

⁸⁸ См. там же.

метом внимания Европейского суда, а также международного сообщества⁸⁹. Тем не менее не все вопросы, представленные Суду, были им рассмотрены и разрешены. Некоторые из них вообще не стали предметом рассмотрения европейского правосудия. Несмотря на это, можно отметить неплохой старт в разрешении проблемы законности принудительной госпитализации душевнобольных в Российской Федерации благодаря Специальному докладу Уполномоченного по правам человека в Российской Федерации, делу *Rakevich v. Russia* и мониторингу психиатрических больниц, что можно назвать комплексным подходом к решению проблемы с применением юридических и неюридических методов. Было отмечено, что «спустя четыре года (с 1999 г. после доклада Уполномоченного по правам человека и дела *Rakevich v. Russia*. — А. Б.) ситуация улучшилась в некоторых регионах России, включая Москву. Но правозащитники, проводившие мониторинг психиатрических больниц в июне 2003 г., установили, что есть еще регионы, где судьи нарушают судебные сроки рассмотрения дел о принудительной госпитализации и где судебные слушания проводятся в нарушение закона»⁹⁰.

Несмотря на отмечаемые улучшения в сфере практики применения законодательства о правах и гарантиях душевнобольных, не исчезают угрозы изменения законодательства в сторону существенного ограничения прав душевнобольных, в том числе при применении судебных процедур⁹¹. Практика показывает, что только комплексная, совместная работа по выявлению, защите и лоббированию прав душевнобольных, по применению судебных и несудебных средств защиты может привести к положительным сдвигам в соблюдении прав душевнобольных и приведении российского законодательства и практики в соответствие со стандартами Европейской конвенции.

⁸⁹ После публичного слушания дела *Rakevich*, состоявшегося 17 июня 2003 г., проблема стала предметом журналистского расследования ВВС, основанного на интервью с российскими докторами (см.: *Russia's Mental Health Revolution. Doctors in Russia are Spearheading a Revolution in the Way Patients with Mental Illnesses are Treated*: [Электронный ресурс] // BBC NEWS UK edition. 2003. 28 июня. Режим доступа: <http://news.bbc.co.uk/1/hi/health/3026648.stm>)

⁹⁰ *Savenko U.* *Rakevich vs. Russia*. P. 2.

⁹¹ См.: *Савенко Ю. С.* Тенденции в отношении к правам человека в области психического здоровья: [Электронный ресурс] // Права человека и психиатрия в Российской Федерации. С. 166. Режим доступа: <http://www.mhg.ru/publications/389D128>

Приложение 1

ПЛЕНУМ ВЕРХОВНОГО СУДА РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 10 октября 2003 г. № 5

**О применении судами общей юрисдикции
общеизвестных принципов и норм
международного права и международных договоров
Российской Федерации**

Общеизвестные принципы и нормы международного права и международные договоры Российской Федерации согласно части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации являются составной частью ее правовой системы.

Федеральным законом от 15 июля 1995 г. № 101-ФЗ «О международных договорах Российской Федерации» установлено, что Российская Федерация, выступая за соблюдение договорных и обычных норм, подтверждает свою приверженность основополагающему принципу международного права — принципу добросовестного выполнения международных обязательств.

Международные договоры являются одним из важнейших средств развития международного сотрудничества, способствуют расширению международных связей с участием государственных и негосударственных организаций, в том числе с участием субъектов национального права, включая физических лиц. Международным договорам принадлежит первостепенная роль в сфере защиты прав человека и основных свобод. В связи с этим необходимо дальнейшее совершенствование судебной деятельности, связанной с реализацией положений международного права на внутригосударственном уровне.

В целях обеспечения правильного и единообразного применения судами международного права при осуществлении правосудия Пленум Верховного Суда Российской Федерации постановляет дать следующие разъяснения:

1. В Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина согласно общеизвестным принци-

пам и нормам международного права и в соответствии с Конституцией Российской Федерации (часть 1 статьи 17 Конституции Российской Федерации).

Согласно части 1 статьи 46 Конституции Российской Федерации каждому гарантируется судебная защита его прав и свобод.

Исходя из этого, а также из положений части 4 статьи 15, части 1 статьи 17, статьи 18 Конституции Российской Федерации права и свободы человека согласно общеизвестным принципам и нормам международного права, а также международным договорам Российской Федерации являются непосредственно действующими в пределах юрисдикции Российской Федерации. Они определяют смысл, содержание и применение законов, деятельность законодательной и исполнительной власти, местного самоуправления и обеспечиваются правосудием.

Под общеизвестными принципами международного права следует понимать основополагающие императивные нормы международного права, принимаемые и признаваемые международным сообществом государств в целом, отклонение от которых недопустимо.

К общеизвестным принципам международного права, в частности, относятся принцип всеобщего уважения прав человека и принцип добросовестного выполнения международных обязательств.

Под общеизвестной нормой международного права следует понимать правило поведения, принимаемое и признаваемое международным сообществом государств в целом в качестве юридически обязательного.

Содержание указанных принципов и норм международного права может раскрываться, в частности, в документах Организации Объединенных Наций и ее специализированных учреждений.

2. Международные договоры Российской Федерации наряду с общеизвестными принципами и нормами международного права являются составной частью ее правовой системы (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, часть 1 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

Частью правовой системы Российской Федерации являются также заключенные СССР действующие международные договоры, в отношении которых Российская Федерация продолжает осуществлять международные права и обязательства СССР в качестве государства — продолжателя Союза ССР.

Согласно пункту «а» статьи 2 Федерального закона «О междуна-

родных договорах Российской Федерации» под международным договором Российской Федерации надлежит понимать международное соглашение, заключенное Российской Федерацией с иностранным государством (или государствами) либо с международной организацией в письменной форме и регулируемое международным правом независимо от того, содержится такое соглашение в одном документе или в нескольких связанных между собой документах, а также независимо от его конкретного наименования (например, конвенция, пакт, соглашение и т. п.).

Международные договоры Российской Федерации могут заключаться от имени Российской Федерации (межгосударственные договоры), от имени Правительства Российской Федерации (межправительственные договоры) и от имени федеральных органов исполнительной власти (межведомственные договоры).

3. Согласно части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» положения официально опубликованных международных договоров Российской Федерации, не требующие издания внутригосударственных актов для применения, действуют в Российской Федерации непосредственно. Для осуществления иных положений международных договоров Российской Федерации принимаются соответствующие правовые акты.

К признакам, свидетельствующим о невозможности непосредственного применения положений международного договора Российской Федерации, относятся, в частности, содержащиеся в договоре указания на обязательства государств-участников по внесению изменений во внутреннее законодательство этих государств.

При рассмотрении судом гражданских, уголовных или административных дел непосредственно применяется такой международный договор Российской Федерации, который вступил в силу и стал обязательным для Российской Федерации и положения которого не требуют издания внутригосударственных актов для их применения и способны порождать права и обязанности для субъектов национального права (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 1 и 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», часть 2 статьи 7 ГК РФ).

4. Решая вопрос о возможности применения договорных норм международного права, суды должны исходить из того, что международный договор вступает в силу в порядке и в дату, предусмотренные в самом договоре или согласованные между участвовавшими в

переговорах государствами. При отсутствии такого положения или договоренности договор вступает в силу, как только будет выражено согласие всех участвовавших в переговорах государств на обязательность для них договора (статья 24 Венской конвенции о праве международных договоров 1969 г.).

Судам надлежит иметь в виду, что международный договор подлежит применению, если Российская Федерация в лице компетентных органов государственной власти выразила согласие на обязательность для нее международного договора посредством одного из действий, перечисленных в статье 6 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» (путем подписания договора; обмена документами, его образующими; ратификации договора; утверждения договора; принятия договора; присоединения к договору; любым иным способом, о котором условились договаривающиеся стороны), а также при условии, что указанный договор вступил в силу для Российской Федерации (например, Конвенция о защите прав человека и основных свобод была ратифицирована Российской Федерацией Федеральным законом от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ, а вступила в силу для Российской Федерации 5 мая 1998 года — в день передачи ратификационной грамоты на хранение Генеральному секретарю Совета Европы согласно статье 59 этой Конвенции).

Исходя из смысла частей 3 и 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 3 статьи 5 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации» судами непосредственно могут применяться те вступившие в силу международные договоры, которые были официально опубликованы в Собрании законодательства Российской Федерации или в Бюллетене международных договоров в порядке, установленном статьей 30 указанного Федерального закона. Международные договоры Российской Федерации межведомственного характера опубликовываются по решению федеральных органов исполнительной власти, от имени которых заключены такие договоры, в официальных изданиях этих органов.

Международные договоры СССР, обязательные для Российской Федерации как государства — продолжателя Союза ССР, опубликованы в официальных изданиях Совета министров (Кабинета министров) СССР. Тексты указанных договоров публиковались также в сборниках международных договоров СССР, но эта публикация не являлась официальной.

Официальные сообщения Министерства иностранных дел Россий-

ской Федерации о вступлении в силу международных договоров, заключенных от имени Российской Федерации и от имени Правительства Российской Федерации, подлежат опубликованию в том же порядке, что и международные договоры (статья 30 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации»).

5. Международные договоры, которые имеют прямое и непосредственное действие в правовой системе Российской Федерации, применимы судами, в том числе военными, при разрешении гражданских, уголовных и административных дел, в частности:

при рассмотрении гражданских дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем законом Российской Федерации, который регулирует отношения, ставшие предметом судебного рассмотрения;

при рассмотрении гражданских и уголовных дел, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила судопроизводства, чем гражданским процессуальным или уголовно-процессуальным законом Российской Федерации;

при рассмотрении гражданских или уголовных дел, если международным договором Российской Федерации регулируются отношения, в том числе отношения с иностранными лицами, ставшие предметом судебного рассмотрения (например, при рассмотрении дел, перечисленных в статье 402 ГПК РФ, ходатайств об исполнении решений иностранных судов, жалоб на решения о выдаче лиц, обвиняемых в совершении преступления или осужденных судом иностранного государства);

при рассмотрении дел об административных правонарушениях, если международным договором Российской Федерации установлены иные правила, чем предусмотренные законодательством об административных правонарушениях.

Обратить внимание судов на то, что согласие на обязательность международного договора для Российской Федерации должно быть выражено в форме федерального закона, если указанным договором установлены иные правила, чем Федеральным законом (часть 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, части 1 и 2 статьи 5, статья 14, пункт «а» части 1 статьи 15 Федерального закона «О международных договорах Российской Федерации», часть 2 статьи 1 ГПК РФ, часть 3 статьи 1 УПК РФ).

6. Международные договоры, нормы которых предусматривают признаки составов уголовно наказуемых деяний, не могут применять-

ся судами непосредственно, поскольку такими договорами прямо устанавливается обязанность государств обеспечить выполнение предусмотренных договором обязательств путем установления наказуемости определенных преступлений внутренним (национальным) законом (например, Единая конвенция о наркотических средствах 1961 года, Международная конвенция о борьбе с захватом заложников 1979 года, Конвенция о борьбе с незаконным захватом воздушных судов 1970 года).

Исходя из статьи 54 и пункта «о» статьи 71 Конституции Российской Федерации, а также статьи 8 УК РФ уголовной ответственности в Российской Федерации подлежит лицо, совершившее деяние, содержащее все признаки состава преступления, предусмотренного Уголовным кодексом Российской Федерации.

В связи с этим международно-правовые нормы, предусматривающие признаки составов преступлений, должны применяться судами Российской Федерации в тех случаях, когда норма Уголовного кодекса Российской Федерации прямо устанавливает необходимость применения международного договора Российской Федерации (например, статьи 355 и 356 УК РФ).

7. В силу части 4 статьи 11 УК РФ вопрос об уголовной ответственности дипломатических представителей иностранных государств и иных граждан, которые пользуются иммунитетом, в случае совершения этими лицами преступления на территории Российской Федерации разрешается в соответствии с нормами международного права (в частности, в соответствии с Конвенцией о привилегиях и иммунитетах Объединенных Наций 1946 года, Конвенцией о привилегиях и иммунитетах специализированных учреждений 1947 года, Венской конвенцией о дипломатических сношениях 1961 года, Венской конвенцией о консульских сношениях 1963 года).

В круг лиц, пользующихся иммунитетом, входят, например, главы дипломатических представительств, члены представительств, имеющие дипломатический ранг, и члены их семей, если последние не являются гражданами государства пребывания. К иным лицам, пользующимся иммунитетом, относятся, в частности, главы государств, правительств, главы внешнеполитических ведомств государств, члены персонала дипломатического представительства, осуществляющие административно-техническое обслуживание представительства, члены их семей, проживающие вместе с указанными лицами, если они не являются гражданами государства пребывания или

не проживают в нем постоянно, а также другие лица, которые пользуются иммунитетом согласно общепризнанным принципам и нормам международного права и международным договорам Российской Федерации.

8. Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении законов Российской Федерации.

Правила действующего международного договора Российской Федерации, согласие на обязательность которого было принято не в форме федерального закона, имеют приоритет в применении в отношении подзаконных нормативных актов, изданных органом государственной власти, заключившим данный договор (часть 4 статьи 15, статьи 90, 113 Конституции Российской Федерации).

9. При осуществлении правосудия суды должны иметь в виду, что по смыслу части 4 статьи 15 Конституции Российской Федерации, статей 369, 379, части 5 статьи 415 УПК РФ, статей 330, 362–364 ГПК РФ неправильное применение судом общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации может являться основанием к отмене или изменению судебного акта. Неправильное применение нормы международного права может иметь место в случаях, когда судом не была применена норма международного права, подлежащая применению, или, напротив, суд применил норму международного права, которая не подлежала применению, либо когда судом было дано неправильное толкование нормы международного права.

10. Разъяснить судам, что толкование международного договора должно осуществляться в соответствии с Венской конвенцией о праве международных договоров от 23 мая 1969 года (раздел 3, статьи 31–33).

Согласно пункту «б» части 3 статьи 31 Венской конвенции при толковании международного договора наряду с его контекстом должна учитываться последующая практика применения договора, которая устанавливает соглашение участников относительно его толкования.

Российская Федерация как участник Конвенции о защите прав человека и основных свобод признает юрисдикцию Европейского суда по правам человека обязательной по вопросам толкования и применения Конвенции и Протоколов к ней в случае предполагаемого на-

рушения Российской Федерацией положений этих договорных актов, когда предполагаемое нарушение имело место после вступления их в силу в отношении Российской Федерации (статья 1 Федерального закона от 30 марта 1998 г. № 54-ФЗ «О ратификации Конвенции о защите прав человека и основных свобод и Протоколов к ней»). Поэтому применение судами вышеназванной Конвенции должно осуществляться с учетом практики Европейского суда по правам человека во избежание любого нарушения Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

11. Конвенция о защите прав человека и основных свобод обладает собственным механизмом, который включает обязательную юрисдикцию Европейского суда по правам человека и систематический контроль за выполнением постановлений Суда со стороны Комитета министров Совета Европы. В силу пункта 1 статьи 46 Конвенции эти постановления в отношении Российской Федерации, принятые окончательно, являются обязательными для всех органов государственной власти Российской Федерации, в том числе и для судов.

Выполнение постановлений, касающихся Российской Федерации, предполагает в случае необходимости обязательство со стороны государства принять меры частного характера, направленные на устранение нарушений прав человека, предусмотренных Конвенцией, и последствий этих нарушений для заявителя, а также меры общего характера, с тем чтобы предупредить повторение подобных нарушений. Суды в пределах своей компетенции должны действовать таким образом, чтобы обеспечить выполнение обязательств государства, вытекающих из участия Российской Федерации в Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

Если при судебном рассмотрении дела были выявлены обстоятельства, которые способствовали нарушению прав и свобод граждан, гарантированных Конвенцией, суд вправе вынести частное определение (или постановление), в котором обращается внимание соответствующих организаций и должностных лиц на обстоятельства и факты нарушения указанных прав и свобод, требующие принятия необходимых мер.

12. При осуществлении судопроизводства суды должны принимать во внимание, что в силу пункта 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый имеет право на судебное разбирательство в разумные сроки. При исчислении указанных сроков по уголовным делам судебное разбирательство охватывает как проце-

дуру предварительного следствия, так и непосредственно процедуру судебного разбирательства.

Согласно правовым позициям, выработанным Европейским судом по правам человека, сроки начинают исчисляться со времени, когда лицу предъявлено обвинение или это лицо задержано, заключено под стражу, применены иные меры процессуального принуждения, а заканчиваются в момент, когда приговор вступил в законную силу или уголовное дело либо уголовное преследование прекращено.

Сроки судебного разбирательства по гражданским делам в смысле пункта 1 статьи 6 Конвенции начинают исчисляться со времени поступления искового заявления, а заканчиваются в момент исполнения судебного акта.

Таким образом, по смыслу статьи 6 Конвенции исполнение судебного решения рассматривается как составляющая «судебного разбирательства». С учетом этого при рассмотрении вопросов об отсрочке, рассрочке, изменении способа и порядка исполнения судебных решений, а также при рассмотрении жалоб на действия судебных приставов-исполнителей суды должны принимать во внимание необходимость соблюдения требований Конвенции об исполнении судебных решений в разумные сроки.

При определении того, насколько срок судебного разбирательства являлся разумным, во внимание принимается сложность дела, поведение заявителя (истца, ответчика, подозреваемого, обвиняемого, подсудимого), поведение государства в лице соответствующих органов.

13. При рассмотрении гражданских и уголовных дел судам следует иметь в виду, что в силу части первой статьи 47 Конституции Российской Федерации никто не может быть лишен права на рассмотрение его дела в том суде и тем судьей, к подсудности которых оно отнесено законом. В соответствии с пунктом 1 статьи 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждый при определении его гражданских прав и обязанностей или при рассмотрении любого уголовного обвинения, предъявляемого ему, имеет право на суд, созданный на основании закона.

Исходя из постановлений Европейского суда по правам человека применительно к судебной системе Российской Федерации данное правило распространяется не только на судей федеральных судов и мировых судей, но и на присяжных заседателей, которыми являются граждане Российской Федерации, включенные в списки присяжных

заседателей и призванные в установленном законом порядке к участию в осуществлении правосудия.

14. При разрешении вопросов о продлении срока содержания под стражей судам надлежит учитывать, что согласно пункту 3 статьи 5 Конвенции о защите прав человека и основных свобод каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию, имеет право на судебное разбирательство в течение разумного срока или на освобождение до суда.

В соответствии с правовыми позициями Европейского суда по правам человека при установлении продолжительности срока содержания подсудимого под стражей учитывается период, начинающийся со дня заключения подозреваемого (обвиняемого) под стражу и заканчивающийся днем вынесения приговора судом первой инстанции.

Следует учитывать, что наличие обоснованного подозрения в том, что заключенное под стражу лицо совершило преступление, является необходимым условием для законности ареста. Вместе с тем такое подозрение не может оставаться единственным основанием для продолжительного содержания под стражей. Должны существовать и иные обстоятельства, которые могли бы оправдать изоляцию лица от общества. К таким обстоятельствам, в частности, может относиться возможность того, что подозреваемый, обвиняемый или подсудимый могут продолжить преступную деятельность либо скрыться от предварительного следствия или суда, либо сфальсифицировать доказательства по уголовному делу, вступить в сговор со свидетелями.

При этом указанные обстоятельства должны быть реальными, обоснованными, т. е. подтверждаться достоверными сведениями. В случае продления сроков содержания под стражей суды должны указывать конкретные обстоятельства, оправдывающие продление этих сроков, а также доказательства, подтверждающие наличие этих обстоятельств.

15. Принимая решение о заключении обвиняемых под стражу в качестве меры пресечения, о продлении сроков содержания их под стражей, разрешая жалобы обвиняемых на незаконные действия должностных лиц органов предварительного расследования, суды должны учитывать необходимость соблюдения прав лиц, содержащихся под стражей, предусмотренных статьями 3, 5, 6 и 13 Конвенции о защите прав человека и основных свобод.

При разрешении ходатайства об освобождении из-под стражи или жалобы на продление срока содержания под стражей суду необходимо принимать во внимание положения статьи 3 Конвенции о защите

прав человека и основных свобод, согласно которой никто не должен подвергаться пыткам и бесчеловечному или унижающему достоинство обращению или наказанию.

В практике применения Конвенции о защите прав человека и основных свобод Европейским судом по правам человека к «бесчеловечному обращению» относятся случаи, когда такое обращение, как правило, носит преднамеренный характер, имеет место на протяжении нескольких часов или когда в результате такого обращения человеку были причинены реальный физический вред либо глубокие физические или психические страдания.

Следует учитывать, что в соответствии со статьей 3 Конвенции и требованиями, содержащимися в постановлениях Европейского суда по правам человека, условия содержания обвиняемых под стражей должны быть совместимы с уважением к человеческому достоинству.

Унижающим достоинство обращением признается, в частности, такое обращение, которое вызывает у лица чувство страха, тревоги и собственной неполноценности.

При этом лицу не должны причиняться лишения и страдания в более высокой степени, чем тот уровень страданий, который неизбежен при лишении свободы, а здоровье и благополучие лица должны быть гарантированы с учетом практических требований режима содержания.

Оценка указанного уровня осуществляется в зависимости от конкретных обстоятельств, в частности, от продолжительности неправомерного обращения с человеком, характера физических и психических последствий такого обращения. В некоторых случаях принимаются во внимание пол, возраст и состояние здоровья лица, которое подверглось бесчеловечному или унижающему достоинство обращению.

16. В случае возникновения затруднений при толковании общепризнанных принципов и норм международного права, международных договоров Российской Федерации рекомендовать судам использовать акты и решения международных организаций, в том числе органов ООН и ее специализированных учреждений, а также обращаться в Правовой департамент Министерства иностранных дел Российской Федерации, в Министерство юстиции Российской Федерации (например, для уяснения вопросов, связанных с продолжительностью действия международного договора, составом государств, участвующих в договоре, международной практикой его применения).

17. Рекомендовать Судебному департаменту при Верховном Суде Российской Федерации:

в координации с Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека обеспечивать информирование судей о практике Европейского суда по правам человека, в особенности по поводу решений, касающихся Российской Федерации, путем направления аутентичных текстов и их переводов на русский язык;

регулярно и своевременно обеспечивать судей аутентичными текстами и официальными переводами международных договоров Российской Федерации и иных актов международного права.

18. Рекомендовать Российской академии правосудия при организации учебного процесса подготовки, переподготовки и повышения квалификации судей и работников аппаратов судов обращать особое внимание на изучение общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации, регулярно анализировать источники международного и европейского права, издавать необходимые практические пособия, комментарии, монографии и другую учебную, методическую и научную литературу.

19. Поручить Судебным коллегиям по гражданским и уголовным делам, Военной коллегии Верховного Суда Российской Федерации подготовить совместно с Российской академией правосудия предложения о дополнении ранее принятых постановлений Пленума Верховного Суда Российской Федерации соответствующими положениями о применении общепризнанных принципов и норм международного права и международных договоров Российской Федерации.

*Приложение 2***Обзор прецедентов Европейского суда по правам человека по статье 5 Европейской конвенции**

ЛУКАНОВ ПРОТИВ БОЛГАРИИ

LUKANOV v. BULGARIA

Постановление от 20 марта 1997 г.

Обстоятельства дела

1 сентября 1992 г. господин Андрей Карлов Луканов, болгарин по национальности, обратился в Комиссию по правам человека с жалобой о нарушении его прав, гарантированных Конвенцией.

Луканов был членом национального собрания и занимал должности министра, заместителя премьер-министра и премьер-министра. 7 марта 1992 г. он собирался в Москву. В аэропорту Софии пограничная служба проинформировала его об издании приказа об изъятии у него дипломатического паспорта, но так как этот приказ ему не предъявили, он отказался отдать паспорт. Такой же инцидент повторился и 11 марта 1992 г. Заявитель обратился в Верховный суд. Его жалоба была отклонена, так как не было принято никакого административного решения, которое могло быть обжаловано. Луканов обратился в суд с иском о компенсации морального вреда, понесенного в результате издания незаконного приказа об изъятии у него дипломатического паспорта. 1 июля 1992 г. Генеральный прокурор обратился с просьбой к Национальному собранию санкционировать возбуждение против Луканова уголовного дела на основании подозрений в присвоении государственных средств и преднамеренной растрате средств в ущерб национальной экономике. В частности, подозрение относилось к участию Луканова при исполнении им полномочий премьер-министра, в вынесении многих решений о предоставлении помощи и займов ряду развивающихся стран. В июле 1992 г. национальное собрание лишило Луканова парламентского иммунитета и санкционировало возбуждение против него уголовного дела, а также его арест и содержание под стражей до суда.

После этого прокурор предъявил Луканову обвинение в незаконном присвоении средств, а также в злоупотреблении служебным положением государственного служащего с целью предоставления материальных выгод третьей стороне. Он санкционировал предварительное заключение Луканова, ссылаясь на необходимость обратить внимание общественности на опасность подобных преступлений для общества личностью Луканова, необходимость обеспечить его явку в суд первой инстанции.

Луканов был арестован и взят под стражу, его защитник обратился в Верховный суд с ходатайством о его освобождении, заявляя, что в нарушение Уголовно-процессуального кодекса Болгарии в порядке на арест заявителя не были указаны основания ареста. На судебном заседании, где присутствовал прокурор, но не было ни Луканова, ни его защитника, в удовлетворении ходатайства было отказано.

В августе 1992 г. Луканов был госпитализирован и вследствие изменения состояния здоровья обратился к Генеральному прокурору с ходатайством об освобождении. В следующем месяце его защитник безуспешно обжаловал в Верховном суде отказ в удовлетворении этого ходатайства.

Луканов вновь подал ходатайство об освобождении, но прокурор отклонил его в ноябре 1992 г. по тем же мотивам, которые ранее привел Генеральный прокурор, а также из-за того, что, несмотря на медицинские заключения о состоянии здоровья Луканова, не было никаких новых обстоятельств, оправдывающих такое решение.

Защитник Луканова обратился к Генеральному прокурору с просьбой завершить следствие, заявив, что нет никаких исключительных обстоятельств, оправдывающих превышение срока ведения следствия, предусмотренного Уголовно-процессуальным кодексом, и вновь ходатайствовал об освобождении Луканова. Генеральный прокурор устно известил защитника об отказе в ходатайстве из-за отсутствия новых обстоятельств. В декабре 1992 г. национальное собрание отменило свое решение, санкционирующее предварительное заключение Луканова, и прокурор принял решение освободить его под залог.

В марте 1994 г. городской суд присудил Луканову компенсацию за нематериальный ущерб, понесенный в результате попыток изъятия у него паспорта в отсутствие законного ордера, и в феврале 1995 г. Верховный суд оставил решение городского суда в силе.

В жалобе от 1 сентября 1992 г. Луканов жаловался на нарушение статьи 5.1 Европейской конвенции о защите прав человека и основ-

ных свобод в связи с арестом и содержанием под стражей, статьи 3 Конвенции в связи с бесчеловечным и унижающим обращением с ним в заключении, статьи 6 в связи с отсутствием открытого слушания дела в Верховном суде, статьи 7 в связи с судебным преследованием за действия, которые в момент совершения не составляли преступления, статьи 10 в связи с запретом писать статьи о расследованиях и о злоупотреблении допускаемыми Конвенцией ограничениями.

Власти Болгарии заявляли, что не имеют возможности описать во всех подробностях бесчестные неправомерные «сделки», которым способствовал Луканов, занимая пост заместителя премьер-министра, из-за закрытого характера производства по делу против него и других лиц.

Комиссия признала приемлемой жалобу только в части нарушения статьи 5.1, признав жалобу неприемлемой в остальной части.

Болгарские власти сообщили Суду, что готовы согласиться с мнением Европейской комиссии по правам человека в отношении нарушения статьи 5.1, но уведомили Суд о мнении Генерального прокурора и отметили, что, поскольку, согласно Конституции, и прокуратура, и Верховный суд представляют собой независимые органы, оценка мер, принятых ими по данному делу, не входит в полномочия Европейского суда.

Выводы Суда

Суд постановил, что Суд обладает юрисдикцией исследовать факты и обстоятельства в отношении жалоб Луканова за период после 7 сентября 1992 г., когда Болгария ратифицировала Конвенцию и признала обязательной юрисдикцию Суда, и заявления, сделанного в соответствии со статьей 46 Конвенции. Тем не менее Суд должен учитывать состояние производства по делу на момент заявления и в особенности тот факт, что основания содержания Луканова под стражей, указанные в ордере на арест и в решении Верховного суда, оставались неизменными вплоть до его освобождения. Хотя органы, принимавшие меры, ставшие предметом жалобы, могут быть независимыми, государство несет ответственность за действия этих органов в той же мере, что и за действия любых других государственных органов. Несмотря на согласие болгарской стороны с мнением Европейской комиссии по правам человека в отношении статьи 5.1, Суд должен сам рассмотреть данный вопрос. Хотя и не оспаривалось, что Луканов как член правительства участвовал в вынесении решений,

послуживших поводом для предъявленных обвинений, ни одно из положений Уголовного кодекса не определяет и даже не подразумевает, что любое лицо подлежит уголовной ответственности вследствие участия в коллективном вынесении решений подобного характера. Более того, не приведено ни одного доказательства, что соответствующие решения были незаконными, нарушающими Конституцию или законодательство, принимались с превышением полномочий или противоречили закону о государственном бюджете. Поэтому Правительству Болгарии не удалось убедить Суд, что действия, за совершение которых преследовался Луканов, составляли в рассматриваемый период времени уголовное преступление; не было представлено ни одного факта и никаких сведений, способных доказать, что Луканов в то время обоснованно подозревался в стремлении добиться каких-то выгод для себя или для третьей стороны от своего участия в распределении рассматриваемых средств, как было указано в ордере на его арест.

Заявление Правительства о том, что имели место какие-то «сделки», было признано Комиссией необоснованным, в заявлении не утверждалось, что эти средства не были получены соответствующими странами. При таких обстоятельствах содержание заявителя под стражей в течение рассматриваемого периода времени не было «законным содержанием по обоснованному подозрению в совершении правонарушения». Придя к такому выводу, Суд не считал необходимым оценивать, можно ли было мотивированно считать содержание под стражей необходимым для предотвращения совершения им преступления или побега после совершения преступления. Таким образом, имело место нарушение статьи 5.1. Вдове и детям Луканова следует присудить справедливую компенсацию в размере 40 000 французских франков, которые должны быть конвертированы в болгарские левы по курсу, действовавшему на момент вынесения решения, в возмещение нематериального ущерба; им следует также присудить выплату 13 456 долл. США и 7 067 французских франков в возмещение понесенных затрат и судебных издержек; пени должны выплачиваться в размере 4 и 5 % годовых в отношении присужденных сумм, соответственно во французских франках и в долларах США.

ГУБЕР ПРОТИВ ШВЕЙЦАРИИ

HUBER v. SWITZERLAND

Постановление от 23 октября 1990 г.

Обстоятельства дела

Госпожа Губер, гражданка Швейцарии, 11 августа 1983 г. была допрошена окружным прокурором в качестве свидетеля по делу о преступной группе «Ангелы ада», занимавшейся вербовкой женщин для занятия проституцией на территории Германии. Поскольку госпожа Губер дала, по мнению прокурора, ложные показания и подозревалась в соучастии, сразу же после допроса был подписан ордер на ее арест. Она была освобождена из-под стражи 19 августа. 12 октября 1984 г. дело по обвинению госпожи Губер в даче ложных показаний и возможном соучастии было передано в окружной суд. Дело рассматривалось в январе 1985 г. единолично судьей без участия прокурора, хотя последний имел право выступить в качестве обвинителя.

Суд оправдал обвиняемую, но Апелляционный суд кантона Цюрих признал ее виновной в даче ложных показаний и приговорил к штрафу в 4000 швейцарских франков. Госпожа Губер подала кассационную жалобу соответственно в Верховный суд кантона Цюрих и Федеральный суд, но обе апелляции были отклонены.

В жалобе, поданной в Комиссию 27 февраля 1987 г., заявительница утверждала, что один и тот же прокурор дал санкцию на ее задержание и затем выступил обвинителем в суде по ее делу, чем, по ее мнению, нарушена часть 3 статьи 5 Конвенции. Жалоба была признана приемлемой 9 июля 1988 г. В докладе от 10 апреля 1989 г. Комиссия, установив факты, пришла к выводу, что имело место нарушение части 3 статьи 5.

Выводы Суда

Заявительница утверждала, что в отношении нее имело место нарушение части 3 статьи 5 Конвенции, которая гласит: «Каждое лицо, подвергнутое аресту или задержанию в соответствии с положениями подпункта (с) пункта 1 настоящей статьи, незамедлительно доставляется к судье или к иному должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции...»

По утверждению заявительницы, действия окружного прокурора

не соответствовали этой гарантии, поскольку он принял решение о ее предварительном заключении, затем предъявил ей обвинение и, наконец, выступил в качестве обвинителя в суде первой инстанции.

Комиссия посчитала, что окружной прокурор не мог рассматриваться как лицо, независимое от какой-либо из сторон в судебном процессе, поскольку он мог быть одной из них и действительно являлся таковой.

Правительство утверждало, что окружной прокурор был, в сущности, несмотря на свой титул, судебным следователем. В этом смысле его легко отличить от работников прокуратуры. Конечно, окружной прокурор должен был составить обвинительный акт, но кантональный закон требовал, чтобы он принимал в расчет как оправдательные, так и уличающие доказательства без высказывания каких-либо подозрений или иных юридических соображений.

Суд прежде всего отмечает, что единственным предметом спора является беспристрастность окружного прокурора Цюриха на момент издания постановления об аресте. Госпожа Губер не отрицала, что прокурор был независим от исполнительной власти, что он выслушал ее сам, прежде чем направить на предварительное заключение, и что он одинаково тщательно изучил обстоятельства, говорящие как в ее пользу, так и против.

В нескольких судебных решениях («Де Йонг и другие против Нидерландов», решение от 22 мая 1984 г.; «Ван дер Слюйс, Заодервельд и Клаппе против Нидерландов», решение от 22 мая 1984 г.; «Дуинхофф и Дуиф против Нидерландов», решение от 22 мая 1984 г.) Суд установил, что военный прокурор, отдавший приказ о заключении под стражу заявителей, мог также выступить в качестве обвинителя в Военном суде. Отсюда Суд сделал вывод, что военный прокурор не мог быть «независим от сторон» на предварительном этапе именно потому, что у него имелись «шансы» стать одной из сторон на следующем этапе судебного процесса.

Суд не видит оснований для того, чтобы в данном деле прийти к другому выводу. Несомненно, что Конвенция не исключает ситуацию, когда магистрат, издавший постановление о заключении под стражу, осуществляет и другие функции, но его беспристрастность может быть подвергнута сомнению, если он примет участие в последующем уголовном судебном процессе в качестве обвинителя. Поскольку ситуация в данном деле была именно таковой, налицо нарушение части 3 статьи 5 Конвенции.

Суд постановил, что данное нарушение не привело к какому-либо материальному ущербу; с учетом обстоятельств дела сам факт вынесения настоящего судебного решения предоставляет заявителю достаточно справедливое удовлетворение; государство-ответчик должно возместить заявителю судебные расходы и издержки в размере 4492 швейцарских франков.

БРОУГАН И ДРУГИЕ ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО КОРОЛЕВСТВА

BROGAN v. UNITED KINGDOM

Постановление от 29 ноября 1988 г.

Обстоятельства дела

Заявители — Теренс Броуган, Дермоит Койл, Уильям Макфадден, Майкл Трейси — граждане Великобритании, постоянно проживающие в Северной Ирландии. Они были арестованы осенью 1984 г. в соответствии со статьей 12 Закона о предотвращении терроризма (временные меры) 1984 г. по обоснованному подозрению в их причастности к совершению террористических актов, их подготовке и подстрекательству к ним в Северной Ирландии. В законе 1984 г. «терроризм» определен как «применение насилия в политических целях», в том числе «применение насилия в целях устранения населения или какой-то его части». Первоначальный, юридически допустимый 48-часовой срок задержания каждого из упомянутых лиц был продлен до пяти дней решением Государственного секретаря по делам Северной Ирландии. Заявители подверглись задержанию на следующие сроки: пять дней и одиннадцать часов, шесть дней и шестнадцать с половиной часов, четыре дня и шесть часов, четыре дня и одиннадцать часов соответственно. Все четверо были допрошены в отношении конкретных террористических действий, но обвинение никому не было предъявлено и никто не предстал перед судебным органом до освобождения из-под стражи.

Чрезвычайная ситуация, сложившаяся в Северной Ирландии в 70-е гг., и активность террористов стали причиной принятия в 1974 г. первых законодательных актов, предоставляющих властям исключительные антитеррористические полномочия, на основании которых и были арестованы и заключены под стражу заявители. С момента введения в действие этих актов Парламент Соединенного Королев-

ства постоянно подтверждал необходимость продления срока их действия. Предложение о том, чтобы решение о продлении сроков задержания принималось судами, было отклонено, в частности, по той причине, что информация, обосновывающая принятие таких мер, строго конфиденциальна и не может раскрываться задержанным лицам или их адвокатам.

В своих жалобах заявители утверждали, что их арест и задержание являлись нарушением части 1 статьи 5 Конвенции, что были также нарушены части 3, 4, 5 статьи 5 и статья 13 Конвенции.

Комиссия пришла к выводу, что нарушение части 3 и 5 статьи 5 имело место в отношении господина Броугана и господина Койла, и что нарушения не было в отношении господина Макфаддена и господина Трейси, и что не возникает самостоятельного вопроса по статье 13 Конвенции.

Заявители утверждали, что была нарушена статья 5.1, которая предусматривает: «Каждый человек имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и порядке, установленном законом: <...>

(с) законный арест или задержание лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения...».

Выводы Суда

В свете действовавшего в Северной Ирландии права на арест и задержание заявителей были «незаконными действиями», и этого никто не оспаривал. Однако заявители утверждали, что их арест и задержание основывались на подозрении не в совершении ими конкретного правонарушения, а в участии в неких, не названных точно, террористических актах. Это выходит за рамки уголовного права Северной Ирландии и не может рассматриваться в качестве «правонарушения» в смысле статьи 5.1 «с».

Правительство в этой связи указало, что заявители фактически подозревались не в причастности к терроризму вообще, а в членстве в запрещенной организации и участии в конкретных актах терроризма, каждый из которых представлял правонарушение по закону Северной Ирландии и на каждый из которых было прямо указано заявителям в ходе допросов, проведенных вслед за их арестами.

Определение терроризма и террористических актов в законодательстве как «применение насилия в политических целях» уже при-

знавалось Судом как «вполне отвечающее понятию правонарушения» (Ирландия против Соединенного Королевства, решение от 18 января 1978 г.).

Суд постановил, что арест и последующее задержание заявителей были произведены по обоснованному подозрению в совершении преступления в смысле статьи 5.1 «с»; оспариваемые арест и задержание преследовали цели, указанные в статье. Таким образом, статья 5.1 не была нарушена.

Однако даже самый короткий срок задержания по данному делу (4 дня и 6 часов пребывания господина Макфаддена под стражей в полиции) выходит за строгие временные рамки, допускаемые частью 3 статьи 5. Придание особенностям данного дела такого значения, которое оправдывало бы столь продолжительный срок задержания без доставления к судье или к иному должностному лицу, осуществляющему судебные функции, было бы слишком широким толкованием значения слова «незамедлительно». Подобное толкование существенно ослабило бы процессуальные гарантии части 3 статьи 5 в ущерб отдельной личности и имело бы последствия, подрывающие саму суть права, защищаемого этой статьей. Таким образом, ни один из заявителей не был ни доставлен «незамедлительно» в судебный орган, ни освобожден «незамедлительно» после ареста.

Факт, что арест и задержание были вызваны законным стремлением защитить общество в целом от терроризма, сам по себе недостаточен, чтобы обеспечить соблюдение требований, установленных частью 3 статьи 5. Следовательно, имело место нарушение части 3 статьи 5 в отношении всех четырех заявителей.

Исходя из практики Суда, условия по предоставлению возможности, которая позволяла бы компетентному суду рассмотреть не только соответствие процессуальным требованиям национального законодательства, но и обоснованность подозрения, которое послужило причиной ареста, и правомерность цели, которая преследовалась арестом и последующим задержанием в работе судов Северной Ирландии, соблюдаются применением такого средства судебной защиты, как *habeas corpus*. Таким образом, не было нарушения части 4 статьи 5. В данном случае арест и задержание заявителей были законными согласно нормам внутреннего права, однако имело место нарушение сроков судебного контроля за законностью лишения свободы в нарушение части 3 статьи 5 Конвенции. Это нарушение и ранее, до настоящего решения, и после того, как оно вынесено, не может быть

основанием для подачи заявителями в национальный суд иска о взыскании компенсации. Следовательно, в этом случае имело место нарушение части 5 статьи 5 Конвенции в отношении всех четырех заявителей. В свете вывода об отсутствии нарушения части 4 статьи 5 Конвенции Суд не считает необходимым исследовать вопрос о соблюдении статьи 13.

КОСТЕР ПРОТИВ НИДЕРЛАНДОВ

KOSTER v. THE NETHERLANDS

Постановление от 28 ноября 1991 г.

Обстоятельства дела

Господин Костер был арестован во время прохождения обязательной воинской службы за систематические отказы подчиниться приказу о вручении предписания о получении оружия и воинской формы. Прошло пять дней (включая воскресенье), прежде чем он был доставлен в военный суд, поскольку члены суда — военнослужащие — принимали участие в военных маневрах. Суд признал арест законным и продлил его на срок до тридцати дней. Затем Костер был приговорен к одному году лишения свободы, весь срок предварительного заключения был засчитан в срок отбывания наказания.

Костер подал жалобу на то, что не был «незамедлительно» доставлен в военный суд и Комиссия установила нарушение части 3 статьи 5 Конвенции.

Выводы Суда

Суд постановил, что особые обстоятельства данного дела не должны приниматься во внимание в той мере, чтобы поставить под сомнение саму сущность требования незамедлительного освобождения арестованного или его незамедлительного доставления к должностному лицу, уполномоченному законом осуществлять судебные функции. Проведение маневров не освобождает военные власти от обязанности организовать заседание военного суда так срочно, как того требует Конвенция (если необходимо, то в субботу или в воскресенье), тем более что маневры проводятся периодически и, следовательно, могли быть предусмотрены, и, даже учитывая особенности военного распорядка и военного правосудия, доставление Костера к су-

дебным властям была осуществлена с нарушением требования незамедлительности, предусмотренного частью 4 статьи 5.

ТОМАЗИ ПРОТИВ ФРАНЦИИ

TOMASI v. FRANCE

Постановление от 27 августа 1992 г.

Обстоятельства дела

Господин Томази, гражданин Франции, был арестован 23 марта 1983 г. по подозрению в соучастии в убийстве и покушении на убийство. 25 марта 1983 г. ему было предъявлено обвинение, и в течение длительного времени он находился в предварительном заключении. Расследование длилось три года и два месяца, а предание его суду задержалось еще более чем на год в связи с проблемами юридического и юрисдикционного характера, за которые Томази ответственности не нес. Он двадцать три раза подавал просьбу об освобождении под залог или поручительство, но каждый раз его просьба отклонялась по мотивам серьезности преступлений, в которых он обвинялся, интересов защиты общественного порядка, предотвращения давления на свидетелей и возможного сговора между обвиняемыми и опасности, что он скроется от правосудия. В октябре Томази был оправдан и немедленно освобожден. В апреле 1989 г. он потребовал компенсации в связи с незаконным содержанием под стражей, и в ноябре 1991 г. было вынесено решение о выплате ему 300 000 французских франков.

После первоначального допроса в полицейском участке врач осмотрел Томази и установил, что его состояние здоровья не мешает продолжению допросов. Допросы продолжались еще некоторое время, и затем он впервые предстал перед судьей, проводившим судебное следствие, и заявил, что полиция подвергала его избиениям, показав синяки. Нанесенные ему повреждения были показаны судьей. В дальнейшем их осмотрели четыре врача. Заключение врачей в отношении как характера, так и времени нанесения повреждений совпали. В марте 1983 г. Томази подал жалобу против неидентифицированных лиц на нанесение телесных повреждений и одновременно ходатайство об участии в процессе в качестве гражданского истца. Хотя расследование с этого момента продолжалось до февраля 1989 г., го-

сударственный обвинитель лишь через полтора года обратился за определением подсудности дела, а в периоды между мартом и сентябрем 1985 г., январем 1986 г. и январем 1987 г. ничего не предпринималось. Томази жаловался на нарушение статьи 3 в связи с обращением с ним во время пребывания под стражей в полиции, статьи 6 в связи с продолжительностью связанных с этим расследований и нарушение статьи 5 в связи с длительным содержанием под стражей при проведении расследований.

Комиссия установила нарушения положений статей 3, 6.1 и части 3 статьи 5 Конвенции.

Выводы Суда

Суд постановил, что хотя ходатайство о компенсации было подано после обращения в Комиссию, Томази исчерпал внутренние средства правовой защиты в отношении своего содержания под стражей во время расследований, поскольку существует различие между правом добиваться прекращения лишения свободы и правом получения возмещения за такое лишение — подобная компенсация присуждается вне рамок части 3 статьи 5, кроме того, к этому времени он уже провел четыре года под стражей. Присуждение выплаты компенсации не лишило Томази статуса жертвы нарушения Конвенции. Пребывание Томази в предварительном заключении с момента его ареста и до оправдания длилось пять лет и семь месяцев. Причины для продления его содержания под стражей были и обоснованными, и достаточными, но наличие, неоднократно подтвержденное, серьезных признаков виновности само по себе не оправдывает столь длительного предварительного заключения. Таким образом, имело место нарушение части 3 статьи 5. Поскольку вопрос о возможности предоставления гражданско-правового средства защиты против обращения с Томази во время его содержания под стражей в полиции не был поставлен перед Комиссией, государство не имеет права возражать против рассмотрения этого вопроса Судом. Существует причинная связь между жестоким обращением во время пребывания под стражей в полиции, на которое жалуется Томази, и телесными повреждениями, установленными судьей, проводившим судебное следствие: следы побоев на теле Томази не могли появиться ни до его взятия под стражу, ни вследствие членовредительства, ни в результате попытки к бегству, причем Томази привлек к ним внимание при первом же появлении перед судьей, проводившим судебное следствие, а

медицинское освидетельствование показало, что повреждения были нанесены во время нахождения под стражей в полиции. Медицинские свидетельства и доклады, независимо составленные практикующими врачами, говорят об интенсивности и множественности нанесенных заявителю ударов, налицо два достаточно серьезных элемента, которые придают этому обращению с ним бесчеловечный и унижающий достоинство характер и соответственно должны рассматриваться как нарушение положений статьи 3. Дело не было сложным, и действия Томази не были причиной нарушения сроков его рассмотрения в суде, тогда как судебные власти несут ответственность за самые различные нарушения сроков. Таким образом, имело место нарушение статьи 6(1) Конвенции. Господину Томази должна быть присуждена компенсация в сумме 700 000 французских франков за материальный и нематериальный ущерб и 300 000 французских франков в возмещение судебных издержек и расходов.

ЛЕТЕЛЬЕ ПРОТИВ ФРАНЦИИ

LETELLIER v. FRANCE

Постановление от 26 июня 1991 г.

Обстоятельства дела

8 июля 1985 г. госпожа Моник Летелье, французская гражданка, была арестована по подозрению в соучастии в убийстве ее второго мужа. По ее ходатайству в декабре 1985 г. она была освобождена из-под стражи на том основании, что содержание ее под стражей более не являлось необходимым для установления истины, и существовали достаточные гарантии ее явки в суд. Хотя Летелье ссылалась на то, что не подавала ходатайства до тех пор, пока все свидетели не были допрошены полицией и(или) судьей, ведущим следствие, и была в состоянии представить твердые гарантии своей явки в суд, в январе 1986 г. обвинительная палата апелляционного суда отменила постановление об освобождении, мотивируя свое решение желанием предупредить любую попытку воспрепятствовать установлению истины, а также, принимая во внимание суровость приговора, который мог быть вынесен по этому делу, любую попытку уклониться от судебного преследования. Летелье обжаловала решение в кассационной инстанции, но в апреле 1986 г. жалоба была отклонена по тем же осно-

ваниям. В мае 1986 г. ей было позволено вновь обжаловать в кассационном суде отклонение повторного ходатайства об освобождении по основанию имевшего место нарушения прав защиты (ни Летелье, ни ее адвокат не были поставлены в известность о дате слушаний по ее жалобе), и дело было передано в апелляционный суд, который в сентябре 1986 г. снова отклонил ее просьбу ввиду тяжести преступления, суровости ожидаемого приговора и ввиду необходимости гарантировать ее пребывание в распоряжении правоохранительных органов и избежать нарушения общественного порядка.

Решение апелляционного суда было отменено в декабре 1986 г. на том основании, что суд не рассмотрел жалобу на нарушение части 3 статьи 5 Конвенции, но в марте 1987 г. другой апелляционный суд, в который было передано дело, отклонил эту жалобу. Суд отклонил жалобу Летелье на превышение гарантированного частью 3 статьи 5 разумного срока предварительного заключения и постановил, что заявителя и далее следует содержать под стражей в интересах сохранения общественного порядка. Еще одна жалоба Летелье со ссылками на нарушение части 3 и 4 статьи 5 была отклонена кассационным судом в июне 1987 г. Находясь под следствием, Летелье подала еще шесть ходатайств об освобождении, которые были отклонены соответственно в марте, апреле, 5 и 23 декабря 1986 г., а также в апреле и августе 1987 г. В качестве мотивов указывались риск, что обвиняемая скроется от правосудия, необходимость поддержания общественного порядка, но, начиная с решения, принятого 23 декабря, в качестве мотива более не упоминалась возможность оказания давления на свидетелей. В августе 1987 г. Летелье была предана суду и в марте 1988 г. приговорена к трем годам лишения свободы за соучастие в убийстве. Неделий позже она была освобождена, поскольку ей был автоматически зачтен срок предварительного заключения.

В своей жалобе в Комиссию Летелье утверждала, что период ее предварительного заключения превысил «разумный срок», предусмотренный частью 3 статьи 5 Конвенции, и что суды, поочередно рассматривавшие ее ходатайство об освобождении, поданное в январе 1986 г., не выносили решения «безотлагательно», как того требует часть 4 статьи 5.

Комиссия установила нарушение частей 3 и 4 статьи 5 Конвенции.

Выводы Суда

Суд постановил, что учитываемый период времени начался с июля 1985 г., т. е. в момент заключения Летелье под стражу, и закончился в

мае 1988 г., в день вынесения решения судом; из этого срока следует вычесть период, в течение которого она находилась на свободе под подпиской о невыезде, т. е. два года и девять месяцев. Национальные судебные органы должны в первую очередь следить за тем, чтобы в каждом конкретном случае срок предварительного заключения не превышал разумных пределов, и соответственно принимать во внимание все обстоятельства, имеющие значение для выяснения, имеется ли общественный интерес, который с учетом презумпции невиновности оправдывает отступление от принципа уважения личной свободы, и учесть это в решениях по ходатайствам об освобождении.

Именно на основе соображений, высказанных в вышеуказанных решениях, а также фактов, указанных в жалобах заявителей, Суд и должен определять, была ли нарушена часть 3 статьи 5 Конвенции. Наличие веских оснований подозревать арестованного в совершении преступления является условием правомерности содержания под стражей, но через некоторое время этого уже недостаточно для продолжения содержания под стражей, и тогда Суд должен установить, оправдывают ли остальные мотивы судебных органов лишение свободы. Если эти мотивы оказываются «соответствующими» и «достаточными», то Суд учитывает, кроме того, проявили ли компетентные национальные органы «должную тщательность» в ходе рассмотрения дела. Во всяком случае, после 23 декабря 1986 г. оспариваемое содержание под стражей уже не имело обоснованных и достаточных причин, поскольку

а) если реальная опасность оказания давления на свидетелей и могла существовать в начале расследования дела, то с течением времени она значительно уменьшилась и исчезла совсем, и после вынесения решения от 23 декабря 1986 г. (в котором об этой опасности не упоминается) содержание под стражей по этому основанию уже не оправдывалось;

б) опасность, что Летелье скроется от следствия, с самого начала не была очевидной, поскольку у нее есть несовершеннолетние дети и торговое заведение, являющееся единственным источником ее доходов, и она не пыталась скрыться в то время, когда была освобождена и находилась под надзором суда, и степень такой опасности должна оцениваться не только в свете тяжести возможного наказания, но и исходя из всех сопутствующих обстоятельств, способных либо подтвердить наличие этой опасности, либо свести ее до такого минимума, что предварительное заключение окажется неоправданным. При-

нятые же решения не содержат мотивировок, на основании которых можно было бы объяснить, почему не были приняты во внимание выдвинутые Летелье доводы и почему решающим обстоятельством была сочтена опасность того, что она скроется от правосудия;

с) если содержание под стражей продолжается только из-за опасения, что обвиняемый скроется от правосудия и не явится в суд, его тем не менее следует освободить из-под стражи, если он способен представить соответствующие гарантии, что не скроется от суда (например, внесет залог), и в данном случае не было установлено, что дело обстояло иначе, и

д) особая тяжесть некоторых преступлений может вызвать такую реакцию общества и такие социальные последствия, которые делают оправданным предварительное заключение, по крайней мере до тех пор, пока реальные факты свидетельствуют о том, что освобождение задержанного действительно нарушит общественный порядок, но в данном деле, продлевая содержание под стражей, суды опирались на чисто абстрактный довод, учитывая лишь тяжесть содеянного, но не тот факт, что родственники жертвы не протестовали против ее ходатайства об освобождении.

Поскольку решение об освобождении Летелье от 24 декабря 1985 г. было принято именно тем должностным лицом, которое лучше всех знало дело и могло оценить ситуацию и личность Летелье, суды в своих последующих решениях должны были более конкретно и точно и не столь формально указывать причины, по которым считали необходимым продлевать предварительное заключение, и, следовательно, имело место нарушение части 3 статьи 5 Конвенции. У Суда есть некоторые сомнения по поводу общего срока рассмотрения второго ходатайства Летелье об освобождении, в частности, апелляционным судом, который вынес постановление после кассационной жалобы; однако следует иметь в виду, что Летелье имела право подавать новые жалобы в любое время, и действительно за период с февраля 1986 по август 1987 г. она подала еще шесть жалоб, и все они были рассмотрены в течение восьми—двадцати дней. Таким образом, не было нарушения части 4 статьи 5 Конвенции. Требование Летелье о возмещении материального ущерба в сумме половины возможного оборота принадлежащего заявительнице кафе за период с момента ареста и до вынесения приговора судом должно быть отклонено, ибо весь срок предварительного заключения был засчитан в срок наказания. Что касается морального вреда, то Суд считает, что настоящее

решение как таковое является достаточным его возмещением. В качестве компенсации судебных издержек и расходов, понесенных в органах Конвенции, Летелье должна быть выплачена сумма в 21 433 франка.

БРАННИГАН И МАКБРАЙД ПРОТИВ СОЕДИНЕННОГО
КОРОЛЕВСТВА

BRANNIGAN and McBRIDE v. UNITED KINGDOM

Постановление от 26 мая 1993 г. Ser A No 258-B

Обстоятельства дела

Заявители, господин Бранниган и господин МакБрайд, жители Северной Ирландии.

Бранниган и МакБрайд были арестованы по подозрению в терроризме на основании закона, который позволяет производить арест лица без ордера в том случае, когда есть основание подозревать, что он имеет или имел отношение к совершению, подготовке или подстрекательству к террористической деятельности. Такой арест возможен на срок до семи дней при условии, что продление задержания в любой момент после первых двух дней должно быть санкционировано министром. Бранниган и МакБрайд содержались под стражей соответственно в течение шести и четырех дней и на протяжении своего заключения многократно подвергались допросу, были лишены возможности читать и писать, а также слушать радио и смотреть телевидение, но к ним были допущены их адвокаты (адвокат Браннигана был допущен к нему через 48 часов после его ареста), и их осматривал врач. Бранниган и МакБрайд были освобождены без предъявления обвинения. К моменту их заключения под стражу в стране, где они были арестованы, вступила в силу оговорка, сделанная в соответствии со статьей 15 Конвенции о защите прав человека и основных свобод — о временном отступлении страны от своих обязательств по Конвенции в связи с чрезвычайным положением, — о чем было сделано соответствующее заявление в Парламенте. Хотя государство, делая оговорку, заявило, что изучит возможность введения судебного контроля, позднее оно признало, что это оказалось невозможным. Хотя законность и обоснованность первоначального ареста и последующих решений о продлении содержания под стражей подозреваемых в терроризме могла контролироваться с помощью ходатайства

о применении habeas corpus (судебного приказа о доставлении арестованного к судье для подтверждения законности ареста), Бранниган и МакБрайд не прибегли к этому средству.

В своих жалобах заявители настаивали на нарушении части 3 статьи 5 Конвенции, поскольку после задержания они не были незамедлительно доставлены к судье, а также на нарушении части 5 статьи 5 Конвенции, поскольку они были лишены права на компенсацию, обладающего исковой силой, и на отсутствие эффективных средств правовой защиты.

Комиссия не установила нарушения части 3 статьи 5, части 5 статьи 5 Конвенции и не усмотрела отдельного предмета спора по статье 13 Конвенции.

Выводы Суда

Суд постановил, что он должен рассмотреть обоснованность отступления от требований статьи 5 Конвенции на основании статьи 15 Конвенции, превысило ли государство «ту степень мер, в какой они продиктованы чрезвычайностью обстоятельств» в условиях кризиса. Суд должен также учитывать такие важные факторы ситуации, как характер прав, на которые распространяется отступление от обязательств, причины, приведшие к чрезвычайному положению, и его длительность. Суд полагает, что нет никаких сомнений в том, что чрезвычайная ситуация тогда существовала. Право на продление задержания без судебного контроля и отступление от обязательств тесно связаны с продолжительностью чрезвычайной ситуации, и ничто не указывает на то, что отступление было не чем иным, как ответом на нее. Заявление об отступлении от обязательств по Конвенции ясно указывает, что «в обстановке обострения кампании террора и безусловной необходимости передать террористов правосудию Правительство не считает, что максимальный период задержания должен быть уменьшен. Тем не менее Правительство хотело «избрать такую судебную процедуру, при которой продление содержания под стражей можно было контролировать и в надлежащих случаях санкционировать судьей или другим магистратом», действительность отступления не может быть оспорена в силу лишь той причины, что Правительство решило изучить, мог ли быть найден в будущем способ обеспечить большее соответствие обязательствам по Конвенции. Такой постоянный процесс осмысления ситуации не только соответствует статье 15, требующей постоянно проверять, сохраняется ли

необходимость в чрезвычайных мерах, он также имплицитно соответствует принципу соразмерности. Учитывая необходимость более продолжительных сроков задержания при расследовании и преследовании по суду преступлений терроризма и угрозу подрыва независимости судей, участвующих в этих расследованиях, а также их уязвимость для нападений террористов, следует признать, что решение об отмене судебного контроля не выходило за рамки сферы усмотрения национальных властей.

Habeas corpus, право через 48 часов с момента ареста проконсультироваться с адвокатом, право сообщить родственникам или друзьям об аресте, право на доступ к услугам врача, а также контроль за действием оспариваемого законодательства являлись эффективным средством против произвола и содержания арестованных в изоляции от внешнего мира.

Принимая во внимание характер угрозы терроризма в Северной Ирландии, ограниченную сферу отступления от обязательств по Конвенции, существование основных гарантий против злоупотребления, Суд пришел к заключению, что Правительство не превысило предела усмотрения и что отступление строго диктовалось чрезвычайностью ситуации. Поскольку заявление Правительства в Парламенте о факте отступления носило официальный характер и сделало гласным намерение Правительства в отношении отступления обязательств по Конвенции, оно вполне соответствовало понятию официального заявления. Вступление в силу оговорки исключает возможность удовлетворения жалобы о нарушении части 3 и части 5 статьи 5. Нарушение статьи 13 не было, так как ее требования являются менее строгими, чем требования части 4 статьи 5, которая должна рассматриваться как *lex specialis* в отношении жалоб по статье 5.

ТОТ ПРОТИВ АВСТРИИ

TOTH v. AUSTRIA

Постановление от 12 декабря 1991 г.

Обстоятельства дела

Господин Тот был арестован по подозрению в мошенничестве с отягчающими обстоятельствами. Восемь ходатайств об освобождении из-под стражи, поданные им на протяжении двух последующих

лет, не были удовлетворены, и он продолжал содержаться в предварительном заключении по основанию наличия угрозы, что он скроется от правосудия и совершит новые правонарушения. В четырех случаях судья, ведущий следствие, запрашивал у апелляционного суда разрешение на продление срока следствия, мотивируя свои запросы сложностью дела, длительностью времени, необходимого для подготовки обвинительного заключения, и опасениями, что Тот скроется от правосудия и совершит новые правонарушения. Ни лица, пребывающие в предварительном заключении, ни их адвокаты не принимают участия в такого рода слушаниях. На слушании в апелляционном суде по жалобе на один из отказов в ходатайстве об освобождении суд отклонил жалобу заявителя, заслушав только сообщение обвинителя и его ответы на вопросы. Ни Тот, ни его адвокат не были вызваны в суд и не получили возможности выступить. В конце концов Тот был освобожден на определенных условиях по тому основанию, что за время, проведенное в заключении, существенно уменьшился риск его сокрытия от правосудия или совершения новых правонарушений. Всякий раз, когда суд рассматривал дело о содержании заявителя под стражей, он истребовал дело, и ведущий следствие судья лишался к нему доступа. В конце концов Тот был осужден, и срок предварительного заключения автоматически был вычтен из срока отбывания наказания. Тот жаловался на нарушение его прав по статье 5 Конвенции — длительность разбирательства.

Комиссия, признав приемлемой жалобу на длительность предварительного заключения и слушания дела в апелляционном суде, установила нарушение части 3 и 4 статьи 5 Конвенции.

Выводы Суда

Суд постановил, что учитываемый срок составил два года, начиная с момента ареста Тота и заканчивая его освобождением из-под стражи. Хотя законное содержание под стражей требует наличия обоснованного подозрения в совершении правонарушения, по истечении некоторого времени одного этого подозрения становится недостаточно для продления заключения. Поскольку существовали разумные основания опасаться уклонения Тота от правосудия и совершения им новых правонарушений, основания, по которым отклонялись его прошения об освобождении, были существенными и достаточными. Несмотря на то, что право находящегося под стражей обвиняемого

на безотлагательное решение по его делу не должно препятствовать усилиям судебных властей тщательно исполнять свой долг, в данном случае правонарушения (хотя и многочисленные) были достаточно ординарными и многократно повторяющимися, поэтому жалобы Тота едва ли могли существенно замедлить рассмотрение его дела. Поскольку передача в суд всех материалов дела (а не копий этих материалов) на различных стадиях рассмотрения жалоб Тота на содержание под стражей приводила к приостановке следствия, а тем самым к продлению срока заключения Тота, имело место нарушение части 3 статьи 5 Конвенции. Было бы не реалистично требовать от заключенного, не имеющего юридического образования, умения ясно провести границу между продлениями срока предварительного заключения апелляционным судом и длительностью самого разбирательства, и, таким образом, возражение, что Тот в течение положенных законом шести месяцев не протестовал против своего неучастия в апелляционных слушаниях, не обоснованно. Хотя для рассмотрения ходатайств об освобождении из-под стражи не требуется привлекать апелляционные инстанции, такая система, если уж она используется, должна предоставлять те же гарантии, что и слушания в судах первой инстанции, а поскольку в апелляционном суде Тоту не была предоставлена возможной образом оспаривать доводы в пользу дальнейшего содержания его под стражей, то имело место нарушение части 4 статьи 5 Конвенции. Однако часть 4 статьи 5 неприменима к слушаниям в апелляционном суде, проходящим по инициативе судьи, ведущего следствие, с целью получить санкцию на продление срока предварительного заключения, поскольку на них не решается вопрос о целесообразности и необходимости содержания обвиняемого под стражей и не проверяется законность его задержания. Требования заявителя о компенсации должны быть оставлены без удовлетворения, поскольку весь период предварительного заключения был засчитан ему в срок отбывания основного наказания, а настоящее решение как таковое является достаточным его возмещением нематериального ущерба.

БРИНКАТ ПРОТИВ ИТАЛИИ

BRINCAT v. ITALY

Постановление от 26 ноября 1992 г.

Обстоятельства дела

Господин Бринкат, адвокат, был арестован за владение собственностью, составившей часть выплаченного похитителям выкупа, и заместитель окружного прокурора, допросив Бринката, санкционировал его арест. Затем прокурор приступил к предварительному следствию, но в конце концов заявил, что по территориальному признаку дело не находится в его юрисдикции. Тогда ордер на арест Бринката был издан прокурором другого округа, и Бринкат был взят под стражу там. Окружной суд впоследствии освободил его за недостаточностью улик, но прокурор подал протест. Бринкат в своей жалобе утверждал, что его арест не был санкционирован должностным лицом, уполномоченным законом осуществлять судебные функции, а в заключении он подвергался бесчеловечному обращению.

Комиссия сочла, что жалоба на нарушение статьи 3 неприемлема, но установила нарушение части 3 статьи 5.

Выводы Суда

Суд постановил, что он не правомочен рассматривать жалобы на нарушение статей 3 и части 3 статьи 5 Конвенции, поскольку они выходят за пределы, в которых Комиссия сочла данное дело приемлемым. Поскольку существуют объективные признаки того, что заместитель прокурора, санкционировавший арест Бринката, мог вмешаться в дальнейшее разбирательство дела, возникают обоснованные сомнения в его беспристрастности. Тот же факт, что впоследствии дело оказалось не относящимся к его юрисдикции, не существен. Подобные же возражения можно привести по поводу действий прокурора другого округа, который не допросил Бринката «незамедлительно» перед выдачей ордера на его арест. Таким образом, имеет место нарушение части 3 статьи 5 Конвенции. Поскольку невозможно доказать, что арест не был санкционирован должностным лицом, уполномоченным законом осуществлять судебные функции, — не существует причинной связи между нарушением Конвенции и материальным ущербом, но Бринкату следует выплатить 1 000 лир в качестве возмещения ущерба его репутации и морального вреда.

КАМПАНИС ПРОТИВ ГРЕЦИИ

KAMPANIS v. GREECE

Постановление от 24 июля 1995 г.

Обстоятельства дела

Господин Кампанис был взят под стражу в декабре 1988 г. по подозрению в мошенничестве. В июле 1989 и мае 1990 г. против него были выдвинуты и другие обвинения, в связи с которыми также было назначено содержание в предварительном заключении. Он безуспешно ходатайствовал об освобождении под залог в июле 1989 г., июне 1990 г., сентябре 1990 г. и в марте 1991 г. В сентябре 1990 г. Кампанис не ходатайствовал о разрешении на личную явку в суд, однако в его ходатайстве от декабря 1990 г. такая просьба содержалась. Тем не менее его просьба была отклонена по мотивам отсутствия необходимости в его личном участии в судебном заседании ввиду обширности поданных им ходатайств и отсутствия у следствия новых материалов, а также потому, что ходатайство подавалось с нарушением сроков.

В ходатайстве, поданном в январе 1991 г., Кампанис указывал, что, поскольку его содержание под стражей основывается на нескольких следовавших друг за другом судебных постановлениях и каждое из них заново определяет дату, с которой отсчитывается срок его заключения, он содержится в заключении без санкции суда уже двадцать пять месяцев, тогда как Конституция устанавливает максимальный срок предварительного заключения в двенадцать месяцев. Чтобы изложить свои доводы, он требовал допустить его к участию в судебном заседании вместе с его адвокатом. Однако его ходатайство было отклонено на том основании, что такое участие возможно только при рассмотрении дела по существу или в том случае, если это специально оговорено в законе. Суд заслушал прокурора. Сам Кампанис смог обратиться к суду только при рассмотрении его ходатайства в марте 1991 г. В конечном итоге он был освобожден в ноябре 1991 г. после признания его виновным в нескольких мошенничествах. По апелляции его приговор был снижен до срока, который оказался на пять месяцев короче, чем срок его предварительного заключения. Нормы Уголовно-процессуального кодекса, относящиеся к продлению срока предварительного заключения, не содержат прямого указания на возможность для обвиняемого лично присутствовать в суде, но другая норма того же кодекса разрешает это.

Комиссия установила нарушение части 4 статьи 5 Конвенции в отношении ходатайства об освобождении, поданного в январе 1991 г.

Выводы Суда

Суд постановил, что хотя в решении о приемлемости не исследовалось ходатайство от сентября 1990 г., Суд уполномочен рассматривать любой вопрос факта, который может возникнуть в связи с рассмотрением того или иного дела, и решение Суда может не совпасть с выводами Комиссии. У Суда не было необходимости рассматривать этот аспект дела по собственной инициативе, поскольку в жалобе, направленной в Комиссию, Кампанис не выделяет каких-то отдельных слушаний, а ходатайство, поданное в сентябре 1990 г., не содержало просьбы о личной явке в суд. Поскольку ходатайство от декабря 1990 г. было подано с нарушением установленных сроков, Кампанис не мог жаловаться на нарушение принципа равенства сторон в связи с соответствующими слушаниями. Не было дано убедительного объяснения, почему не было применено положение Уголовно-процессуального кодекса, разрешающее явку заключенного в суд.

Принимая во внимание: а) постоянные ходатайства прокурора о продлении срока содержания Кампаниса под стражей, б) длительность нахождения его под стражей и с) выдвигаемые Кампанисом доводы, что его заключение нарушает конституционные нормы и Конвенцию — принцип равенства сторон в процессе, требовал, чтобы Кампанису была дана возможность появиться в суде одновременно с прокурором и ответить на его доводы. Поскольку примененные к данному случаю нормы не разрешали этого, имело место нарушение части 4 статьи 5 Конвенции. Когда при рассмотрении ходатайства от марта 1991 г. Кампанису и его адвокату было позволено явиться в суд, часть 4 статьи 5 Конвенции не была нарушена. Не было установлено причинной связи между нарушениями прав Кампаниса и потерями Кампаниса в заработной плате в течение срока его заключения. Установление факта нарушения прав Кампаниса само по себе составляет достаточную компенсацию причиненного ему нематериального ущерба. Кампанису должно быть выплачено 1,4 млн греческих драхм в качестве возмещения его затрат и издержек.

ВИНТЕРВЕРП ПРОТИВ НИДЕРЛАНДОВ

WINTERWERP v. THE NETHERLANDS

Постановление от 24 октября 1979 г.

Обстоятельства дела

Господин Винтерверп — житель Нидерландов. В 1956 г. он вступил в брак, в результате которого родилось несколько детей. В 1968 г. он по распоряжению бургомистра был помещен в психиатрическую больницу, где находился три недели. Через шесть недель он был снова помещен в эту больницу, на этот раз по просьбе жены и с согласия мирового судьи. Впоследствии по инициативе жены, а затем и прокурора его пребывание в больнице ежегодно продлялось судом по заключениям лечащего врача.

Винтерверп возражал против нахождения в психиатрической больнице. Он жаловался, что не знаком с касающимися его юридически документами, не может пользоваться юридической помощью и оспорить медицинские заключения. Он возражал и против того, что был лишен дееспособности.

Винтерверп четыре раза обращался в суд, требуя освобождения. В 1969 г. окружной суд заслушал его, но отклонил его требование. В 1971, 1972 и 1973 гг. прокурор сам отклонил его обращения как лишённые какой-либо перспективы на успех, без передачи их в окружной суд.

Находясь в психиатрической лечебнице, Винтерверп, признанный недееспособным, не мог распоряжаться своей собственностью. Собственностью Винтерверпа сначала распорядилась его жена, затем управляющий, назначенный судом в 1971 г.

Выводы Суда

Суд постановил, что часть 1 статьи 5 Конвенции, очевидно, не может рассматриваться как разрешение содержания под стражей лица только потому, что его взгляды или поведение не соответствуют нормам, преобладающим в данном обществе. Это не соответствовало бы также предмету и цели статьи части 1 статьи 5, а именно: гарантировать, чтобы никто не был лишен свободы в результате произвольных действий (решение по делу Лоулесса от 1 июля 1961 г., решение по делу «Энгель и другие»); более того, в этом случае игнорировалось

бы значение права на свободу в демократическом обществе (см. решение по делу «Де Вильде, Оомс и Версип против Бельгии» от 18 июня 1971 г. и решение по делу «Энгель и другие»).

Человек, который содержится в изоляции в соответствии с нидерландским Законом о лицах, страдающих психическими расстройствами, в принципе подпадает под действие статьи 5(1) «е».

За исключением случаев крайней необходимости человек не должен лишаться свободы до тех пор, пока не будет убедительно доказано, что он действительно является «душевнобольным», что может быть подтверждено объективной медицинской экспертизой; психическое расстройство должно быть такого характера или степени, которые оправдывали бы обязательное лишение свободы.

Обоснованность длительного лишения свободы зависит от стойкости такого расстройства при изучении вопроса, касающегося «законности» задержания в соответствии с целями статьи 5(1) «е».

События, которые послужили поводом для помещения в больницу, по своему характеру вполне оправдывают «безотлагательное» помещение в больницу, предусмотренное в то время внутренним законодательством. Нет никаких указаний на то, что оспариваемое лишение свободы было осуществлено с противоправной целью, таким образом, лишение Винтерверпа свободы во время всех рассматриваемых периодов времени представляет собой «законное задержание» душевнобольного по смыслу статьи 5(1) «е». Заявитель принудительно содержался в больнице «в порядке, установленном законом».

Право психически больного на лечение, соответствующее его состоянию, само по себе не следует из статьи 5(1) «е» Конвенции. Нарушение части 1 статьи 5 не имело места.

Важно, чтобы заинтересованное лицо имело доступ к суду и возможность быть выслушанным лично или через какую-либо форму представительства, без чего оно будет лишено «основных процессуальных гарантий, применяемых в делах, связанных с лишением свободы». Психическое заболевание может быть причиной ограничения или изменения способа осуществления права на обращение в суд, но оно не может служить оправданием нарушения самой сути этого права. Гарантии, предусмотренные в части 4 статьи 5 Конвенции, отсутствовали как во внутреннем законодательстве, так и на практике.

Процедура, которой следовали и мировой, и окружной суды при принятии решений по ходатайствам о задержании Винтерверпа, не предоставляла ему «право на обращение в суд» в том смысле, как об

этом говорит часть 4 статьи 5. Не умаляя значимости многих гарантий, предоставляемых Законом о лицах, страдающих психическими расстройствами, Суд считает, что упомянутая процедура не отвечает требованиям части 4 статьи 5. Различные решения, предписывавшие или санкционировавшие принудительное содержание Винтерверпа в больнице, исходили от органов, которые либо не обладали характеристиками «суда», либо не сумели предоставить судебные гарантии, требуемые частью 4 статьи 5.

Заявитель также не имел доступа к «суду», когда рассматривались его ходатайства об освобождении, за исключением его первого ходатайства, которое было отклонено окружным судом в феврале 1969 г. Следовательно, в отношении Винтерверпа была нарушена часть 4 статьи 5.

КАЛАШНИКОВ ПРОТИВ РОССИИ

KALASHNIKOV v. RUSSIA¹

Решение ЕСПЧ от 15 июля 2002 г.

Обстоятельства дела

Заявитель родился в 1955 и живет в Москве. В период, относящийся к жалобе, он был президентом Северо-Восточного акционерного банка. 8 февраля 1995 г. против него было возбуждено уголовное дело. 29 июня 1995 г. заявитель был взят под стражу и по 20 октября 1999 содержался в СИЗО ИЗ-47/1 города Магадана (следственный изолятор № 1). Приговором Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г. заявитель был признан виновным в присвоении (растрате) и приговорен к отбытию наказания в местах лишения свободы.

4 июля 1995 г., 31 августа 1995 г. и 26 сентября 1995 г. адвокат заявителя направлял жалобы на постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу в Магаданский городской суд, который отказал в их удовлетворении 14 июля 1995, 9 сентября 1995 и 4 ноября 1995 соответственно.

Заявитель настаивает на том, что с августа по ноябрь 1995 г. никакого следствия по делу не проводилось, поскольку оба следова-

¹ Полный текст перевода на русский язык см. на сайте ОО «Сутяжник» <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/kalashnikov.htm>

теля, занимающиеся делом, были в отпуске, а лицо, которому дело было временно передано, не предприняло никаких действий. 14 декабря 1995 г. заявителю были предъявлены 8 дополнительных пунктов обвинения, относящихся к присвоению средств банка. 6 февраля 1996 г. предварительное следствие по делу было завершено и дело было направлено в Магаданский городской суд. 1 марта 1996 г. заявитель направил в городской суд ходатайство об освобождении его из-под стражи, в удовлетворении которого было отказано 27 марта 1996 г. В связи с направлением дела на дополнительное расследование заявитель продолжал содержаться под стражей. 16 мая 1996 г. заявитель направил жалобу об отмене постановления о заключении его под стражу в городской суд, в которой он указывал, что он содержится в невыносимых условиях и состояние его здоровья ухудшилось. В удовлетворении жалобы было отказано 26 мая 1996 г. В течение всего срока содержания под стражей заявитель регулярно обращался с ходатайствами об отмене меры пресечения в виде заключения под стражу, судом в удовлетворении ходатайств отказывалось постоянно по тем основаниям, что преступление, в котором обвинялся заявитель, было тяжким и из-за того, что существовала возможность воспрепятствования установлению истины по делу со стороны заявителя.

Ратификационная грамота Российской Федерации от 05 мая 1998 г. содержит следующие оговорки: «в соответствии со ст. 64 Конвенции Российская Федерация заявляет, что положения статьи 5 параграфы 3 и 4 не препятствуют применению нижеследующих положений законодательства Российской Федерации: санкционированного абзацем 2 п. 6 раздела второго Конституции РФ 1993 г. временного применения, установленного ч. 1 ст. 11, ч. 1 ст. 89, ст. 90, 92, 96, 96.1, 96.2, 97, 101 и 122 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР от 27 октября 1960 г., с последующими изменениями и дополнениями порядка ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления».

Выводы Суда

Суд постановил, что оговорка, содержащаяся в статье 97 Уголовно-процессуального кодекса РФ, согласно которой лицо может быть заключено под стражу до 18 месяцев в течение следствия по уголовному делу с санкции прокурора, касается процедуры применения меры пресечения в виде заключения под стражу, в то время как жалоба заявителя относится к длительности задержания как такового, а не ос-

паривает его законность, следовательно, оговорка неприменима в данном деле. При определении длительности задержания по части 3 статьи 5 Конвенции период, который должен приниматься во внимание, начинается с даты, когда обвиняемый был взят под стражу, и заканчивается днем, когда лицо признано виновным, хотя бы только судом первой инстанции (см. решение по делу *Wemhoff v. Germany* от 27 июня 1968 и *Labita v. Italy*).

В данном деле задержание началось 29 июня 1995 г. и закончилось 3 августа 1999 г., когда лицо было осуждено Магаданским городским судом; следующие обвинения не влияют на период заключения, так как в последующий период заявитель отбывал наказание в соответствии со статьей 5(1) «а» Конвенции.

Общий период заключения заявителя, который должен приниматься во внимание, составил 4 года 1 месяц и 4 дня.

Поскольку период до 5 мая 1998 г. относится к периоду вне юрисдикции Суда по критерию времени, Суд может рассматривать период в 1 год 2 месяца и 29 дней, которые прошли между этим периодом и приговором Магаданского городского суда от 3 августа 1999 г.; однако во внимание должен быть принят период с 29 июня 1995 г. по 5 мая 1998 г., поскольку заявитель уже к этому моменту находился под стражей 2 года 10 месяцев 6 дней (решение по делу *Mansur v. Turkey* от 08 июня 1995 г.).

Основной причиной, по которой заявитель был заключен под стражу, было то, что национальные власти считали, что он способен препятствовать следствию в установлении истины по делу, поскольку отказывался предоставить банковские документы, необходимые следствию, оказывал давление на свидетелей и, предположительно, фальсифицировал доказательства. Наличие обоснованного подозрения об участии лица в преступлении хотя и может рассматриваться как надлежащий критерий, но сам по себе не может быть основанием длительного заключения под стражу (см., например, дело *Scott v. Spain*). Относительно опасности препятствования установлению истины по делу со стороны заявителя Суд отмечает, что в постановлениях Магаданского городского суда нет никаких ссылок на факты, способные доказать, что эта опасность основывалась на действительных обстоятельствах, имевших место в тот период. Угроза препятствования следствию наряду с подозрением в совершении преступления, как основание для содержания под стражей, неизбежно стала менее обоснованной по ходу процесса и завершению собирания доказательств.

Таким образом, Суд находит, что основания, по которым властные органы считали содержание заявителя под стражей необходимым, хотя и было обоснованным и существенным на первоначальном этапе, со временем потеряло свое значение. Длительность процесса не была вызвана ни сложностью процесса, ни поведением заявителя. Принимая во внимание оценку, данную следствию, и постоянные отложения процессов, Суд считает, что власти не действовали с необходимой оперативностью. Период, проведенный заявителем под стражей после передачи дела в суд, превышал «разумный срок», что является нарушением части 3 статьи 5 Европейской конвенции.

СМИРНОВЫ ПРОТИВ РОССИИ

SMIRNOVA v. RUSSIA²

Постановление от 24 июля 2003 г.

Обстоятельства дела

Заявительницы Елена Павловна (далее — Е. С.) и Ирина Павловна Смирновы (далее — И. С.) — сестры-близняшки. Они российские граждане, родились в 1967 г. и проживают в г. Москве. 5 февраля 1993 г. против заявительниц были возбуждены уголовные дела по подозрению в мошенничестве при получении кредита в московском банке. 26 августа, как указывали заявительницы, 27 августа 1995 г., как указывало Правительство, Е. С. была арестована и заключена под стражу. Несколькими днями позже, 31 августа 1995 г., ей было предъявлено обвинение в мошенничестве в крупном размере. Дело неоднократно приостанавливалось и возвращалось на дополнительное расследование.

9 января 2002 г. Тверской суд признал заявительниц виновными и приговорил Е. С. к лишению свободы на восемь лет с конфискацией имущества, а И. С. — к лишению свободы на шесть лет с конфискацией имущества. 9 апреля 2002 г. Московский городской суд отменил приговор суда и прекратил производство по делу заявительниц в связи с истечением срока давности.

² Полный текст перевода на русский язык см. на сайте ОО «Сутяжник» <http://www.sutyajnik.ru/rus/echr/judgments/smironova.htm>

В период расследования заявительницы неоднократно заключались под стражу: Е. С. содержалась под стражей 4 раза в общей сложности более 4 лет и 3 месяцев; И. С. содержалась под стражей также 4 раза в общей сложности более 1 года и 6 месяцев.

У И. С. был изъят паспорт в период с 26 августа 1995 г. по 6 октября 1999 г. Из-за отсутствия паспорта у Е. С. постоянно возникали проблемы. В декабре 1997 г. и апреле 1998 г. служба социального обеспечения г. Москвы и юридическая фирма отказали ей в приеме на работу, потому что она не имела паспорта. В декабре 1997 г. в поликлинике г. Москвы Е. С. сказали, что бесплатное медицинское обслуживание может быть предоставлено ей только при наличии страхового полиса и паспорта. По той же самой причине в апреле 1998 г. Московская телефонная компания отказалась устанавливать телефон дома у Е. С. 2 июня 1998 г. сотрудники нотариальной конторы г. Москвы уведомили Е. С., что ей необходимо подтвердить свою личность, например паспортом, если она желает получить нотариально удостоверенные документы. 10 декабря 1998 г. Е. С. отказано в регистрации брака. 19 марта 1999 г. она была остановлена милицейским патрулем для удостоверения личности. Поскольку она не смогла предъявить паспорт, она была доставлена в отделение милиции, и ей пришлось оплатить административный штраф.

Выводы Суда

Суд постановил, что положения статьи 5(1) «с» Конвенции должны рассматриваться в совокупности с положениями части 3 статьи 5 (решение по делу *Ciulla v. Италия* от 22 февраля 1989).

Лицо, обвиняемое в совершении преступления, должно быть освобождено до суда, если государство не сможет доказать, что имеются «существенные и достаточные» причины для продления срока задержания (решение по делу *Wemhoff v. Германия* от 27 июня 1968; решение по делу *Yagci u Sargin v. Турция* от 8 июня 1995).

Отказ в освобождении лица под залог возможен при наличии риска, что обвиняемый не явится на судебное заседание (решение по делу *Stogmuller v. Австрия* от 10 ноября 1969) или что обвиняемый, находясь на свободе, воспрепятствует отправлению правосудия (решение по делу *Wemhoff v. Германия*), или продолжит преступную деятельность (решение по делу *Matznetter v. Австрия* от 10 ноября 1969), или его действия приведут к общественному беспорядку (решение по делу *Letellier v. Франция* от 26 июня 1991).

Когда подозреваемый находится под следствием, он имеет право на рассмотрение его дела в приоритетном порядке и с должным вниманием (решение по делу *Matznetter v. Австрия*). Период содержания Е. С. в течение 2 лет и 15 дней подпадает под компетенцию Суда в соответствии с критерием времени (*ratione temporis*); период содержания И. С. 1 год 6 месяцев и 16 дней подпадает под компетенцию Суда.

Причины, указанные национальными властями в обоснование арестов, не кажутся достаточными для оправдания содержания под стражей заявителец. Решения судов об избрании меры пресечения, которые Суд имеет в своем распоряжении, отличаются краткостью и не описывают подробно ситуацию по делу заявителец. Таким образом, неоднократное заключение под стражу заявителец в ходе расследования одного уголовного дела на основании недостаточно аргументированных решений являются нарушением части 1, части 3 статьи 5 Европейской конвенции. Суд присуждает 3 500 евро Е. С. и 2 000 евро И. С. в качестве компенсации морального вреда и 1 000 евро на судебные расходы и издержки, остальные требования заявителец по справедливой компенсации отклонены.

Приложение 3

**РЕШЕНИЯ ЕВРОПЕЙСКОГО СУДА
ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА**

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО РАКЕВИЧ ПРОТИВ РОССИИ¹
(№ 58973/00)**Решение**Страсбург
28 октября 2003

Данное решение станет окончательным при обстоятельствах, установленных статьей 44 § 2 Конвенции. Оно может подлежать редакционной правке.

В деле Ракевич против России,
Европейский суд по правам человека (вторая секция), заседая Палатой, состоящей из:

Мистера J.-P. Costa, *президента,*
мистера A. V. Baka,
мистера K. Jungwiert,
мистера V. Butkevych,
миссис W. Thomassen,
мистера M. Ugrekheldze,
мистера A. Kovler, *судей,*
и миссис S. Dollé, секретаря секции,

Совещаясь 17 июня и 7 октября, вынес следующее решение, принятое последней указанной датой:

¹ Перевод с английского А. В. Деменевой.

ПРОЦЕДУРА

1. Дело было инициировано жалобой (№ 58973/00) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») мисс Тамарой Николаевной Ракевич («заявитель») 8 июня 2000 года.

2. Заявитель, которому была предоставлена правовая помощь, была представлена в Суде мисс Анной Деменевой и позже мистером Ершовым, юристами, практикующими в Екатеринбурге. Российское Правительство («Правительство») было представлено мистером Павлом Лаптевым, представителем Российской Федерации в Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель утверждала, что ее недобровольное помещение в психиатрический стационар было несовместимо с требованиями статьи 5 Конвенции.

4. Жалоба была распределена во второй секции Суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). Внутри этой секции Палата, которая должна рассматривать дело (27 § 1 Конвенции), была сформирована в соответствии с Правилom 26 § 1 Регламента Суда.

5. 1 ноября 2001 года Суд сменил состав Секций (Правило 25 § 1 Регламента Суда). Это дело было передано во вновь созданную вторую секцию (Правило 52 § 1 Регламента Суда).

6. Решением от 5 марта 2002 Суд признал жалобу приемлемой.

7. Публичное слушание дела по существу состоялось в Европейском суде по правам человека в Страсбурге 17 июня 2003 (Правило 59 § 3 Регламента Суда).

(a) *Со стороны Правительства в Европейском суде присутствовали:*

Мистер Павел Лаптев, представитель Российской Федерации в Европейском суде по правам человека,

мистер Ю. Берестнев,
мистер В. Пирожков,
мистер С. Шишков,
мисс Д. Михалина, советники,

(b) *со стороны заявителя*

Мисс А. Деменева, представитель,
мистер Б. Петранов,
мисс В. Вандова, советники.

Суд заслушал объяснения мисс Деменевой, мистера Петранова и мистера Лаптева.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

8. Заявитель родилась в 1961 году и проживает в Екатеринбурге.

A. Помещение заявителя в психиатрический стационар

9. 25 сентября 1999 заявитель пришла в гости к своей знакомой М.

10. В соответствии с фактами, представленными заявителем, она всю ночь не спала, читала Библию и делилась своими религиозными взглядами. 26 сентября 1999 М., оскорбленная взглядами заявителя, вызвала скорую помощь, чтобы увезти ее в психиатрический стационар. Растерянная от прибытия скорой помощи заявитель попросила у М. объяснений, но бригада скорой помощи потребовала от заявителя, чтобы она следовала за ними.

11. Согласно утверждениям Правительства знакомая заявительницы встретила ее на улице за день до событий и, обеспокоенная ее необычным поведением, привела ее к себе домой, чтобы о ней позаботиться. Заявительница не спала всю ночь, звала свою мать (которая живет в Казахстане) и галлюцинировала. В связи с этим знакомая вынуждена была вызвать скорую помощь.

12. Заявительница была увезена бригадой скорой помощи в городскую больницу г. Екатеринбурга номер 26. Дежурный врач посчитал, что она страдает тяжелым психическим заболеванием, сопровождаемым симптомами страха, беспокойства и дезориентации, что представляет опасность для заявительницы и окружающих. Заявительница плакала и не хотела идти на контакт с врачом.

13. 26 сентября 1999 года стационар направил в суд заявление о вынесении постановления о недобровольной госпитализации заявителя.

14. Два дня спустя, 28 сентября 1999 года, медицинская комиссия установила, что заявитель страдает параноидальной шизофренией, и подтвердила, что заявитель должна пройти лечение в стационаре. В соответствии с утверждениями врачей, находясь в стационаре, заявитель оставалась подозрительной и рассеянной. Она скрывала свои эмоции и не объясняла своего поведения, которое стало основанием

для госпитализации. Она обвиняла сотрудников больницы в хищении ее вещей. Заявитель настаивала, что ее госпитализация была вызвана действиями знакомой, которая была членом религиозной секты и собиралась ее в эту секту привлечь. Не доверяя врачам, заявительница отказывалась от лечения. Она была неопрятна, могла носить по три кофты одновременно и не раздевалась перед сном. Заявительница также отказывалась мыться в страхе перед простудой и писала жалобы, которые прятала в нижнем белье. В то время, согласно медицинской документации, она оставалась эмоционально холодной и манерной.

B. Судебный контроль за госпитализацией

15. 5 ноября 1999 года Орджоникидзевский районный суд Екатеринбурга, проведя судебное слушание в психиатрическом стационаре, подтвердил, что госпитализация была необходима, так как заявитель страдала от приступа параноидальной шизофрении. В своих выводах суд полагался на оценку, данную сотрудниками стационара, что ухудшение состояния здоровья заявителя ставило в опасность ее физическую целостность и что она была невменяема. Представители стационара также указывали, что заявитель была привезена в стационар бригадой скорой медицинской помощи в невменяемом состоянии и что она «не спала всю ночь, читала Библию и плакала». Коллега заявителя по работе, допрошенный в качестве свидетеля, указал, что заявитель нелегко шла на контакт и писала частые жалобы о якобы предубежденном отношении к ней ее коллег.

16. В жалобе также заявлялось, что представитель заявителя не имел доступа к медицинским документам ни до, ни во время слушания, несмотря на ходатайства.

17. 11 ноября 1999 года заявитель обжаловала решение от 5 ноября. Заявитель утверждала, что не могла подать мотивированную кассационную жалобу, поскольку в то время текст мотивированного судебного решения не был ей предоставлен.

18. 24 декабря 1999 года Свердловский областной суд отказал в удовлетворении кассационной жалобы заявительницы, подтвердив, что госпитализация заявительницы была необходимой. Однако суд установил, что заявительница более не нуждается в неотложном лечении, имеет работу, является матерью несовершеннолетнего ребенка и уже провела в стационаре значительный период времени.

II. НАЦИОНАЛЬНОЕ ЗАКОНОДАТЕЛЬСТВО

Основные принципы оказания психиатрической помощи в России регулируются Законом «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании, принятом в 1992 году.

Статья 29 данного Закона устанавливает основания недобровольной госпитализации в психиатрический стационар:

Статья 29. Основания для госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке

Лицо, страдающее психическим расстройством, может быть госпитализировано в психиатрический стационар без его согласия или без согласия его законного представителя до постановления судьи, если его обследование или лечение возможно только в стационарных условиях, а психическое расстройство является тяжелым и обуславливает:

- а) его непосредственную опасность для себя или окружающих, или
- б) его беспомощность, т. е. неспособность самостоятельно удовлетворять основные жизненные потребности, или
- в) существенный вред его здоровью вследствие ухудшения психического состояния, если лицо будет оставлено без психиатрической помощи.

Статья 32 Закона определяет процедуру освидетельствования лиц, недобровольно помещенных в психиатрический стационар:

Статья 32. Освидетельствование лиц, помещенных в психиатрический стационар в недобровольном порядке

1) Лицо, помещенное в психиатрический стационар по основаниям, предусмотренным статьей 29 настоящего Закона, подлежит обязательному освидетельствованию в течение 48 часов комиссией врачей-психиатров психиатрического учреждения, которая принимает решение об обоснованности госпитализации. В случаях когда госпитализация признается необоснованной и госпитализированный не выражает желания остаться в психиатрическом стационаре, он подлежит немедленной выписке.

2) Если госпитализация признается обоснованной, то заключение комиссии врачей-психиатров в течение 24 часов направляется в суд по месту нахождения психиатрического учреждения для решения вопроса о дальнейшем пребывании лица в нем.

Статья 33. Обращение в суд по вопросу о госпитализации в недобровольном порядке

1) Вопрос о госпитализации лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке по основаниям, предусмотренным статьей 29 настоящего Закона, решается в суде по месту нахождения психиатрического учреждения.

2) Заявление о госпитализации лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке подается в суд представителем психиатрического учреждения, в котором находится лицо.

К заявлению, в котором должны быть указаны предусмотренные законом основания для госпитализации в психиатрический стационар в недобровольном порядке, прилагается мотивированное заключение комиссии врачей-психиатров о необходимости дальнейшего пребывания лица в психиатрическом стационаре.

3) Принимая заявление, судья одновременно дает санкцию на пребывание лица в психиатрическом стационаре на срок, необходимый для рассмотрения заявления в суде.

Статья 34. Рассмотрение заявления о госпитализации в недобровольном порядке

1) Заявление о госпитализации лица в психиатрический стационар в недобровольном порядке судья рассматривает в течение пяти дней с момента его принятия в помещении суда либо в психиатрическом учреждении.

2) Лицу должно быть предоставлено право лично участвовать в судебном рассмотрении вопроса о его госпитализации. Если по сведениям, полученным от представителя психиатрического учреждения, психическое состояние лица не позволяет ему лично участвовать в рассмотрении вопроса о его госпитализации в помещении суда, то заявление о госпитализации рассматривается судьей в психиатрическом учреждении.

3) Участие в рассмотрении заявления прокурора, представителя психиатрического учреждения, ходатайствующего о госпитализации, и представителя лица, в отношении которого решается вопрос о госпитализации, обязательно.

Статья 35. Постановление судьи по заявлению о госпитализации в недобровольном порядке

1) Рассмотрев заявление по существу, судья удовлетворяет либо отклоняет его.

2) Постановление судьи об удовлетворении заявления является основанием для госпитализации и дальнейшего содержания лица в психиатрическом стационаре.

3) Постановление судьи в десятидневный срок со дня вынесения может быть обжаловано лицом, помещенным в психиатрический стационар, его представителем, руководителем психиатрического учреждения, а также организацией, которой законом либо ее уставом (положением) предоставлено право защищать права граждан, или прокурором в порядке, предусмотренном Гражданским процессуальным кодексом РСФСР.

Статьи 47-1 и 48-1 Закона предусматривают право пациента обжаловать неправомерные действия медицинских работников при оказании психиатрической помощи.

Глава 24-1 Гражданского процессуального кодекса РСФСР определяет процедуру судебного рассмотрения административных дел.

ВОПРОСЫ ПРАВА

1. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 1 (е) КОНВЕНЦИИ

19. Заявитель указывала, что ее помещение в психиатрический стационар нарушало статью 5 § 1 (е) Конвенции, которая устанавливает:

«1. Каждый имеет право на свободу и личную неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и порядке, установленном законом:

(е) законное заключение под стражу душевнобольных...»

А. Аргументы сторон

1. Заявитель

20. Заявитель указывала, что в момент госпитализации не имелось достоверных медицинских данных о том, что она является душевнобольной. Ранее у нее не было никаких психических проблем и не было установлено никаких психических заболеваний. Более того, в свободное время она занималась альпинизмом, имеет спортивный разряд по данному виду спорта, что было бы невозможно, если бы у нее были психические отклонения.

21. Заявитель также указала, что обстоятельства ее госпитализации не могут считаться требующими неотложной госпитализации. Основания, которые называет Орджоникидзевский районный суд в

качестве обоснования законности госпитализации — то, что она была в невменяемом состоянии, не спала всю ночь, читала Библию и плакала, ранее писала частые жалобы, — были преувеличены и даже отдаленно не представляли собой оснований для немедленной госпитализации в психиатрический стационар. Заявитель указывала, что ее поведение не было агрессивным и не угрожало ни ее безопасности, ни безопасности окружающих. По мнению заявителя, проведение времени в религиозных разговорах с приятельницей не могло угрожать безопасности, во всяком случае — безопасности окружающих.

22. Заявитель утверждала далее, что ее госпитализация не была «законной» по ряду оснований. Первое, ни Закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», ни какие-либо другие законы не дают определения понятию «представлять опасность для себя» — главного основания ее госпитализации. В связи с этим данный критерий трактуется слишком широко, а потому закон не соответствует требованиям Конвенции правовой определенности и предсказуемости. Второе, Закон не обеспечивает эффективных гарантий от произвольной госпитализации, так как не устанавливает требования о независимом медицинском осмотре госпитализированного лица. Наконец, Орджоникидзевский районный суд рассмотрел дело только через 39 дней после госпитализации, вместо требуемых по закону 5 дней.

2. Правительство

23. Правительство настаивало на том, что заявительница была признана душевнобольной к моменту госпитализации ее в психиатрический стационар. Врач скорой помощи и дежурный врач стационара указали, что заявитель находилась в остром психотическом состоянии, сопровождаемом растерянностью, страхом и психомоторным возбуждением.

24. Правительство также указывало, что состояние заявительницы в ночь перед госпитализацией могло рассматриваться как необходимость оказания срочной психиатрической помощи. В соответствии с медицинскими сведениями, на которых основывалось Правительство, состояние заявительницы было таким, что только срочная госпитализация могла предотвратить опасность, которую заявитель представляла для себя и окружающих.

25. Правительство согласилось с тем фактом, что срок, установленный законом для судебного контроля за законностью задержа-

ния, не был соблюден. Однако ничего не говорит о том, что такая задержка повлекла ущерб здоровью заявительницы.

В. Оценка Суда

1. Являлась ли заявительница «душевнобольной»

26. Суд напоминает, что термин «душевнобольной» не имеет четкого определения, поскольку психиатрия — это сфера, включающая в себя и медицинские, и социальные факторы. Однако этот термин не может быть использован таким образом, чтобы позволить госпитализировать лицо в недобровольном порядке только потому, что его взгляды и поведение отклоняются от общепринятых норм (см. решение по делу *Winterwerp v. the Netherlands* от 24 октября 1979, Series A no. 33, § 37).

27. Более того, для того чтобы были соблюдены требования «законности» лишения свободы по смыслу статьи 5 § 1 (е) Конвенции, должны соблюдаться три основных принципа. Первое, госпитализированное лицо должно быть признано с точки зрения объективных медицинских показателей страдающим от психического заболевания, за исключением случаев неотложной психиатрической помощи. Второе, заболевание должно быть такой степени, чтобы была очевидной необходимость недобровольной госпитализации. Третье, заболевание должно длиться в течение периода госпитализации (см. решение по делу *Winterwerp*, процитированное выше, § 39).

28. Ясно, что заявитель не имела документально закрепленной истории психиатрических проблем перед госпитализацией 26 сентября 1999 года. Первый доктор, который ее осматривал, это врач бригады скорой помощи. Поскольку медицинская оценка психического состояния должна быть получена перед госпитализацией, это требование может не исполняться в случаях, требующих неотложного психиатрического вмешательства. Суд поэтому должен определить, имелась ли на 26 сентября такая необходимость.

29. В соответствии с решением Орджоникидзевского районного суда в день госпитализации заявительница была в невменяемом состоянии после бессонной ночи и эмоционального чтения Библии. Сами по себе эти факты, с точки зрения Суда, не предполагают, что лицо нуждается в неотложной психиатрической помощи. Однако некоторые вызывающие сомнение слова в решении районного суда подтверждены медицинскими доказательствами. Документы психиатров определяют, что заявительница 26 сентября 1999 испытывала резкое

ухудшение психического здоровья, которое выразилось прежде всего в дезориентации. У Суда нет оснований сомневаться в правильности этих документов, и он приходит к выводу, что состояние здоровья заявителя могло потребовать неотложной психиатрической помощи.

30. Поскольку заявитель не считает, что ее состояние требовало неотложной медицинской помощи, Суд повторяет, что в решении вопроса, должна ли заявительница быть госпитализирована как душевнобольная, за национальными властями должен признаваться определенный приоритет в принятии такого решения, поскольку именно компетенция прежде всего национальных властей — оценивать доказательств (см. решение *Winterwerp*, цитированное выше, § 40). Суд не считает, что госпитализация заявителя была произвольной, поскольку решение национальных органов основано на медицинских документах о наличии у заявителя заболевания. У Суда нет оснований отвергать данные доводы.

2. Была ли госпитализация законной

31. Суд не согласен с заявителем в том, что закон «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании», в частности его положения о недобровольной госпитализации, не отвечают требованиям правовой определенности, вытекающим из Конвенции. В соответствии с этим принципом закон должен быть достаточно ясным, чтобы предоставлять гражданину информацию о правилах поведения, но абсолютной конкретизации не требуется (см. решение по делу *The Sunday Times v. the United Kingdom (no. 1)* от 26 April 1979, Series A no. 30, § 49).

32. Статья 29 Закона «О психиатрической помощи» позволяет применять недобровольную госпитализацию, если, кроме прочего, «психическое заболевание является тяжким и может привести к непосредственной опасности лица для окружающих». С точки зрения Суда, для законодателя не обязательно исчерпывающим образом определять понятие «опасность», поскольку невозможно в законе определить весь перечень возможных условий, которые могут представлять собой такую угрозу. Кроме того, закон требует, чтобы суды рассматривали все дела по недобровольной госпитализации на основании медицинских документов, и это существенная гарантия от произвольного задержания.

33. Суд далее напоминает, что властные органы должны также

выполнять требования, налагаемые на них национальным законодательством относительно задержания (см. *Van der Leer v. the Netherlands*, решение от 21 February 1990, Series A no. 170-A, § 23–24; *Wassink v. the Netherlands*, решение от 27 September 1990, Series A no. 185-A, § 27; *Erkalo v. the Netherlands*, решение от 2 September 1998, *Reports of Judgments and Decisions* 1998-VI, § 57).

34. Прежде всего это компетенция национальных органов, в частности суда, толковать и применять национальный закон. Однако, поскольку согласно статье 5 § 1 неисполнение требований национального закона ведет к нарушению Конвенции, Суд может и должен использовать свою компетенцию для рассмотрения такого требования, заявленного в жалобе (см. *Benham v. the United Kingdom*, решение от 10 June 1996, *Reports* 1996-III, § 41).

35. Суд отмечает, что в соответствии со статьей 34-1 Закона «О психиатрической помощи» судья может издать постановление об удовлетворении или отказе в удовлетворении заявления больницы в течение пяти дней с момента получения этого заявления. В данном деле стационар подал заявление о вынесении постановления 26 сентября 1999, но постановление было принято Орджоникидзевским районным судом только 5 ноября 1999 года, по прошествии 39 дней с момента госпитализации. Поэтому госпитализация заявителя не соответствовала порядку, установленному законом. Соответственно имело место нарушение статьи 5.1 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 § 4 КОНВЕНЦИИ

36. Заявитель далее жаловалась на то, что судебный контроль за законностью госпитализации не отвечал требованиям статьи по эффективности, справедливости и незамедлительности. Она также указала, что согласно Закону «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» госпитализированное лицо не имеет права инициировать судебную процедуру на предмет проверки законности госпитализации. В отношении этих требований заявитель ссылаясь на статью 5 § 4 Конвенции, которая устанавливает:

«4. Каждый, кто лишен свободы в результате ареста или заключения под стражу, имеет право на безотлагательное рассмотрение судом правомерности его заключения под стражу и на освобождение, если его заключение под стражу признано судом незаконным».

А. Аргументы сторон

1. Заявитель

37. Заявитель указывала, что в течение 39 дней с момента ее госпитализации она не имела доступа к суду. Этот период нарушал не только требования Закона «О психиатрической помощи», но был также слишком длинным в абсолютном смысле. С точки зрения заявителя, национальный суд бездействовал в течение всего этого периода.

38. Заявитель также указывала в дальнейшем, что процесс в Орджоникидзевском районном суде сопровождался целым рядом процессуальных нарушений. В частности, ни заявитель, ни ее юристы не имели доступа к медицинским документам ни перед слушанием, ни в ходе слушания, ни после него. Более того, суд не допросил М., которая была основным свидетелем.

39. Наконец, Закон «О психиатрической помощи» не позволяет недобровольно госпитализированным пациентам инициировать судебный контроль за законностью их госпитализации. Хотя автоматическое судебное рассмотрение вопроса задержания является важной гарантией против произвольного задержания, не должно исключаться право госпитализированного лица на инициирование процесса.

2. Правительство

40. Правительство утверждало, что ознакомление заявителя с медицинскими документами не приведет ни к чему, кроме ухудшения психического состояния заявителя, которое не позволит воспринять содержащуюся в документах информацию правильно. Правительство также указывало, что не было необходимости заслушивать М. как свидетеля, поскольку она не была психиатром и ее показания мало бы добавили информации в материалы дела.

41. Правительство указывало, что заявитель никогда не обращалась за медицинскими документами, а если бы это было сделано, такие ходатайства были бы удовлетворены.

42. Относительно заявлений о том, что госпитализированное лицо не может самостоятельно инициировать процедуру обжалования госпитализации, Правительство возразило, что такое средство на самом деле существует. В соответствии со статьями 47 и 48 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» гражданин имеет право обжаловать в суд любые неправомерные действия врачей в ходе госпитализации. Правительство также указало,

что в любом случае Закон предусматривает эффективную защиту против произвольности недобровольной госпитализации, что возможно только в случае, когда суд основывает свое решение на медицинских документах.

В. Оценка Суда

43. Суд отмечает, что основная гарантия статьи 5 § 4 состоит в том, что госпитализированное лицо должно иметь право самостоятельно возбуждать процедуру судебного контроля за его госпитализацией (см., например, решение по делу *Musial v. Poland* от 25 марта 1999, *Reports 1999-II*, § 43).

44. Администрация психиатрического стационара, действуя в соответствии со статьей 33-2 Закона «О психиатрической помощи» обращается с заявлением о судебном контроле за законностью госпитализации. Закон не позволяет заявителю обращаться в суд самостоятельно. Вместо этого инициатива подачи заявления в суд возлагается исключительно на медицинских работников. Однако статья 5 § 4 требует прежде всего независимого правового механизма, по которому госпитализированное лицо может предстать перед судьей, который примет решение, касающееся законности госпитализации. Когда это средство существует, доступ госпитализированного лица к судье не должен зависеть от волеизъявления госпитализирующих органов. Поскольку правовой механизм, содержащийся в статьях 33–35 Закона «О психиатрической помощи» и закрепляющий, что пациент стационара предстает перед судом автоматически, призван быть эффективным механизмом против произвольной госпитализации, он будет до тех пор не действующим, пока не будет содержать базовых гарантий статьи 5 § 4. Дополнительные гарантии не устраняют необходимость обеспечивать основные гарантии.

45. Из Закона «О психиатрической помощи» не следует, что заявитель имела непосредственное право обжаловать правомерность госпитализации и требовать освобождения. Статьи 47 и 48 Закона «О психиатрической помощи и гарантиях прав граждан при ее оказании» признает право госпитализированного лица обжаловать действия медицинских сотрудников в целом, а статья 5 § 4 Конвенции требует специального средства защиты права на свободу госпитализированного лица.

46. Поэтому суд приходит к выводу, что заявителю не было предоставлено право инициировать судебный процесс самостоятельно,

как этого требует статья 5 § 4 Конвенции. Соответственно имело место нарушение данного положения.

47. Более того, поскольку процесс не отвечал требованиям статьи 5 § 4 Конвенции и в свете установленных нарушений статьи 5 § 1 в связи с длительностью срока рассмотрения дела нет необходимости рассматривать, как судебные процедуры проводились, в частности были ли они «незамедлительными».

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

48. Статья 41 Конвенции предусматривает:

«Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или Протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд, в случае необходимости, присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне».

49. Заявитель требовала компенсации морального вреда, причиненного ей, и возмещения материального ущерба, судебных расходов. Правительство с данными требованиями не согласилось.

А. Моральный вред

50. Заявитель требовала 10 000 евро в качестве компенсации морального вреда. Она ссылалась на то, что испытывала эмоциональное потрясение и беспокойство, вызванное помещением в психиатрический стационар. Она подчеркивала, что также испытывала беспомощность из-за того, как происходила госпитализация, и из-за невозможности оспорить ее.

51. Правительство не согласилось с заявленной суммой, считая ее чрезмерной и указав, что возможные процессуальные нарушения в деле не привели к нарушению ее неотъемлемых прав.

52. Суд считает, что некоторые формы морального ущерба, включая эмоциональную подавленность, по самой их природе не всегда могут быть подтверждены какими-либо доказательствами (см. *Abdulaziz, Cabales and Balkandali v. the United Kingdom*, решение от 28 May 1985, Series A no. 94, § 96). В данном деле логично предположить, что заявитель испытывала подавленность, беспокойство и депрессию по причине ее госпитализации на достаточно большой период, которая не была основана на судебном решении.

53. По данному требованию Суд присуждает заявителю 3 000 евро.

В. Расходы и издержки

54. Заявитель также требовала компенсации расходов и издержек на сумму 3 300 евро. Она указала, что потратила 100 евро на независимую психиатрическую экспертизу, 200 евро — на лечение для восстановления здоровья после госпитализации и 3000 евро — на представление ее интересов в Суде.

55. Правительство указало, что заявитель должным образом не подтвердила понесенные ею расходы.

56. Суд отмечает, что в материалах дела не представлены доказательства того, что заявитель действительно понесла эти расходы. Более того, заявителю была предоставлена правовая помощь от Совета Европы (см. параграф 2 выше). Соответственно Суд находит, что по данному пункту компенсация присуждена не будет.

С. Процентная ставка

57. Суд считает, что процент пени при выплате компенсации должен составить предельную процентную годовую ставку по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО:

1. Постановил, что имело место нарушение статьи 5.1 Конвенции.
2. Постановил, что имело место нарушение статьи 5.4 Конвенции.
3. Постановил, что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение трех месяцев с даты, когда решение станет окончательным в соответствии со статьей 44 § 2 Конвенции, 3 000 евро (три тысячи евро) в счет компенсации морального вреда в пересчете на национальную валюту государства-ответчика по курсу на день выплаты плюс все налоги, которыми может облагаться данная сумма.
4. Отклонил остальные требования заявителя по справедливой компенсации.

Совершено на английском языке и изготовлено в письменном виде 28 октября 2003 года в соответствии с правилом 77 § 2 и 3 Правил процедуры Суда.

J. -P. Costa, Председатель Палаты
S. Dollé, секретарь секции

ЕВРОПЕЙСКИЙ СУД ПО ПРАВАМ ЧЕЛОВЕКА

ВТОРАЯ СЕКЦИЯ

ДЕЛО ГУСИНСКИЙ ПРОТИВ РОССИИ²

Жалоба № 70276/01

Страсбург
19 мая 2004 г.

Данное решение станет окончательным в соответствии с условиями, установленными статьей 44 §2 Конвенции. Оно может подлежать редакционной правке.

В деле Гусинский против России

Европейский суд по правам человека (первая секция), заседая палатой в составе:

Г-на С. L. Rozakis, *председателя,*

г-на Р. Lorenzen,

г-жи F. Tulkens,

г-жи S. Botoucharova,

г-на А. Kovler,

г-на V. Zagrebelsky,

г-на К. Hаjiyev, *судей,*

и г-на S. Nielsen, *секретаря секции,*

Совещаясь в закрытом судебном заседании 29 апреля 2004 года,

Выносит следующее решение, принятое указанной датой:

ПРОЦЕДУРА:

1. Дело было инициировано жалобой (№ 70276/01) против Российской Федерации, поданной в Суд в соответствии со статьей 34 Конвенции о защите прав человека и основных свобод («Конвенция») гражданином России и Израиля господином Владимиром Александровичем Гусинским («заявитель») 9 января 2001 года.

2. Заявитель был представлен юристами фирмы «СMS Cameron McKenna», практикующими в Лондоне. Российское правительство

² Перевод с английского А. В. Деменевой

(«Правительство») было представлено господином П. А. Лаптевым, Уполномоченным Российской Федерации при Европейском суде по правам человека.

3. Заявитель, в частности, утверждал, что его предварительное заключение под стражу было незаконным и необоснованным.

4. Жалоба была направлена в первую секцию суда (Правило 52 § 1 Регламента Суда). В рамках этой Секции Палата, рассматривавшая дело (статья 27 § 1 Конвенции) была сформирована в соответствии с правилом 26 § 1 Регламента Суда.

5. Решением от 22 мая 2003 года Суд признал жалобу частично приемлемой.

6. Заявитель и Правительство обменялись меморандумами по существу дела (Правило 59 § 1 Регламента Суда). Палата решила, выяснив мнение сторон, что проведения устного слушания по делу не требуется (Правило 59 § 3 *в конце*), стороны представили возражения на меморандумы противоположной стороны в письменном виде.

ФАКТЫ

I. ОБСТОЯТЕЛЬСТВА ДЕЛА

7. Заявитель родился в 1952 году.

8. Обстоятельства дела, как они представлены сторонами, следующие.

A. Первоначальное расследование в отношении заявителя

9. Заявитель является бывшим Председателем Совета директоров и держателем контрольного пакета акций ЗАО «Медиа-Мост», российского частного медиа-холдинга, включающего в себя НТВ, популярный телевизионный канал.

10. 2 ноября 1999 заявитель был допрошен старшим следователем по особо важным делам Генеральной прокуратуры Николаевым. Из протокола допроса следовало, что допрос касался расследования на государственном предприятии, известном как ФГП РГК «Русское видео» («Русское видео»), в связи с выдачей лицензии на вещание обществу с ограниченной ответственностью, ООО «Русское видео-11 Канал» («ООО “Русское видео”»), в нарушение различных положений Гражданского кодекса.

11. После допроса протокол допроса свидетеля был подписан заявителем и следователем Николаевым. Заявителю было позволено

просмотреть записи, сделанные в ходе допроса и добавить свои комментарии. Следователь указал в протоколе, что заявитель награжден орденом Дружбы народов.

12. В 2000 году у Медиа-Моста возник серьезный конфликт с ОАО «Газпром», предприятием-монополистом по добыче природного газа, контролируемым государством, по поводу долгов Медиа-Моста Газпрому.

13. После того как Газпром прекратил переговоры по поводу долгов, в офисах Медиа-Моста в Москве были проведены обыски специальными подразделениями Генеральной прокуратуры и Федеральной службы безопасности. Ряд документов и других материалов были изъяты в качестве доказательств

14. 15 марта 2000 года следователь Николаев возбудил уголовное дело против заявителя (уголовное дело № 18/191012-98) по обвинению его в мошенничестве. Дело было объединено с уголовным делом № 18/221012-98 в отношении Р., исполнительного директора «Русского видео», которое касалось обвинения его в растрате имущества. Оба обвинения касались деловых отношений между «Русским видео» и ООО «Русское видео» и, в частности, вхождения Медиа-Моста в ООО «Русское видео» и увеличения уставного капитала, которое стало результатом перераспределения процентов по акциям.

B. Заключение под стражу заявителя 13 июня 2000 г.

15. 11 июня 2000 года заявитель был вызван в Генеральную прокуратуру к 5 часам вечера 13 июня 2000 для допроса в качестве свидетеля по другому уголовному делу. В то время, когда выписывались повестки в прокуратуру, заявитель находился за границей, однако предпринял необходимые действия для возвращения в Россию. По его прибытии в Генеральную прокуратуру 13 июня 2000 года он был задержан и помещен в Бутырскую тюрьму на основании ордера, выданного 13 июня 2000 следователем Николаевым.

16. В ордере говорилось, что в соответствии со статьями 90–92 и 96 Уголовного процессуального кодекса следователь Николаев считает, что состав преступления, в совершении которого подозревается заявитель, представляет собой серьезную общественную опасность, наказывается только лишением свободы и что заявитель может помешать установлению истины по делу и скрыться от следствия и суда.

17. Заявитель оставался под стражей до 16 июня, в течение этого время он допрашивался дважды — 14 и 16 июня.

18. Допрос 14 июня проходил в присутствии адвокатов заявителя. Перед допросом заявителю было разъяснено, что он подозревается в совершении мошенничества в крупном размере, предусмотренном пунктом «б» части 3 статьи 159 Уголовного кодекса. В частности, обвинения основывались на предположениях, что в 1996–1997 годах при учреждении различных коммерческих фирм (в том числе Медиа-Моста) функции вещания были путем обмана переданы от «Русского видео», государственной компании, обществу с ограниченной ответственностью «Русское видео», частной компании, и тем самым «Русское видео» лишилось 11-го телевизионного канала, стоимостью 10 миллионов американских долларов. Утверждалось также, что в 1997 году заявитель с согласия Р. начал использовать 11-й телевизионный канал для своих собственных целей, не платя государству.

19. Заявитель отказался комментировать подробности на следствии, указав, что следствие демонстрирует игнорирование российского законодательства и наличие «политического сговора» против него.

20. В протоколе допроса следователь Николаев отметил, что заявитель был награжден орденом Дружбы народов.

21. 15 июня 2000 года адвокаты заявителя подали жалобу следователю, указывая, что задержание заявителя было незаконным и не соответствовало статье 90 УПК, что заявитель подпадал под амнистию и к нему не могло быть применено наказание в виде лишения свободы в соответствии с награждением его орденом Дружбы народов и Постановлением об амнистии от 26 мая 2000 года и что подозрения в отношении заявителя были несостоятельными, абсурдными и не соответствующими действительности.

22. Кроме того, адвокаты заявителя подали жалобу в Тверской межмуниципальный суд Москвы в соответствии с частью 1 статьи 220 УПК, утверждая, что заключение было незаконным, и требовали немедленного освобождения заявителя. Основаниями для жалобы было то, что ордер на задержание был выдан в нарушение статей 90, 92 и 96 УПК, поскольку не было оснований содержать заявителя под стражей до предъявления обвинения и никаких оснований для заключения в связи с предъявленным обвинением. Постановление о заключении под стражу содержало явно выраженную политическую мотивацию, заключение под стражу представляло собой чрезмерно строгую меру пресечения и не было необходимым. Более того, не было оснований подозревать, что заявитель намерен скрыться от следствия,

или каких-либо причин полагать, что он помешает следствию по делу. Наконец, заявитель подпадал под действие амнистии и подлежал освобождению от наказания в виде лишения свободы и от заключения под стражу в связи с тем, что был награжден орденом Дружбы народов.

23. 16 июня 2000 года следователь Николаев предъявил заявителю обвинение по пункту «б» части 3 статьи 159 Уголовного кодекса. В этот же день заявитель был допрошен в присутствии своих адвокатов. Заявитель отказался подписывать протокол допроса, поскольку не понял предъявленного обвинения. Заявитель указал в протоколе допроса, что считает обвинения абсурдными с юридической точки зрения и своей вины не признает. Заявитель снова объявил, что власти использовали следствие для того, чтобы дискредитировать его, и требовал немедленного освобождения из-под стражи.

24. В тот же день, 16 июня, следователь Николаев приказал освободить заявителя из-под стражи и изменить меру пресечения на подписку о невыезде. Заявитель был освобожден в 10 часов вечера 16 июня 2000 года.

25. После освобождения заявителя следователь Николаев направил повестки заявителю для явки на последующие допросы 22 июня, 3, 11 и 19 июля 2000 года. Заявитель являлся на допросы, но отказывался отвечать на поставленные ему вопросы.

26. Заявитель несколько раз просил следователя Николаева разрешить ему выезд из России для решения личных вопросов и вопросов бизнеса. Николаев отказывал, не представляя никакой мотивировки отказа.

С. «Июльское соглашение» и прекращение уголовного преследования

27. В ходе заключения под стражу заявителя с 13 по 16 июня 2000 года министр печати и информации господин Лесин предложил снять уголовные обвинения с заявителя по делу о компании «Русское видео», если заявитель продаст Медиа-Мост Газпрому по цене, которую установит Газпром.

28. Пока заявитель находился под стражей, Газпром предлагал ему подписать соглашение, в обмен на которое, как сообщили заявителю, все обвинения с него будут сняты. Соглашение между Газпромом и заявителем было подписано 20 июля 2000 года («июльское соглашение») и включало Приложение 6, предусматривавшее помимо про-

чего прекращение уголовного преследования заявителя в связи с делом «Русского видео» и гарантии его безопасности. Данное положение предусматривало следующее:

Стороны понимают, что успешное исполнение соглашения возможно только тогда, когда физические и юридические лица пользуются своими гражданскими правами по собственной воле, в своих собственных интересах, без какого-либо давления со стороны других лиц. Вышеназванное требует выполнения некоторых промежуточных условий, а именно:

— прекращение уголовного преследования господина Владимира Александровича Гусинского по возбужденному против него 13 июня 2000 года уголовному делу, определение его процессуальной роли в данном деле как свидетеля, приостановления ограничений в виде подписки о невыезде. В случае если данное условие не выполнено, стороны освобождаются от выполнения своих обязательств, указанных ниже;

— гарантии Владимиру Александровичу Гусинскому и другим акционерам и администрации подразделений Медиа-Моста их безопасности и защиты их прав и свобод, включая право свободно передвигаться, выбирать место нахождения и жительства, свободно покидать Российскую Федерацию и возвращаться в Российскую Федерацию без каких бы то ни было препятствий;

— отказ от принятия каких-либо мер, включая публичные заявления, распространение информации организациями, их акционерами или администрацией, могущих причинить ущерб основам конституционного строя и нарушению территориальной целостности Российской Федерации, подрывающих безопасность государства, способствующих разжиганию социальной, расовой или религиозной вражды, приводящих к дискредитации институтов государственной власти Российской Федерации.

29. Приложение 6 было подписано сторонами и заверено подписью господина Лесина.

30. В связи с подписанием «июльского соглашения» уголовное преследование заявителя по делу «Русского видео» было прекращено постановлением следователя Николаева от 26 июля 2000 года. В постановлении содержалось следующее:

...В ходе следствия В. А. Гусинский осознал незаконность завладения чужой собственностью и в этой связи обеспечил возмещение нанесенного ущерба, передавая свою долю в уставном капитале ООО «Русское видео — 11 канал» государству. Кроме того, он предпринял

значительные действия по компенсации ущерба, нанесенного интересам государства, добровольно передав акции ЗАО «Медиа-Мост» государственной компании.

Меры, предпринятые обвиняемым, могут рассматриваться как смягчающие вину обстоятельства, свидетельствуют о его деятельном раскаянии и в совокупности с другими позитивными характеристиками и отсутствием судимости позволяют принять решение о прекращении уголовного преследования в отношении Гусинского В. А.

31. Одновременно был снят запрет покидать страну. В этот же день заявитель покинул Россию и 21 августа 2000 года поехал на свою виллу в Сотогранде, Испания.

32. После отъезда заявителя из страны Медиа-Мост отказался признать «июльское соглашение», утверждая, что оно было подписано под принуждением.

Д. Судебное рассмотрение законности заключения под стражу

33. 20 июня 2000 года Тверской межмуниципальный суд прекратил производство по жалобе заявителя о незаконности заключения под стражу. Суд установил, что жалоба не может быть рассмотрена, поскольку к этому времени постановление о заключении под стражу было отменено и поскольку только лицо, действительно находящееся под стражей, может оспаривать заключение под стражу.

34. Данное постановление было обжаловано и оставлено в силе Московским городским судом 11 июля 2000 года.

Е. Расследование относительно кредита Медиа-Моста

35. 27 сентября 2000 года следователь Николаев снова возбудил уголовное дело против заявителя. Новое обвинение было по пункту «б» части 3 статьи 159 и касалось получения кредитов Медиа-Мостом обманным путем. Заявителю копия постановления о возбуждении уголовного дела направлена не была. Однако по информации, собранной адвокатами заявителя, дело было возбуждено на основании заявления, поданного Газпром в Генеральную прокуратуру 19 сентября 2000 года. Газпром просил Генеральную прокуратуру расследовать расходование средств Медиа-Мостом и, в частности, выяснить, использовался ли кредит на деятельность, предусмотренную уставом Медиа-Моста, были ли средства использованы на указанные цели и не нарушило ли правление Медиа-Моста законодатель-

ство относительно кредитов. Газпром, государственная компания, был привлечен в дело как поручитель по кредитам.

36. 1 ноября 2000 года Николаев направил повестки заявителю с вызовом в Генеральную прокуратуру для предъявления обвинения и допроса. Заявитель не явился.

37. Поскольку заявитель не явился в Генеральную прокуратуру, 13 ноября 2000 года Николаев внес поправки в постановление о привлечении в качестве обвиняемого. Он возбудил дело по пункту «б» части 3 статьи 159 Уголовного кодекса (мошенничество), но по другим фактам, и избрал меру пресечения в виде заключения под стражу. Постановление было передано в Российское бюро Интерпола. В нем указывалось на то, что заявитель получал кредиты обманным путем.

38. Заявитель был задержан в Испании в соответствии с международным ордером 11 декабря 2000 года и помещен под стражу в Испании 12 декабря 2000 года. 22 декабря 2000 года заявитель был освобожден под залог 5,5 миллиона американских долларов и помещен под домашний арест на своей вилле в Сотогранде.

39. Рассмотрев заявление адвокатов заявителя, 26 декабря 2000 года Тверской межмуниципальный суд Москвы постановил, что возбуждение уголовного дела по кредитам Медиа-Моста было незаконным, поскольку собранные следствием доказательства не подтверждали каких-либо элементов мошенничества, позволяющих возбудить уголовное дело.

40. 5 января 2001 года Московский городской суд отменил постановление от 26 декабря 2000 на том основании, что на решения следствия о возбуждении уголовного дела жалоба в суд не подавалась.

41. Что касается процессов в испанских судах, 4 апреля 2001 года было вынесено решение в пользу заявителя, в котором российским властям было отказано в выдаче заявителя из Испании. Отклоняя запрос о выдаче, Национальный суд (*Audiencia Nacional*) указал:

Исходя из документов, представленных заявителем, следует обратить внимание... на определенные заслуживающие внимания и особые обстоятельства, которые не характерны для такой категории дел, как мошенничество, которые, хотя сами по себе не ведут к выводу о том, что мы имеем дело с необычным обвинением, связанным с политическими целями [неразборчиво], что суд не может не принять во внимание аргумент заявителя относительно полного отсутствия оснований и их несостоятельности с точки зрения общей логики...

Суд считает следующие обстоятельства дела заслуживающими внимания:

1. *Соглашение от 20 июля 2000... о продаже заявителем Газпрому пакета акций... [Приложение 6] — дополнительное соглашение, которое не является обычным для продавцов и покупателей ценных бумаг, — скреплено двумя подписями, одна из которых — подпись представителя Газпрома... которая имеет место в самом контракте и других приложениях, и другая подпись, которая с первого взгляда не совпадает с обычной подписью заявителя — в соглашении, приложениях и подписях в ходе процесса о выдаче. [Заявитель] утверждает, что это подпись члена российского правительства.*

2. *...Шесть дней спустя после заключения соглашения [заявитель], который оставался обвиняемым в процессе [касающемся «Русского видео»] с обещанием не покидать страну, был освобожден от ответственности в указанном процессе и мера пресечения была снята.*

3. *Выступления [заявителя] на слушании о выдаче в отношении давления и принуждения, которые он испытывал, которые он преподносит как причины подписания им соглашения от 20 июля 2000 года.*

4. *Решение Тверского межмуниципального суда от 26 декабря 2000 года.*

Эти обстоятельства дела неизбежно должны иметь юридическое значение для правового разрешения запроса о выдаче, поскольку суд их установил, он обязан, по соображениям правовой защиты и эффективной судебной защиты... свести к минимуму вероятность двойного обвинения, анализируя основания обвинения с точки зрения обеспечения должной юридической защиты...

Г. Последующее развитие событий

42. 19 июня 2002 года судья Меркушов, заместитель Председателя Верховного Суда, подал протест в порядке надзора на постановление Тверского межмуниципального суда от 20 июня 2000 года и Московского городского суда от 11 июля 2000 г. Судья указал, что предметом судебного контроля должна быть законность заключения под стражу, а не только заключение под стражу само по себе. Он просил президиум Московского городского суда направить дело на новое рассмотрение в Тверской межмуниципальный суд.

43. 18 июля 2002 года президиум Московского городского суда удовлетворил протест.

44. 26 сентября 2002 года Тверской межмуниципальный суд

рассмотрел по существу жалобу на заключение под стражу. На слушании представитель Генеральной прокуратуры утверждал, что в период, когда заявитель находился под стражей, он мог вмешаться в ход установления истины по делу, поскольку он был главой Медиа-Моста и в связи с этим имел неограниченные возможности давления на свидетелей, а также имел доступ к письменным доказательствам. Более того, поскольку заявитель имел двойное гражданство и заграничный паспорт, он мог скрыться за границей. В отношении заявления Гусинского о том, что он подпадал под амнистию, прокурор указал, что документальное подтверждение того, что он был награжден орденом, было представлено только 15 июня 2000 года, т. е. после задержания, на следующий день заявитель был освобожден. Тверской межмуниципальный суд с доводами Генеральной прокуратуры согласился. Он установил, что в свете объяснений представителя Генпрокуратуры обоснование ордера на арест от 13 июня 2000 года не выглядело необоснованным и надуманным. Что касается награды, суд указал, что уголовное процессуальное законодательство не содержит ограничений в применении меры пресечения к лицу, подпадающему под акт амнистии.

II. ПРИМЕНИМОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ПРАВО

А. Уголовный процессуальный кодекс 1960 года, действовавший в рассматриваемый период времени

Статья 5. Обстоятельства, исключающие производство по уголовному делу

Уголовное дело не может быть возбуждено, а возбужденное дело подлежит прекращению:

... 4) вследствие акта амнистии, если он устраняет применение наказания за совершенное деяние, а также ввиду помилования отдельных лиц.

Статья 89. Применение мер пресечения

При наличии достаточных оснований полагать, что обвиняемый скроется от дознания, предварительного следствия или суда, или воспрепятствует установлению истины по уголовному делу, или будет заниматься преступной деятельностью, а также для обеспечения исполнения приговора лицо, производящее дознание, следователь, прокурор и суд вправе применить в отношении обвиняемого одну из следующих

мер пресечения: подписку о невыезде, личное поручительство или поручительство общественных объединений, заключение под стражу.

Статья 90. Применение меры пресечения в отношении подозреваемого

В исключительных случаях мера пресечения может быть применена в отношении лица, подозреваемого в совершении преступления, и до предъявления ему обвинения. В этом случае обвинение должно быть предъявлено не позднее десяти суток с момента применения меры пресечения. Если в этот срок обвинение не будет предъявлено, мера пресечения отменяется.

Статья 91. Обстоятельства, учитываемые при избрании меры пресечения

При разрешении вопроса о необходимости применить меру пресечения, а также об избрании той или иной из них лицо, производящее дознание, следователь, прокурор, суд учитывают, помимо обстоятельств, указанных в статье 89 настоящего Кодекса, также тяжесть предъявленного обвинения, личность подозреваемого или обвиняемого, род его занятий, возраст, состояние здоровья, семейное положение и другие обстоятельства.

Статья 92. Постановление и определение о применении меры пресечения

О применении меры пресечения лицо, производящее дознание, следователь, прокурор выносят мотивированное постановление, а суд — мотивированное определение, содержащее указание на преступление, в котором подозревается или обвиняется данное лицо, и основание для избрания примененной меры пресечения. Постановление или определение объявляется лицу, в отношении которого оно вынесено, и одновременно ему разъясняется порядок обжалования применения меры пресечения.

Копия постановления или определения о применении меры пресечения немедленно вручается лицу, в отношении которого оно вынесено (в ред. Закона РФ от 23.05.1992 № 2825-1 — Ведомости СНД РФ и ВС РФ. 1992. № 25. Ст. 1389).

Статья 96. Заключение под стражу

Заключение под стражу в качестве меры пресечения применяется

в отношении лица, подозреваемого или обвиняемого в совершении преступления, за которое законом предусмотрено наказание в виде лишения свободы на срок свыше двух лет...

В. Мошенничество

45. Пункт «б» части 3 статьи 159 Уголовного кодекса РФ 1996 года предусматривает соответственно:

«Мошенничество, т. е. хищение чужого имущества или приобретение права на чужое имущество путем обмана или злоупотребления доверием... [совершенное] в крупном размере... наказывается лишением свободы на срок от пяти до десяти лет с конфискацией имущества или без таковой...»

С. Амнистия

46. 26 мая 2000 года Государственная дума приняла Постановление «Об объявлении амнистии в связи с 55-летием победы в Великой Отечественной войне 1941–1945 годов» («Постановление об амнистии»). Оно вступило в силу 27 мая 2000 года. Постановление об амнистии предусматривало следующее:

2. Освободить от наказания в виде лишения свободы независимо от назначенного срока осужденных:

...б) награжденных орденами или медалями СССР либо Российской Федерации.

8. Прекратить уголовные дела, находящиеся в производстве органов дознания, органов предварительного следствия и судов, о преступлениях, совершенных до вступления в силу настоящего Постановления, в отношении:

б) лиц, указанных в подпунктах «а», «б», «в», «г» и «д» пункта 2 настоящего Постановления...

47. 26 мая Государственная дума также приняла Постановление «О порядке применения Постановления Государственной думы Федерального собрания Российской Федерации “Об объявлении амнистии в связи с победой в Великой Отечественной войне 1941–1945 гг.”»

1. Возложить исполнение Постановления об амнистии:

б) на органы дознания и органы предварительного следствия — в отношении подозреваемых и обвиняемых, дела и материалы о преступлениях которых находятся в производстве этих органов.

3. Решение о применении акта об амнистии принимается в отношении каждого лица индивидуально. При отсутствии необходимых

сведений об этом лице рассмотрение вопроса о применении акта об амнистии откладывается до получения дополнительных документов.

ВОПРОСЫ ПРАВА

I. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 5 КОНВЕНЦИИ

48. Заявитель, ссылаясь на статью 5 Конвенции, жаловался, что его заключение под стражу было произведено в отсутствие обоснованного подозрения в совершении преступления, не соответствовало процедуре, установленной национальным законодательством, и было применено без учета Постановления об амнистии. В соответствующей части статья 5 Конвенции предусматривает следующее:

1. Каждый имеет право на свободу и неприкосновенность. Никто не может быть лишен свободы иначе, как в следующих случаях и в порядке, установленном законом:

(с) законное задержание или заключение под стражу лица, произведенное с тем, чтобы оно предстало перед компетентным органом по обоснованному подозрению в совершении правонарушения или в случае, когда имеются достаточные основания полагать, что необходимо предотвратить совершение им правонарушения...

А. Обоснованное подозрение

49. Во-первых, заявитель указывал, что оба уголовных дела были возбуждены против него без каких-либо юридических оснований.

1. Аргументы сторон

50. Правительство оспаривало данное заявление. Представители правительства заявляли, что заключение под стражу заявителя 13 июня 2000 года было мотивировано обоснованным подозрением, что он совершил мошенничество в крупном размере, предусмотренное пунктом «б» части 3 статьи 159 Уголовного кодекса РФ.

51. Заявитель утверждал, что ему не было предоставлено возможности ответить на обвинение. Что касается расследования по «Русскому видео», он указывал, что его действия не подпадали под уголовное определение мошенничества и соучастия. В отношении расследования по делу Медиа-Моста он указывал, что Генеральная прокуратура фактически пыталась криминализировать кредитные отношения между двумя юридическими лицами.

2. Оценка суда

52. Заявитель утверждает, что ни дело «Русского видео», ни дело Медиа-Моста не имело в качестве основы «обоснованного подозрения».

Суд напоминает, что провозглашая «право на свободу», § 1 статьи 5 Конвенции подразумевает свободу индивида в ее классическом смысле, так называемую физическую свободу лица (см. *Engel v. the Netherlands*, решение от 8 June 1976, Ser. A no. 22, § 58).

Поскольку российские власти не ограничивали физическую свободу заявителя в связи с делом кредитов Медиа-Моста, заявитель не может жаловаться на то, что он является жертвой нарушения статьи 5 в данном отношении. Поэтому Суд ограничит свое исследование наличием «обоснованного подозрения» в деле «Русского видео».

53. Суд повторяет, что для того чтобы задержание лица по обоснованному подозрению было оправданным в смысле § 1 (с) статьи 5, не обязательно, чтобы полиция располагала достаточными доказательствами вины на момент задержания или содержания под стражей (см. *Brogan and Others v. the United Kingdom*, решение от 29 ноября 1999, Series A no. 145-B, § 53). Также не требуется, чтобы задержанному было обязательно предъявлено обвинение или он предстал перед судом. Цель задержания — продолжить расследование и подтвердить или опровергнуть подозрения, которые стали основанием для задержания (см. *Murray v. the United Kingdom*, решение от 28 октября 1994 года, Series A no. 300-A, § 55). Однако требование, что подозрение должно строиться на разумных основаниях, является существенным аспектом защиты от произвольного задержания и заключения под стражу. Того факта, что подозрение добросовестное, недостаточно. Слова «обоснованное подозрение» подразумевают существование фактов или информации, которые могли бы убедить объективного наблюдателя, что данное лицо могло совершить правонарушение (см. *Fox, Campbell and Hartley v. the United Kingdom*, решение от 30 августа 1990 года, Series A no. 182, § 32).

54. Суд отмечает, что он уже устанавливал нарушение §1 (с) статьи 5 Конвенции, когда лицо было задержано по обвинению в растрате государственного капитала, хотя его действия — передача средств и кредитов развивающимся странам — никоим образом не подразумевали уголовной ответственности за решения такого порядка (см. *Lukanov v. Bulgaria*, решение от 20 марта 1997 г., *Reports of Judgments and Decisions* 1997-II, § 42–46).

55. Данная жалоба, однако, содержит иные обстоятельства. В деле

«Русского видео» следствие подозревало заявителя в мошенническом лишении государственной компании права транслировать телевизионный сигнал. Власти оценили причиненный вред в 10 миллионов американских долларов и квалифицировали действия заявителя как уголовное преступление, предусмотренное пунктом «б» части 3 статьи 159 Уголовного кодекса.

Суд считает, что доказательства, собранные следствием, могли «убедить объективного наблюдателя», что заявитель мог совершить преступление.

В. Законное заключение под стражу

56. Заявитель указывал далее, что его заключение под стражу не было «законным», поскольку не была соблюдена процедура, предусмотренная в национальном законодательстве. В частности, не имелось «исключительных обстоятельств», требуемых статьей 90 Уголовного процессуального кодекса, чтобы заключение было оправданным до предъявления обвинения. Более того, в нарушение требований статьи 89 Уголовного процессуального кодекса отсутствовали доказательства, подтверждающие, что он может скрыться от следствия или вмешиваться в установление истины по делу, если останется на свободе.

Заявитель также жаловался, что его заключение под стражу не было законным, поскольку актом об амнистии он был освобожден от уголовного преследования.

1. Аргументы сторон

(а) Правительство

57. Правительство с заявленными нарушениями не согласилось.

58. Первое, относительно соблюдения национальной процедуры, Правительство признало, что статья 90 Уголовного процессуального кодекса не включала список «исключительных обстоятельств», в которых заключение под стражу возможно до предъявления обвинения. Однако такие обстоятельства должны были определяться индивидуально в каждом конкретном деле.

Правительство утверждало, что заявитель подозревался в тяжком преступлении — мошенничестве в крупном размере. Преступление несет в себе большую общественную опасность и наказуемо только лишением свободы. Поэтому следствие решило поместить заявителя

под стражу. Статья 96 Уголовного процессуального кодекса, который действовал на тот момент, позволяла помещать лицо под стражу на основании только самой тяжести преступления.

Кроме того, следователь подозревал, что заявитель мог скрыться. Данное подозрение было вызвано тем, что заявителю было известно, что по аналогичному делу другое лицо, Р., было арестовано в связи с уголовным делом, связанным с «Русским видео». Заявителю также было известно о тяжести преступления, в котором он подозревался, и о возможности предварительного задержания. Опасение, что заявитель может скрыться, впоследствии оправдалось.

59. Второе, в отношении амнистии, Правительство указало, что пункт 8 Постановления об амнистии гласит, что уголовные дела в отношении лиц, награжденных медалями и орденами СССР и России, должны быть прекращены вне зависимости от тяжести обвинения.

28 июня 2000 г. в Постановление об амнистии были внесены поправки, в соответствии с которыми обвинение по пункту «б» части 3 статьи 159 более не является обвинением, на которое распространяется амнистия.

В любом случае уголовное законодательство не запрещает содержать под стражей лиц, которые подлежат амнистии.

Правительство также утверждало, что в период нахождения заявителя под стражей следствие не знало, что заявитель награжден орденом Дружбы народов. Следствие впервые узнало об этом тогда, когда заявитель был освобожден — 16 июня 2000 года. По закону как только следователь узнает о награде, он должен прекратить производство, если заявитель согласен. Однако поскольку в материалах дела отсутствовала информация о согласии заявителя на прекращение дела, следствие продолжилось.

(b) Заявитель

60. В отношении соблюдения национальной процедуры, заявитель согласен с Правительством, что ни статья 90, ни иная норма не содержат ясного определения, что такое «исключительные обстоятельства».

Он указывал далее, что подозрения, что он мог скрыться от следствия, ни на чем не основаны. Обвинение, которое было ему предъявлено, не имело ничего общего с обвинением против Р., которого взяли под стражу по обвинению в неуплате налогов за два года до ареста заявителя. Было абсурдно полагать, что заявитель скроется от следствия из-за ареста Р.

До самого момента заключения под стражу действия Генеральной прокуратуры прямо или косвенно показывали, что заявителя подозревают в тяжком преступлении, в связи с которым он может быть взят под стражу. 2 ноября 1999 года заявитель был допрошен в качестве свидетеля по уголовному делу в отношении Р., и заданные вопросы не давали оснований предполагать, что он подозревается в совершении преступления и что будет взят под стражу. Далее, допрос показал, что заявитель готов и желает помочь в предоставлении какой-либо информации, которая может потребоваться следствию. Все поведение заявителя перед арестом не давало никаких оснований для подозрения, что он скроется от следствия или суда. Даже когда заявитель и жил за границей, он всегда немедленно возвращался в Москву, если в этом была необходимость.

61. В отношении амнистии заявитель не согласен с толкованием Постановления об амнистии, сделанным Правительством. Согласно его мнению, не логично, чтобы лицо, подлежащее амнистии по характеру обвинения, не подлежало амнистии в отношении заключения под стражу в связи с данным обвинением.

Заявитель указывал, что ссылка Правительства на поправки к Постановлению об амнистии от 28 июня 2000 года не относятся к данному делу, поскольку вступили в силу после его заключения под стражу. Было бы абсурдно предполагать, что эти поправки задним числом сделали его арест законным.

Заявитель настаивал, что следствие знало о награждении его орденом Дружбы народов во время заключения под стражу. Следователь Николаев лично записал данный факт в протокол допроса от 2 ноября 1999 года и 14 июня 2000 года.

2. Оценка суда

62. Суд напоминает, что когда оспаривается законность заключения под стражу, в том числе рассматривается вопрос, был ли соблюден «порядок, установленный законом», Конвенция отсылает непосредственно к национальному праву и соблюдению материального и процессуального национального законодательства, но также требуется, чтобы любое лишение свободы было совершено в целях статьи 5, в частности чтобы защитить индивида от произвольного задержания.

Устанавливая, что любое лишение свободы должно быть в строгом соответствии с законом, статья 5 § 1 Конвенции прежде всего тре-

бует, чтобы любой арест или задержание имели правовые основания в национальном праве. Подобно фразам «в соответствии с законом» и «предусмотрено законом» во вторых частях статей 8 и 11, такие требования также связаны с качеством закона, который должен отвечать принципу верховенства права, концепции, вытекающей из всех статей Конвенции.

Качество в этом смысле подразумевает, что там, где национальное право позволяет лишение свободы, это должно быть ясно и предсказуемо, чтобы избежать любого риска произвольного задержания (см. *Amuur v. France*, judgment of 25 June 1996, Reports of Judgments and Decisions 1996-III, § 50).

63. В данном деле заявитель был помещен под стражу до предъявления обвинения. Такое помещение под стражу являлось исключением из общего правила, установленного статьей 89 Уголовного процессуального кодекса, согласно которой мера пресечения должна применяться после предъявления обвинения. Данное исключение было предусмотрено статьей 90 Уголовного-процессуального кодекса «при исключительных обстоятельствах». Стороны согласились с тем, что Уголовный процессуальный кодекс не раскрывал значение данного выражения.

Правительство не представило никаких примеров дел — подтвержденных решениями суда или не подтвержденных, — в которых раскрывалось понятие «исключительных обстоятельств».

64. Не представляется, что данная норма — на основании которой лицо может быть лишено свободы, отвечает требованиям «качества закона», установленным статьей 5.

65. В свете изложенного не является необходимым рассматривать, соответствовала ли ситуация заявителя требованиям закона по существу.

66. В отношении амнистии Суд повторяет, что «законность» существенно зависит от соблюдения национального законодательства (см. *Amuur*, указ. выше, § 50). Прежде всего национальные органы, в частности суды, толкуют и применяют национальное право. Однако, поскольку согласно статье 5 § 1 Конвенции несоблюдение национального законодательства влечет за собой нарушение Конвенции, следовательно, Суд должен воспользоваться определенными полномочиями по проверке, было ли данное законодательство соблюдено (см., например, *Benham v. the United Kingdom*, решение от 10 июня 1996, Reports 1996-III, § 41).

67. Правительство признало, что согласно акту амнистии следователь должен был прекратить производство по делу заявителя, как только он узнал, что тот награжден орденом Дружбы народов. Хотя Правительство утверждало, что следователь впервые узнал об этом только 16 июня 2000 года, оно не отрицало, что тот же следователь сам занес информацию о награждении заявителя орденом в протокол допроса 12 ноября 1999 г. и 14 июня 2000 г. Таким образом, Суд приходит к выводу, что 13 июня власти знали или можно было обоснованно ожидать, что должны были знать, что производство по делу заявителя должно быть прекращено.

68. Суд согласен с заявителем, что было бы нелогично толковать постановление об амнистии как позволяющее заключение под стражу в отношении лиц, дела которых будут прекращены. Таким образом, имело место нарушение национального законодательства.

69. Соответственно имело место нарушение статьи 5 Конвенции.

II. ПРЕДПОЛАГАЕМОЕ НАРУШЕНИЕ СТАТЬИ 18 ВМЕСТЕ СО СТАТЬЕЙ 5 КОНВЕНЦИИ

70. Заявитель также жаловался, что его заключение под стражу представляло собой злоупотребление властью. Он утверждал, что заключив его под стражу, власти ставили перед собой цель заставить его продать медиа-бизнес Газпрому на невыгодных условиях. Суд будет рассматривать данную жалобу на соответствие статье 18 Конвенции, которая устанавливает:

Ограничения, допускаемые в настоящей Конвенции в отношении указанных прав и свобод, не должны применяться для иных целей, нежели те, для которых они предусмотрены.

А. Аргументы сторон

1. Правительство

71. Правительство отрицало данное нарушение. Утверждалось, что заявитель не представил никаких доказательств того, что если бы он не подписал «июльское соглашение», его бы не освободили из-под стражи.

2. Заявитель

72. Заявитель указывал, что факты дела говорят сами за себя. Он обратил внимание на то, что власти руководствовались желанием

заставить замолчать его средства массовой информации, в особенности прекратить критику российского руководства. Заявитель подчеркнул, что Медиа-Мост не подчинился «июльскому соглашению», потому что оно было подписано под давлением, и Генеральная прокуратура возбудило производство по делу о кредитах Медиа-Моста.

В. Оценка Суда

73. Суд напоминает, что статья 18 Конвенции не носит самостоятельного значения. Она может быть применена только вместе с другой статьёй Конвенции. Таким образом, нарушение статьи 18 может иметь место вместе с этой статьёй, даже если самостоятельного нарушения этой статьи не установлено. Из текста статьи 18 также следует, что нарушение может иметь место только тогда, когда речь идет о праве или свободе, гарантированных Конвенцией (см. *Kamta v. the Netherlands*, no. 4771/71, Commission's report of 14 July 1974, (DR) 1, p. 4; *Oates v. Poland* (dec.), no. 35036/97, 11 May 2000).

74. Суд ранее установил в § 52–55, что свобода заявителя была ограничена «в целях, чтобы лицо предстало перед компетентным судом по обоснованному подозрению в совершении преступления». Однако, рассматривая вопрос о нарушении статьи 18, Суд должен определить, применялось ли заключение под стражу в нарушение статьи 18 для иных целей, помимо установленных в статье 5 § 1 (с).

75. Правительство не оспаривало тот факт, что «июльское соглашение», а именно Приложение 6 к нему, связано с прекращением производства по делу «Русского видео» после продажи Медиа-Моста Газпрому, компании, контролируемой государством. Правительство также не оспаривало, что Приложение 6 было подписано министром прессы и массовой информации. Наконец, Правительство не отрицало, что одной из причин прекращения дела против заявителя 26 июля 2000 г. было то, что заявитель возместил ущерб, причиненный предполагаемым мошенничеством.

76. По мнению Суда, целью публичного обвинения в уголовных делах не является использование предварительного заключения как коммерческой стратегии по совершению сделок. Тот факт, что Газпром требовал от заявителя подписания «июльского соглашения», когда тот находился под стражей, то, что под этим соглашением подписался министр государства и что впоследствии следователь исполнил его, снимая обвинения, приводит суд к мнению, что уголовное преследование использовалось для давления на заявителя.

77. В таких обстоятельствах Суд не может не установить, что ограничение свободы заявителя, допустимое в соответствии с пунктом «с» части 1 статьи 5 Конвенции, было применено не только для целей, чтобы лицо предстало перед компетентным судебным органом по обоснованному подозрению в совершении преступления, но также и для иных целей.

78. Таким образом, имело место нарушение статьи 18 Конвенции, взятой вместе со статьёй 5.

III. ПРИМЕНЕНИЕ СТАТЬИ 41 КОНВЕНЦИИ

79. Статья 41 Конвенции предусматривает:

Если Суд объявляет, что имело место нарушение Конвенции или протоколов к ней, а внутреннее право Высокой Договаривающейся Стороны допускает возможность лишь частичного устранения последствий этого нарушения, Суд в случае необходимости присуждает справедливую компенсацию потерпевшей стороне.

А. Ущерб

80. Заявитель требовал компенсации материального ущерба 1 755 923.07 евро за уплаченные им суммы представителям при попытке восстановления в России и за рубежом его прав, нарушенных заключением под стражу и последующими процедурами по уголовному делу. Данная сумма включала услуги российских, британских, испанских и американских адвокатов, предоставляемых в связи с делом заявителя, в том числе процедурами по выдаче, и делом Т., работника заявителя, чьи права также были нарушены российскими властями.

81. Заявитель также просил 0.87 евро в качестве компенсации морального вреда в связи с испытанным давлением и беспокойством в ходе нахождения под стражей.

82. Правительство указало, что услуги иностранных юридических фирм не имеют прямого отношения к заключению под стражу заявителя с 13 по 16 июня, а потому возмещению не подлежат.

83. Суд не может заключить из представленного заявителем, что все суммы потрачены на восстановление прав, составляющих суть жалобы по Конвенции, или связаны с процессом исчерпания средств внутренней защиты по этому вопросу. В любом случае данный вопрос будет рассмотрен в разделе «Расходы и издержки» ниже.

84. Возвращаясь к вопросу морального вреда, суд отмечает, что заявитель просит возместить ему сумму, которая является символической. В этих обстоятельствах суд считает, что установление нарушения само по себе будет представлять собой достаточно справедливую компенсацию.

В. Расходы и издержки

85. Заявитель требовал 446 017.70 евро в качестве компенсации оплаты адвоката, который помогал ему и Т. в восстановлении прав в российской правовой системе и в Суде.

86. Правительство посчитало данное требование чрезмерным. Оно указало, что возмещение расходов не должно превышать суммы ставок по правовой помощи Суда. Более того, требования в отношении Т. неотнесимы к данной жалобе.

87. Принимая во внимание вопрос, рассматриваемый в деле, и процедуру, принятую в данном деле, Суд считает, что сумма, требуемая заявителем, не может быть рассмотрена как необходимая или разумная (см. *Nikolova v. Bulgaria* [GC], no. 31195/96, § 79, ECHR 1999-II). Сумма, которая непосредственно относится к жалобе и была оплачена лично заявителем, составляет 88 000 евро.

88. Руководствуясь требованиями разумности и справедливости, Суд присуждает 88 000 евро в качестве компенсации расходов и издержек, связанных с юридическим представительством заявителя.

С. Процентная ставка

89. Суд считает, что процент за невыплату суммы должен исчисляться из ставки по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

ПО ЭТИМ ОСНОВАНИЯМ СУД ЕДИНОГЛАСНО

1. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 5 Конвенции.

2. *Постановил*, что имело место нарушение статьи 18 Конвенции, взятой в совокупности со статьей 5 Конвенции.

3. *Постановил*, что установление нарушения само по себе представляет для заявителя достаточную компенсацию морального ущерба.

4. *Постановил*,

(а) что государство-ответчик должно выплатить заявителю в течение 3 месяцев с даты, когда решение станет окончательным, в соот-

ветствии со статьей 44 § 2 Конвенции 88 000 евро (восемьдесят восемь тысяч евро) в качестве компенсации расходов и издержек, в переводе на национальную валюту государства-ответчика по курсу на дату выплаты, плюс налоги, которыми данная сумма будет облагаться;

(b) что с момента истечения указанных трех месяцев должны быть выплачены проценты, равные ставке по займам Европейского центрального банка плюс три процента.

5. *Отклонил* остальные требования заявителя по справедливой компенсации.

Совершено на английском языке в письменном виде 19 мая 2004 г. в соответствии с Правилами 77 §§ 2 и 3 Регламента Суда.

Приложение 4

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 3 мая 1995 г. № 4-П

По делу о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобами гражданина В. А. Аветяна

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Н. В. Витрука, судей М. В. Баглая, Г. А. Гаджиева, А. Л. Кононова, Т. Г. Морщаковой, Ю. Д. Рудкина, Н. В. Селезнева, Б. С. Эбзеева, В. Г. Ярославцева, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности статей 220.1 и 220.2 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела, согласно части первой статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», явилась жалоба гражданина В. А. Аветяна на нарушение его конституционного права на судебную защиту примененными в его деле нормами Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Основанием к рассмотрению дела, согласно части второй статьи 36 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», явилась обнаружившаяся неопределенность в вопросе о том, соответствуют ли Конституции Российской Федерации положения оспариваемых статей УПК РСФСР, согласно которым правом на обжалование в суд ареста обладает лишь лицо, содержащееся под стражей, его защитник или законный представитель по месту такого содержания.

Заслушав сообщение судьи-докладчика Т. Г. Морщаковой, выступления приглашенных в заседание представителей: от Государственной Думы — депутата А. М. Траспова, члена Комитета по законодательству и судебной-правовой реформе, и Г. П. Ивлиева, заведующего

сектором по судебной реформе названного Комитета; от Министерства юстиции Российской Федерации — Л. М. Пантелеевой, заместителя начальника управления по разработке законодательства о судебной реформе и борьбе с правонарушениями; от Федерального союза адвокатов Российской Федерации — М. Д. Смирнова, члена Московской областной коллегии адвокатов, исследовав представленные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации установил:

1. В отношении гражданина В. А. Аветяна было возбуждено уголовное дело по обвинению в совершении преступлений, предусмотренных статьями 122 (злостное уклонение от уплаты алиментов), 130 (клевета) Уголовного кодекса РСФСР, и вынесено постановление о применении к нему в качестве меры пресечения заключения под стражу, которое исполнено не было. Это постановление, датированное 16 августа 1990 года, не отменялось вплоть до момента прекращения уголовного дела 16 апреля 1994 года. Таким образом, решение о заключении гражданина В. А. Аветяна под стражу действовало в течение почти четырех лет; в связи с этим был объявлен его розыск, о чем сообщалось в местной газете.

Гражданин В. А. Аветян обращался в суды общей юрисдикции с жалобами на незаконность постановления о применении в отношении него в качестве меры пресечения заключения под стражу и просил об отмене этого постановления. Однако в рассмотрении жалобы ему было дважды отказано на том основании, что в соответствии со статьями 220.1 и 220.2 УПК РСФСР такие жалобы могут быть принесены только лицами, реально содержащимися под стражей, и рассматриваются судом по месту такого содержания.

2. В своей жалобе в Конституционный Суд Российской Федерации заявитель утверждает, что примененные в его деле статьи 220.1 и 220.2 УПК РСФСР ограничивают его права на свободу и личную неприкосновенность, на судебную защиту, противоречат провозглашенному в Конституции Российской Федерации положению о равенстве всех перед законом и судом и, следовательно, не соответствуют статьям 19, 22, 45, 46 и 47 Конституции Российской Федерации.

Конституционный Суд Российской Федерации признал жалобу допустимой, поскольку, как того требует статья 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», обжалуемые положения закона (в данном случае УПК РСФСР) были применены в деле заявителя и затрагивают его конституционные права.

Суды общей юрисдикции, применяя статьи 220.1 и 220.2 УПК РСФСР, исходят из буквального смысла этих норм, к чему их обязывает статья 120 Конституции Российской Федерации, согласно которой суды в своей деятельности должны строго подчиняться как Конституции Российской Федерации, так и федеральному закону.

В то же время в постановлениях Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 г. № 3 «О практике судебной проверки законности и обоснованности ареста или продления срока содержания под стражей» и от 29 сентября 1994 г. № 6 «О выполнении судами Постановления Пленума Верховного Суда Российской Федерации от 27 апреля 1993 года», а также в материалах обобщения судебной практики по этим вопросам подчеркивается, что суды должны проверять соблюдение всех норм УПК РСФСР, регламентирующих применение указанной меры пресечения, и строго обеспечивать на практике права лиц, обжалующих в суд применение ареста. Тем не менее суды общей юрисдикции, признавая введенное УПК РСФСР ограничение права на судебное обжалование, не воспользовались предусмотренным в статье 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, а также в пункте 3 части первой статьи 3 и статьях 101, 102 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» правом обратиться в Конституционный Суд Российской Федерации с запросом о соответствии указанных статей УПК РСФСР Конституции Российской Федерации. Вместе с тем суд общей юрисдикции не вправе признавать неконституционным закон, который подлежит применению в рассматриваемом им конкретном деле. Этот вопрос подведомствен только Конституционному Суду Российской Федерации, который, в свою очередь, не проверяет законность и обоснованность решений судов общей юрисдикции, а решает исключительно вопросы права.

3. Из содержания статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР следует, что обжалованию и судебной проверке подлежит не само содержание под стражей в отношении обвиняемого или подозреваемого, а законность и обоснованность применения этой меры.

Под применением меры пресечения законодатель понимает вынесение органом дознания, следователем или прокурором постановления о ее избрании (статьи 89, 92 УПК РСФСР). Постановление о применении меры пресечения в виде заключения под стражу, в том числе в случаях, когда оно не приведено в исполнение, затрагивает права и свободы гражданина, привлеченного в качестве обвиняемого или

подозреваемого. С момента вынесения постановления у государственных органов возникает право ограничивать свободу указанных лиц и применять к ним соответствующие меры принуждения. С этого же момента обвиняемый и подозреваемый вправе обжаловать применение меры пресечения, что разъясняется им при объявлении вынесенного об этом постановления (часть первая статьи 92 УПК РСФСР). Статьи 220.1 и 220.2 УПК РСФСР определяют процедуру этого обжалования и таким образом — реализации конституционного права на обращение за судебной защитой, закрепленного в статье 46 Конституции Российской Федерации.

Согласно Конституции Российской Федерации это право не может быть ограничено. Допустимые ограничения конституционных прав в соответствии со статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации могут быть введены законодателем только в целях защиты основ конституционного строя, нравственности, здоровья, прав и законных интересов других лиц, обеспечения обороны страны и безопасности государства. Право на судебную защиту ни в каком случае не может вступить в противоречие с данными целями и, следовательно, не подлежит ограничению. Именно поэтому право на судебную защиту отнесено согласно статье 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации к таким правам и свободам, которые не могут быть ограничены ни при каких обстоятельствах. Статьи 220.1 и 220.2 УПК РСФСР, отступая от этого положения, ограничивают право на судебное обжалование для некоторых категорий обвиняемых и подозреваемых.

4. Право на судебную защиту выступает как гарантия в отношении всех конституционных прав и свобод. Его конкретизация в статьях 220.1 и 220.2 УПК РСФСР должна гарантировать конституционные права на охрану государством достоинства личности, а также на свободу и личную неприкосновенность.

В преамбуле Международного пакта о гражданских и политических правах закреплено, что признание достоинства, присущего всем членам человеческого сообщества, является основой свободы, справедливости и всех неотъемлемых прав личности. В соответствии со статьей 21 Конституции Российской Федерации государство обязано охранять достоинство личности во всех сферах, чем утверждается приоритет личности и ее прав (статья 17 часть 2 и статья 18 Конституции Российской Федерации). Из этого следует, что личность в ее взаимоотношениях с государством выступает не как объект государ-

ственной деятельности, а как равноправный субъект, который может защищать свои права всеми не запрещенными законом способами (статья 45 часть 2 Конституции Российской Федерации) и спорить с государством в лице любых его органов. Никто не может быть ограничен в защите перед судом своего достоинства, а также всех связанных с ним прав.

5. Конституционное право на свободу и личную неприкосновенность означает, что человек не может быть лишен свободы и заключен под стражу по произволу власти. Вынесение постановления об избрании в качестве меры пресечения заключения под стражу всегда ущемляет право на свободу и личную неприкосновенность независимо от того, исполнено или не исполнено это решение. Не только реальные ограничения, но и выявившаяся их опасность, прежде всего угроза потерять свободу, нарушают неприкосновенность личности, в том числе психическую, оказывают давление на сознание и поступки человека.

В то же время как исполненные, так и реально не исполненные постановления о заключении под стражу могут быть незаконными, необоснованными. Гарантией от таких произвольных ограничений свободы и личной неприкосновенности является право потребовать судебной проверки оснований для вынесения решений о заключении под стражу. Любой опасности ограничения свободы и личной неприкосновенности, в том числе при наличии законных оснований, должно противостоять право на судебное обжалование.

6. Ограничение круга лиц, имеющих право на судебное обжалование в порядке статей 220.1 и 220.2 УПК РСФСР, лишь теми, кто содержится под стражей, противоречит статье 19 Конституции Российской Федерации, закрепляющей равенство всех перед законом и судом.

Равенство перед законом и судом не исключает фактических различий и необходимости их учета законодателем. Однако это не должно приводить к ограничению прав и свобод, в отношении которых согласно Конституции Российской Федерации такое ограничение недопустимо. Кроме того, различия в фактическом положении лиц, которые только должны быть арестованы или уже подвергнуты предварительному заключению, не могут влиять на решение вопроса об их праве требовать и обязанности суда проверить законность постановления об аресте. Институт судебного обжалования решений об аресте по смыслу действующего УПК РСФСР имеет целью проверку прежде всего именно законности и обоснованности постановлений о

применении этой меры пресечения. Этой цели не соответствует ограничение права на судебное обжалование для лиц, которые при наличии решения об их заключении под стражу реально не арестованы. Запрет судебного обжалования вынесенного, но реально не исполняемого постановления об аресте дает возможность органам дознания, следователям, прокурорам отступать от установленных в законе требований к основаниям применения этой меры, поскольку они не являются объектом судебной проверки.

Таким образом, статьи 220.1 и 220.2 УПК РСФСР содержат положения, ограничивающие ряд конституционных прав и свобод, что противоречит статьям 18 и 55 (часть 2) Конституции Российской Федерации, согласно которым в Российской Федерации не должны издаваться и действовать законы, отменяющие или умаляющие эти права.

На основании изложенного и руководствуясь частью первой статьи 71, статьями 72, 75 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать положение статьи 220.1 УПК РСФСР, ограничивающее круг лиц, имеющих право на судебное обжалование постановления о применении к ним в качестве меры пресечения заключения под стражу, только лицами, содержащимися под стражей, и связанное с ним положение статьи 220.2 УПК РСФСР о проверке законности и обоснованности применения заключения под стражу судом только по месту содержания лица под стражей не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статье 46 (части 1 и 2), а также статьям 19 (часть 1), 21 (часть 1), 22 (часть 1), 55 (часть 3).

2. Согласно частям первой и второй статьи 79 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление является окончательным, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

3. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации», «Российской газете», а также иных официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации. Постановление должно быть также опубликовано в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 13 июня 1996 г. № 14-П

По делу о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. В. Щелухина

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего Г. А. Гаджиева, судей М. В. Баглая, Н. В. Витрука, А. Л. Кононова, Т. Г. Морщаковой, Ю. Д. Рудкина, О. И. Тиунова, В. Г. Ярославцева, с участием представителя стороны, обратившейся с жалобой в Конституционный Суд Российской Федерации, — адвоката Ю. А. Ларина, руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 74, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности части пятой статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В. В. Щелухина на нарушение его конституционных прав и свобод частью пятой статьи 97 УПК РСФСР, согласно которой время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении срока содержания под стражей в качестве меры пресечения не учитывается. По мнению заявителя, данная норма не соответствует статьям 2, 17, 22, 45 и 55 Конституции Российской Федерации, так как ограничивает его права на свободу и личную неприкосновенность, на защиту, а также приводит к нарушению его прав и свобод вследствие осуществления своих прав другими лицами.

Заслушав сообщение судьи — докладчика Ю. Д. Рудкина, объяснения представителя стороны, обратившейся с жалобой, выступления эксперта, а также приглашенных в заседание представителей Генеральной прокуратуры, МВД и ФСБ Российской Федерации, исследовав имеющиеся материалы, Конституционный Суд Российской Федерации установил:

1. В марте 1995 года было возбуждено уголовное дело по обвинению гражданина В. В. Щелухина в совершении ряда преступлений, а 20 апреля 1995 года к нему была применена мера пресечения в виде заключения под стражу.

По истечении срока санкционированного ареста он подал жалобу в Кунцевский межмуниципальный (районный) суд Западного административного округа города Москвы в порядке статьи 220.2 УПК РСФСР на незаконность и необоснованность ареста. Суд отказал В. В. Щелухину в удовлетворении жалобы, сославшись на то, что в отношении него и других обвиняемых по делу выполняются требования статьи 201 УПК РСФСР (ознакомление обвиняемого со всеми материалами уголовного дела), в связи с чем на основании части пятой статьи 97 УПК РСФСР сроки следствия и содержания под стражей приостановлены.

2. В соответствии со статьей 97 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» жалоба В. В. Щелухина является допустимой, поскольку оспариваемая в ней норма затрагивает конституционные права заявителя и была применена органами предварительного следствия и судом по его уголовному делу при определении сроков содержания под стражей.

Признанию данной жалобы допустимой не препятствует предписание раздела второго «Заключительные и переходные положения» Конституции Российской Федерации (абзац второй пункта б), согласно которому «до приведения уголовно-процессуального законодательства Российской Федерации в соответствие с положениями настоящей Конституции сохраняется прежний порядок ареста, содержания под стражей и задержания лиц, подозреваемых в совершении преступления». Это предписание связывает с принятием нового уголовно-процессуального законодательства применение предусмотренного в Конституции Российской Федерации судебного порядка ареста и задержания, временно сохраняя таким образом действие только прежней формы санкционирования ареста — прокурором. Другие элементы уголовно-процессуальной регламентации содержания под стражей непосредственно в Конституции Российской Федерации не закрепляются и поэтому не составляют предмет ее переходных положений.

В то же время пунктом 2 раздела второго Конституции Российской Федерации предусмотрен общий запрет, исключающий применение законов и других правовых актов, принятых до вступления в силу ныне действующей Конституции Российской Федерации, в части,

противоречащей ей, что устанавливается правоприменителем. Предписание абзаца второго пункта 6 раздела второго Конституции Российской Федерации — частное исключение из этого запрета. Оно не является по отношению к нему конкурирующей специальной нормой, не может толковаться расширительно и распространяться на те элементы процедуры ареста, которые не оговорены в статье 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации, т. е. не связаны с судебным санкционированием ареста.

3. Провозглашенное в статье 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации право на свободу включает, в частности, право не подвергаться ограничениям, которые связаны с применением таких принудительных мер, как задержание, арест, заключение под стражу или лишение свободы во всех иных формах без предусмотренных законом оснований, санкции суда или компетентных должностных лиц, а также сверх установленных либо контролируемых сроков. Вместе с тем, будучи неотчуждаемым и принадлежащим каждому от рождения, право на свободу в силу статьи 22 (часть 2) Конституции Российской Федерации может быть правомерно ограничено при аресте, заключении под стражу и содержании под стражей. Условия такого правомерного ограничения установлены в соответствии с Конституцией Российской Федерации федеральным законодательством, предусматривающим, что заключение под стражу может быть применено к лицу, обвиняемому или подозреваемому в совершении преступления, лишь на основании судебного решения или с санкции прокурора (статьи 11, 89, 96 УПК РСФСР).

Уголовно-процессуальный закон (части первая и вторая статьи 97 УПК РСФСР) определяет также, что содержание под стражей при расследовании преступлений не может продолжаться более двух месяцев, а при особой сложности дела и в иных исключительных случаях, по решению компетентного прокурора, — более полутора лет. Согласно части третьей статьи 97 УПК РСФСР истечение предельного срока содержания под стражей означает невозможность его дальнейшего продления и обязательность немедленного освобождения содержащегося под стражей обвиняемого. Однако оспариваемая заявителем часть пятая статьи 97 УПК РСФСР устанавливает правило, согласно которому время ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела при исчислении санкционированного срока содержания обвиняемого под стражей в качестве меры пресечения не учитывается.

4. Из статьи 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации, закрепляющей право на свободу, и пункта 1 статьи 9 Международного пакта о гражданских и политических правах, формулирующего условия правомерного ограничения этого права, следует, что никто не может быть подвергнут произвольному аресту или содержанию под стражей, а также не должен быть лишен свободы иначе, как на основаниях и в соответствии с процедурой, которые установлены законом.

Часть пятая статьи 97 УПК РСФСР способствует применению содержания под стражей в качестве меры пресечения без необходимых оснований, должной процедуры и вне каких-либо определенных или контролируемых сроков, что придает ограничению права на свободу при аресте произвольный характер: содержание обвиняемого под стражей на основании данной нормы за пределами санкционированного срока не предполагает обязательного вынесения компетентными органами соответствующего решения. В результате обвиняемый может содержаться под стражей даже после того, как ранее принятое решение о применении меры пресечения или о продлении срока содержания под стражей исчерпало себя, прекратило свое действие и, следовательно, когда уже исчезло юридическое основание для нахождения обвиняемого в следственном изоляторе.

Недопустимость избыточного или не ограниченного по продолжительности содержания под стражей вытекает и из пункта 3 статьи 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, согласно которому каждый имеет право на рассмотрение любого предъявленного ему обвинения без неоправданной задержки, что в первую очередь касается лиц, лишенных свободы на досудебных стадиях уголовного судопроизводства.

Такой подход к гарантиям от произвольного ареста развивается в соответствии с названным Международным пактом и в принятом Генеральной Ассамблеей ООН 9 декабря 1988 года Своде принципов защиты всех лиц, подвергаемых задержанию или заключению в какой бы то ни было форме, согласно которым лицо, задержанное по уголовному обвинению, имеет право в любое время возбудить разбирательство перед судебным или иным органом для оспаривания законности задержания, а также право на судебное разбирательство в разумные сроки либо на освобождение от суда.

5. Норма части пятой статьи 97 УПК РСФСР, как и весь правовой институт мер пресечения, направлена прежде всего на то, чтобы исключить для обвиняемого возможность скрыться от следствия и суда

и помешать расследованию, но, кроме того, имеет в виду необходимость воспрепятствовать обвиняемому и его защитнику в затягивании ознакомления с материалами дела, формально не ограничивая их при этом каким-либо сроком.

В то же время государство, даже имея цель воспрепятствовать злоупотреблению правом, с тем чтобы осуществление конституционных прав обвиняемого не нарушало права и свободы других лиц, должно использовать не чрезмерные, а только необходимые и строго обусловленные целями меры. Этот принцип соразмерного ограничения прав и свобод, закрепленный в статье 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации, означает, что публичные интересы, перечисленные в данной конституционной норме, могут оправдать правовые ограничения прав и свобод, если они адекватны социально оправданным целям. Правило, закрепленное в части пятой статьи 97 УПК РСФСР, указанным целям не соответствует.

Содержание данной нормы реально не исключает ее применения в стадии предварительного расследования для решения сугубо организационных задач, стоящих перед должностными лицами органов, производящих дознание и предварительное следствие. Об этом свидетельствует, как установлено в ходе судебного заседания, правоприменительная практика, в том числе и по делам, где не использованы предусмотренные частью второй статьи 97 УПК РСФСР возможности продления сроков содержания под стражей компетентным прокурором. Кроме того, оспариваемая норма предполагает содержание под стражей при ознакомлении с материалами дела независимо от наличия предусмотренных законом оснований ареста, без их проверки и подтверждения действительными обстоятельствами дела, которые могли бы свидетельствовать о реальных намерениях обвиняемого избежать уголовной ответственности. Возможность немотивированного применения части пятой статьи 97 УПК РСФСР по отношению ко всем обвиняемым является чрезмерным ограничением права на свободу.

Воспрепятствование обвиняемому и его защитнику в явном затягивании ознакомления с материалами дела может быть обеспечено путем применения части шестой статьи 201 УПК РСФСР, которая позволяет при наличии доказательств такого поведения ограничить это ознакомление определенным сроком. Поэтому достижение данной цели путем применения оспариваемой нормы не отвечает требованию использования средств, соразмерных целям.

Кроме того, как видно из жалобы В. В. Щелухина и других материалов дела, часть пятая статьи 97 УПК РСФСР создает предпосылки для того, чтобы по групповым делам из установленных законом предельных сроков содержания обвиняемого под стражей исключалось время, затраченное на ознакомление с материалами уголовного дела не только им самим и его защитником, но и другими обвиняемыми и их защитниками. Это означает, что законодатель избрал регулирование, при котором все обвиняемые, а не только злоупотребляющие указанным процессуальным правом, оказываются подвергнутыми произвольному аресту. Обеспечение обвиняемому достаточного времени для ознакомления с материалами дела не должно быть связано с наступлением для него такого неблагоприятного последствия, как не ограниченное по сроку дальнейшее содержание под стражей. Последнее приобретает значение санкции за использование обвиняемым его процессуальных прав и тем самым понуждает к отказу от них.

Таким образом, характер ограничения права на свободу, связанного с содержанием и применением части пятой статьи 97 УПК РСФСР, свидетельствует о превышении законодателем полномочий, предоставленных ему статьей 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

6. Обеспечению соразмерности продолжения содержания под стражей социально оправданным целям этой меры пресечения на этапе ознакомления обвиняемого с материалами окончательного расследования мог бы способствовать эффективный судебный контроль.

Предусмотренное в статье 46 Конституции Российской Федерации и непосредственно действующее в любой стадии уголовного судопроизводства (статья 11 УПК РСФСР, пункт 7 части первой статьи 17 Федерального закона от 15 июля 1995 года «О содержании под стражей подозреваемых и обвиняемых в совершении преступлений») право на судебную защиту, в частности от ареста, которое в соответствии со статьями 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации рассматривается Конституционным Судом Российской Федерации и судами общей юрисдикции как не подлежащее ограничению, оказывается реально не осуществимым при применении части пятой статьи 97 УПК РСФСР.

Обвиняемые, которым предъявлены для ознакомления материалы окончательного расследования, могут обжаловать в суд продолжение содержания под стражей в связи с тем, что санкционированный

срок его истек. Однако из буквального смысла части пятой статьи 97 УПК РСФСР следует, что подтверждение по такой жалобе одного только формального момента объявления следователем об окончании расследования может привести к признанию судом необходимости ознакомления обвиняемого и его защитника с материалами дела достаточным основанием для продолжения ареста, что имело место и в деле заявителя. Таким образом, оспариваемой нормой нарушается право на судебную защиту от необоснованного содержания под стражей. Поскольку продолжение содержания обвиняемого под стражей при ознакомлении его с материалами дела не предполагает вынесения обосновывающего это решения, то из-под судебного контроля выведены и фактическая обоснованность ареста на данном этапе процесса, и продление содержания под стражей как в пределах установленного законом максимального срока, так и с его превышением.

Проверяя жалобу, в которой оспаривается законность и обоснованность содержания обвиняемого под стражей, суд вправе принять решение об освобождении его из-под стражи. Не найдя оснований для удовлетворения жалобы, суд может либо направить материалы соответствующему прокурору для решения вопроса о продлении срока содержания обвиняемого под стражей, либо, если полномочия должностных лиц прокуратуры, предусмотренные частью второй статьи 97 УПК РСФСР, исчерпаны, принять собственное решение по данному вопросу.

7. Конституционный Суд Российской Федерации оценивает конституционность оспариваемой нормы, исходя не только из буквального ее смысла и практики правоприменения, но и из ее места и роли в системе правовых норм (часть вторая статьи 74 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»).

Безосновательность увеличения сроков содержания под стражей обусловлена не только собственно содержанием части пятой статьи 97 УПК РСФСР, но и характером норм, обеспечивающих обвиняемому право получать полную информацию о сущности обвинения и обосновывающих его доказательствах. В связи с этим само по себе признание оспариваемой нормы неконституционной является недостаточным для обеспечения права обвиняемого на защиту.

Решение названных вопросов с учетом задачи защиты общества от преступлений путем обоснованной реализации уголовного закона требует от законодателя использования системы правовых средств,

что должно быть осуществлено в разрабатываемом уголовно-процессуальном законодательстве и применительно к предмету рассмотрения по данному делу.

Внесение законодателем в действующий уголовно-процессуальный порядок необходимых изменений либо введение им новых правовых институтов представляется наиболее эффективным средством обеспечения конституционно-правового содержания уголовно-процессуальных процедур. Возможная их корректировка судами на основе непосредственного применения закрепленного в Конституции Российской Федерации права на судебную защиту не исключает трудности в обеспечении правоприменительной практикой равенства граждан перед законом и судом. Однако принятие соответствующих законодательных решений, учитывающих в том числе позицию Конституционного Суда Российской Федерации, требует определенного времени.

Согласно статье 80 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» Конституционный Суд Российской Федерации в своем итоговом решении вправе, в зависимости от характера рассматриваемого вопроса, предусмотреть специальный порядок, сроки и особенности его исполнения. В связи с реальными перспективами нового законодательного регулирования, признавая возможность непосредственного применения положений статьи 46 Конституции Российской Федерации о праве на судебное обжалование любых нарушений прав и свобод, включая необоснованность ареста, а также имея в виду, что пробельность в регулировании института содержания под стражей, возникающая в результате признания оспариваемой нормы неконституционной, может иметь определенные отрицательные социальные последствия. Конституционный Суд Российской Федерации считает необходимым использовать процедуру отсрочки исполнения решения по настоящему делу с тем, чтобы законодатель в надлежащий срок принял меры, обеспечивающие баланс интересов правосудия и прав граждан на свободу и личную неприкосновенность, а также исключаящие возможность произвольного ареста, в том числе с помощью закрепления процедуры судебного контроля за законностью и обоснованностью ареста и содержания под стражей на любой стадии уголовного процесса.

На основании изложенного и руководствуясь частью первой статьи 71, статьями 72, 75, 79, 80 и 100 Федерального конституционного

закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации постановил:

1. Признать часть пятую статьи 97 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР не соответствующей Конституции Российской Федерации, ее статьям 17, 22 (часть 1), 46 (часть 1), 55 (часть 3).

Часть пятая статьи 97 УПК РСФСР утрачивает силу по истечении шести месяцев с момента провозглашения настоящего Постановления.

2. Федеральному собранию Российской Федерации в течение шести месяцев с момента провозглашения настоящего Постановления надлежит решить вопрос об изменении уголовно-процессуального закона в части обеспечения гарантий закрепленного в статье 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации права каждого на свободу при применении ареста и содержании под стражей в качестве меры пресечения.

3. В соответствии со статьей 46 (часть 1) Конституции Российской Федерации до разрешения в законодательном порядке поставленных в настоящем Постановлении вопросов, связанных с обеспечением гарантий закрепленного в статье 22 (часть 1) Конституции Российской Федерации права каждого на свободу, лицо, обвиняемое в совершении преступления, вправе обжаловать в суд законность и обоснованность содержания под стражей на любом этапе уголовного судопроизводства, включая ознакомление обвиняемого и его защитника с материалами уголовного дела.

4. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения и действует непосредственно.

5. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации», «Российской газете», иных официальных изданиях органов государственной власти Российской Федерации. Постановление должно быть также опубликовано в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

КОНСТИТУЦИОННЫЙ СУД РОССИЙСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ

ПОСТАНОВЛЕНИЕ

от 27 июня 2000 г. № 11-П

По делу о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР в связи с жалобой гражданина В. И. Маслова

Именем Российской Федерации

Конституционный Суд Российской Федерации в составе председательствующего О. И. Тиунова, судей Н. С. Бондаря, Н. В. Витрука, Г. А. Гаджиева, А. Л. Кононова, Т. Г. Морщаковой, А. Я. Сливы, Б. С. Эбзеева, В. Г. Ярославцева,

с участием представителя гражданина В. И. Маслова — адвоката Б. Б. Грузда, постоянного представителя Государственной думы в Конституционном Суде Российской Федерации В. В. Лазарева и представителя Совета Федерации — адвоката А. Я. Клейменова,

руководствуясь статьей 125 (часть 4) Конституции Российской Федерации, пунктом 3 части первой, частями второй и третьей статьи 3, пунктом 3 части второй статьи 22, статьями 36, 96, 97 и 99 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации»,

рассмотрел в открытом заседании дело о проверке конституционности положений части первой статьи 47 и части второй статьи 51 УПК РСФСР.

Поводом к рассмотрению дела явилась жалоба гражданина В. И. Маслова на нарушение его конституционных прав указанными положениями УПК РСФСР.

Заслушав сообщение судьи — докладчика А. Л. Кононова, объяснения представителей сторон, выступления приглашенных в заседание судьи Верховного Суда Российской Федерации С. А. Разумова, а также представителей: от Генеральной прокуратуры Российской Федерации — А. П. Короткова, от Министерства внутренних дел Российской Федерации — Б. Я. Гаврилова, исследовав представленные документы и иные материалы, Конституционный Суд Российской Федерации

установил:

1. Как следует из жалобы, 2 октября 1997 года в рамках расследования по уголовному делу, возбужденному по признакам преступления, предусмотренного статьей 163 УК Российской Федерации, следственными органами при ГУВД города Санкт-Петербурга и Ленинградской области был произведен обыск по месту жительства гражданина В. И. Маслова, после чего он был принудительно доставлен в региональное управление по борьбе с организованной преступностью, где удерживался более 16 часов. За это время в отношении него был проведен ряд других следственных действий — опознание, допрос в качестве свидетеля, очная ставка.

В ответ на ходатайство В. И. Маслова об обеспечении помощи адвоката (защитника) следователь разъяснил ему, что в соответствии с частью первой статьи 47 УПК РСФСР такая помощь предоставляется только обвиняемому — с момента предъявления обвинения и подозреваемому — с момента объявления ему протокола задержания или постановления о применении к нему меры пресечения в виде заключения под стражу, а поскольку В. И. Маслов в данный момент по своему процессуальному положению является свидетелем, его просьба не может быть удовлетворена. Протокол же о задержании в качестве подозреваемого был объявлен В. И. Маслову после того, как он уже длительное время находился в положении фактически задержанного и в отношении него были проведены опознание, допрос в качестве свидетеля и очная ставка.

После предъявления В. И. Маслову обвинения осуществляющий его защиту адвокат заявил ходатайство об ознакомлении с протоколами следственных действий, проведенных с участием В. И. Маслова до признания его подозреваемым, в чем ему было отказано, так же, как и в производстве выписок из материалов, предоставленных для ознакомления, на том основании, что, по мнению следователя, в силу части второй статьи 51 УПК РСФСР эти права защитник может реализовать лишь после окончания следствия.

Действия следователя неоднократно обжаловались В. И. Масловым и его защитником в прокуратуру и суд, которые, однако, не усмотрели в них каких-либо нарушений права В. И. Маслова пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента задержания. Только после рассмотрения судом кассационной инстанции их требования в части, касающейся применения части второй статьи 51 УПК

РСФСР, были удовлетворены: признан незаконным отказ защитнику в предоставлении для ознакомления протоколов следственных действий, проведенных с участием его подзащитного, и в производстве выписок из процессуальных документов.

Гражданин В. И. Маслов, полагая, что его конституционным правам в уголовном процессе причинен невосполнимый ущерб, поскольку они своевременно не были реализованы на важной для защиты стадии уголовного процесса, обратился в Конституционный Суд Российской Федерации с просьбой проверить конституционность примененных в его деле положений УПК РСФСР как противоречащих статьям 45 (часть 2), 48 (части 1 и 2) и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

Таким образом, предметом рассмотрения по настоящему делу являются положения части первой статьи 47 УПК РСФСР, которые допускают защитника к участию в деле с момента объявления лицу, подозреваемому в совершении преступления, протокола задержания либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу, а также положения части второй статьи 51 УПК РСФСР, которые толкуются правоприменительной практикой как не предоставляющие защитнику до окончания расследования по делу право знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием его подзащитного до того, как он был признан подозреваемым, и документами, которые предъявлялись либо должны предъявляться подозреваемому и обвиняемому, и исключающие право выписывать необходимые сведения из материалов, с которыми защитник был ознакомлен.

2. Конституция Российской Федерации, гарантируя государственную защиту прав и свобод человека и гражданина (статья 2; статья 45 часть 1), предоставляет каждому право на получение квалифицированной юридической помощи (статья 48, часть 1) и, кроме того, прямо предусматривает, что «каждый задержанный, заключенный под стражу, обвиняемый в совершении преступления имеет право пользоваться помощью адвоката (защитника) с момента соответственно задержания, заключения под стражу или предъявления обвинения» (статья 48 часть 2).

Закрепляя это право как непосредственно действующее, Конституция Российской Федерации не связывает предоставление помощи адвоката (защитника) с формальным признанием лица подозреваемым

мым либо обвиняемым, а следовательно, и с моментом принятия органом дознания, следствия или прокуратуры какого-либо процессуального акта, и не наделяет федерального законодателя правом устанавливать ограничительные условия его реализации.

Норма статьи 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации определенно указывает на существенные признаки, характеризующие фактическое положение лица как нуждающегося в правовой помощи в силу того, что его конституционные права, прежде всего на свободу и личную неприкосновенность, ограничены, в том числе в связи с уголовным преследованием в целях установления его виновности. Поэтому конституционное право пользоваться помощью адвоката (защитника) возникает у конкретного лица с того момента, когда ограничение его прав становится реальным.

По буквальному смыслу положений, закрепленных в статьях 2, 45 и 48 Конституции Российской Федерации, право на получение юридической помощи адвоката гарантируется каждому лицу независимо от его формального процессуального статуса, в том числе от признания задержанным и подозреваемым, если уполномоченными органами власти в отношении этого лица предприняты меры, которыми реально ограничиваются свобода и личная неприкосновенность, включая свободу передвижения, — удержание официальными властями, принудительный привод или доставление в органы дознания и следствия, содержание в изоляции без каких-либо контактов, а также какие-либо иные действия, существенно ограничивающие свободу и личную неприкосновенность.

В противоречие с требованиями статьи 48 Конституции Российской Федерации оспариваемые положения части первой статьи 47 УПК РФ препятствуют реализации права на помощь адвоката (защитника), допуская ее не с момента фактического задержания лица, подозреваемого в совершении преступления, а лишь с момента объявления ему органами дознания и следствия протокола задержания или постановления об аресте, в результате чего реализация права на защиту и права пользоваться помощью адвоката (защитника) ставится в зависимость от усмотрения этих органов.

Такое усмотрение открывает возможность для недопустимых произвольных властных действий в отношении лица, чьи конституционные права и свободы ограничиваются, что не только противоречит принципам свободы и личной неприкосновенности (статья 22, часть 1, Конституции Российской Федерации), но и умаляет достоинство лич-

ности как основу признания и уважения ее прав и свобод (статья 21, часть 1 Конституции Российской Федерации).

3. Закрепленное в статье 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации право пользоваться помощью адвоката (защитника) является конкретизацией более общего права, предусмотренного частью 1 той же статьи, — права каждого на получение квалифицированной юридической помощи (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 28 января 1997 года по делу о проверке конституционности части четвертой статьи 47 УПК РСФСР). Поэтому статья 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации, дополнительно гарантирующая защиту от необоснованных ограничений предусмотренной статьей 22 Конституции Российской Федерации права на свободу и личную неприкосновенность, не может толковаться как ограничивающая право на квалифицированную юридическую помощь адвоката — такая помощь должна быть предоставлена каждому лицу, в том числе в рамках уголовного преследования в любых его формах. Иное истолкование было бы умалением конституционного права каждого на получение квалифицированной юридической помощи, которое не может быть ограничено ни при каких обстоятельствах и противоречило бы статьям 55 (часть 3) и 56 (часть 3) Конституции Российской Федерации (Постановление Конституционного Суда Российской Федерации от 27 марта 1996 года по делу о проверке конституционности статей 1 и 21 Закона Российской Федерации «О государственной тайне»).

Поскольку конституционное право на помощь адвоката (защитника) не может быть ограничено федеральным законом, то применительно к его обеспечению понятия «задержанный», «обвиняемый», «предъявление обвинения» должны толковаться в их конституционно-правовом, а не в придаваемом им Уголовно-процессуальным кодексом РФ более узком смысле. В целях реализации названного конституционного права необходимо учитывать не только формальное процессуальное, но и фактическое положение лица, в отношении которого осуществляется публичное уголовное преследование. При этом факт уголовного преследования и, следовательно, направленная против конкретного лица обвинительная деятельность могут подтверждаться актом о возбуждении в отношении данного лица уголовного дела, проведением в отношении него следственных действий (обыска, опознания, допроса и др.) и иными мерами, предпринимаемыми в целях его изобличения или свидетельствующими о наличии

подозрений против него (в частности, разъяснением в соответствии со статьей 51 (часть 1) Конституции Российской Федерации права не давать показаний против себя самого). Поскольку такие действия направлены на выявление уличающих лиц, в отношении которого ведется уголовное преследование, фактов и обстоятельств, ему должна быть безотлагательно предоставлена возможность обратиться за помощью к адвокату (защитнику). Тем самым обеспечиваются условия, позволяющие этому лицу получить должное представление о своих правах и обязанностях, о выдвигаемом против него обвинении и, следовательно, эффективно защищаться и гарантирующие в дальнейшем от признания недопустимыми полученных в ходе расследования доказательств (статья 50 часть 2 Конституции Российской Федерации).

Изложенное понимание конституционных норм о праве каждого при осуществлении в отношении него уголовного преследования на доступ к адвокату согласуется также с нормами международного права, в соответствии с которыми в Российской Федерации признаются и гарантируются права и свободы человека и гражданина (статья 15 часть 4; статья 17 часть 1 Конституции Российской Федерации).

Доступ к адвокату как неотъемлемая гарантия права на защиту в случае уголовного обвинения предусмотрен статьей 14 Международного пакта о гражданских и политических правах, а также статьями 5 и 6 Конвенции о защите прав человека и основных свобод, согласно которым каждому арестованному или задержанному сообщаются незамедлительно причины ареста и предъявляемое обвинение и обеспечивается право на безотлагательное решение судом вопроса о законности задержания и справедливое публичное разбирательство дела при предоставлении возможности защищать себя лично или через посредство выбранного им самим защитника.

Рассматривая право обвиняемого на получение помощи адвоката как распространяющееся на досудебные стадии производства (решение от 24 мая 1991 года по делу *Quaranta*, Series A, no. 205, para 27; решение от 24 ноября 1993 года по делу *Ymbrioscia*, Series A, no. 275, para 36), Европейский суд по правам человека сформулировал ряд положений, согласно которым отказ задержанному в доступе к адвокату в течение первых часов допросов полицией в ситуации, когда праву на защиту мог быть нанесен невосполнимый ущерб, является — каким бы ни было основание такого отказа — несовместимым с правами обвиняемого, предусмотренными статьей 6 (пункт 3 «с») Кон-

венции о защите прав человека и основных свобод (решение от 8 февраля 1996 года по делу *Murray*, 1996-1, para 66). При этом под обвинением в смысле статьи 6 Конвенции Европейский суд по правам человека понимает не только официальное уведомление об обвинении, но и иные меры, связанные с подозрением в совершении преступления, которые влекут серьезные последствия или существенным образом сказываются на положении подозреваемого (решение от 27 февраля 1980 года по делу *Deweer*, Series A, no. 35, para 44, 46; решение от 15 июля 1982 года по делу *Eckle*, Series A, no. 51, para 73; решение от 10 декабря 1982 года по делу *Foti*, Series A, no. 56, para 52), т. е. считает необходимым исходить из содержательного, а не формального понимания обвинения.

Таким образом, оспариваемые положения части первой статьи 47 УПК РСФСР, согласно которым лицо, подозреваемое в совершении преступления, получает право пользоваться помощью защитника с момента объявления ему либо протокола задержания, либо постановления о применении до предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу, исходя из их буквального смысла, ограничивают право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием, и, следовательно, не соответствуют статьям 17 (часть 1), 21 (часть 1), 22 (часть 1), 48 и 55 (часть 3) Конституции Российской Федерации.

4. Оспариваемые положения части второй статьи 51 УПК РСФСР по их буквальному смыслу не предусматривают право защитника до окончания расследования по делу знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием подзащитного до признания его подозреваемым, и с документами, которые предъявлялись либо должны предъявляться подозреваемому и обвиняемому, а также право выписывать из материалов, с которыми защитник был ознакомлен, любые сведения в любом объеме. Именно таким образом эти положения были истолкованы в деле заявителя органами следствия, прокуратуры и в первоначальных решениях — судом.

Данное правоприменителем истолкование, однако, не вытекает из этих норм УПК РСФСР, если их рассматривать во взаимосвязи с положениями, которые устанавливают право и обязанность защитника в уголовном судопроизводстве использовать любые средства и спо-

собы защиты, не противоречащие закону (часть первая статьи 51 УПК РСФСР, статья 16 Положения об адвокатуре РСФСР).

Оспариваемые положения части второй статьи 51 УПК РСФСР обязывают следствие предъявить защитнику подозреваемого как материалы следственных действий с участием подозреваемого, так и документы, которые предъявлялись подозреваемому либо должны быть ему предъявлены, а также которые подтверждают законность и обоснованность применения к нему меры пресечения. Отказ защитнику в ознакомлении с материалами следствия, которые были добыты с участием подозреваемого или стали ему известны иным образом до признания его подозреваемым, как и ограничение права защитника выписывать из материалов, с которыми он был ознакомлен до окончания следствия, любые сведения и в любом объеме не имеют разумного основания, не могут быть оправданы интересами следствия или иными конституционно значимыми целями, допускающими соразмерные ограничения прав и свобод (статья 55 часть 3 Конституции Российской Федерации).

Иное истолкование оспариваемых положений части второй статьи 51 УПК РСФСР противоречило бы также смыслу статьи 45 (часть 1) Конституции Российской Федерации, согласно которой в Российской Федерации гарантируется государственная защита прав и свобод, и статьи 48 Конституции Российской Федерации, закрепляющей право каждого на получение квалифицированной юридической помощи, в том числе право пользоваться помощью адвоката (защитника) по уголовным делам.

Исходя из изложенного и руководствуясь частями первой и второй статьи 71, статьями 72, 74, 75, 79 и 100 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации», Конституционный Суд Российской Федерации

постановил:

1. Признать не соответствующими Конституции Российской Федерации, ее статьям 17 (часть 1), 21 (часть 1), 22 (часть 1), 48 и 55 (часть 3), положения части первой статьи 47 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР, которые — по их буквальному смыслу — предоставляют лицу, подозреваемому в совершении преступления, право пользоваться помощью защитника лишь с момента объявления ему протокола задержания либо постановления о применении до

предъявления обвинения меры пресечения в виде заключения под стражу и, следовательно, ограничивают право каждого на досудебных стадиях уголовного судопроизводства пользоваться помощью адвоката (защитника) во всех случаях, когда его права и свободы существенно затрагиваются или могут быть существенно затронуты действиями и мерами, связанными с уголовным преследованием.

Впредь до введения федеральным законодателем нового урегулирования подлежит применению непосредственно положение статьи 48 (часть 2) Конституции Российской Федерации в его истолковании, данном в настоящем Постановлении.

2. Признать положения части второй статьи 51 Уголовно-процессуального кодекса РСФСР не противоречащими Конституции Российской Федерации, поскольку они, будучи истолкованы в конституционно-правовом смысле, не ограничивают право защитника до окончания расследования по уголовному делу знакомиться с протоколами следственных действий, произведенных с участием подзащитного до признания его подозреваемым, и с документами, которые предъявлялись либо должны предъявляться подозреваемому и обвиняемому, а также право выписывать из материалов, с которыми защитник был ознакомлен, любые сведения и в любом объеме.

3. Настоящее Постановление окончательно, не подлежит обжалованию, вступает в силу немедленно после его провозглашения, действует непосредственно и не требует подтверждения другими органами и должностными лицами.

4. С учетом выводов, содержащихся в настоящем Постановлении, гражданину В. И. Маслову должна быть обеспечена возможность обратиться за защитой своих прав и законных интересов, которые могли быть нарушены применением признанного не соответствующим Конституции Российской Федерации положения части первой статьи 47 УПК РСФСР.

5. Согласно статье 78 Федерального конституционного закона «О Конституционном Суде Российской Федерации» настоящее Постановление подлежит незамедлительному опубликованию в «Собрании законодательства Российской Федерации» и «Российской газете». Постановление должно быть опубликовано также в «Вестнике Конституционного Суда Российской Федерации».

Уральский центр конституционной и международной защиты прав человека

Право на свободу и личную неприкосновенность: европейские стандарты и российская практика

Редактор *Т. А. Федорова*

Верстка *Л. А. Хухаревой*

Ответственная за выпуск *Т. Г. Мусина*

Подписано в печать 16.03.2005. Формат 60 × 84/16. Бумага офсетная.
Усл. печ. л. 12,29. Гарнитура Times New Roman.
Печать офсетная. Тираж 1000 экз. Заказ 250.

Издательство Уральского университета.
620083, Екатеринбург, ул. Тургенева, 4.

Отпечатано в типографии ПП «Аграф».
620085, г. Екатеринбург, ул. Ферганская, 16, оф. 312.

Уральский центр конституционной и международной защиты прав человека был основан в 2000 году в результате совместного проекта общественного объединения «Сутяжник» (Екатеринбург) и Международного центра юридической защиты прав человека «Интерайтс» (Великобритания, Лондон) «Обучение юристов применению Европейской конвенции о защите прав человека и основных свобод». С этого времени Центр осуществляет обучение практикующих юристов применению Европейской конвенции о защите прав человека (в рамках собственных проектов и по приглашению других организаций); подготовку обращений в Европейский суд по правам человека; консультирование граждан и организаций по вопросам применения международных норм по правам человека и обращения в международные органы защиты прав человека; ведение дел по оспариванию нормативных актов, нарушающих права и свободы человека и гражданина, в судах общей юрисдикции, Уставном суде Свердловской области, Верховном Суде РФ, Конституционном Суде РФ; обучение практикующих юристов тактике защиты прав граждан и организаций через судебное оспаривание нормативных актов; подготовку методических пособий по вопросам применения конституционных и международных норм.

Ведущие специалисты Центра за время его функционирования успешно совмещают практическую работу с научными исследованиями: Анна Валентиновна Деменова получила степень магистра международного права, применив полученные знания на практике в деле *Rakevich v. Russia*, в настоящее время работает над кандидатской диссертацией по вопросам юридических последствий решений Европейского суда по правам человека для Российской Федерации; Людмила Михайловна Чуркина завершает подготовку кандидатской диссертации в Уральской государственной юридической академии, являясь представителем по делу *Sutyajnik v. Russia*; Антон Леонидович Бурков получил степень магистра международного права, с отличием защитив диссертацию в Эссекском Университете Великобритании по проблеме влияния Европейской конвенции на российское право, создав по материалам диссертации обучающий ресурс в Интернете «Изучаем Европейскую Конвенцию» (<http://sutyajnik.ru/rus/echr/school>).

Если у вас возник вопрос о возможности обращения в Европейский Суд по правам человека, о применении Конвенции в российских судах, вы можете найти ответ на сайте Центра <http://sutyajnik.ru/rus/echr/school>, задать свой вопрос юристам Центра по электронной почте (demeneva@sutyajnik.ru; luda@sutyajnik.ru; burkov@sutyajnik.ru) или по телефонам (343) 350-60-22, 355-36-51.